

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2009

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Корректор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *В. Иванов, О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития и группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 3 (49) 2009

К читателю

Актуален ли сегодня Совет Европы? 5
Жан-Луи Лоран

Семинар

Кризис и дискуссия об общественном договоре 10
Александр Аузан
Дискуссия 20
Свобода слов 26

Тема номера

Безопасность и свобода 27
Чарльз Вивинан

Вызовы и угрозы

Глобализация и этнокультурный транзит как катализаторы терроризма 37
Сергей Большаков, Галина Грибанова

Дискуссия

Зачем нужна культура? 49
Александр Архангельский
Политика и культура сегодня 56
Борис Дубин

Ценности и интересы

Исповедание неверия 63
Максим Трудолюбов

Наука и общество

Наука и инновационная деятельность 69
Антон Балдин

Точка зрения

После капитализма 79
Джеф Малган

Жизнь в профессии

Верить и действовать сообща 91
Соня Лихт

Стиль жизни во имя... 96
Регина Султанова

Горизонты понимания

Климат и энергетика: европейская перспектива 99
Матти Анттонен

In memoriam

Ральф Дарендорф 107
Хелла Пик

Наш анонс

Свобода и порядок 111
Алексей Кара-Мурза

Книги

История Кавказа 114
Сергей Маркедонов

Региональное книжное обозрение 119
Игорь Князев
Алексей Петров

Nota bene

Воспоминания о 123
Михаил Коваль

*В оформлении номера использованы работы художников
из Германии, Италии, Мексики, США.*

Актуален ли сегодня Совет Европы? 60 лет спустя*

Может быть, еще не все знают, что Московская школа политических исследований имеет большую семью в Европе, где сейчас уже 15 таких школ. Конечно, каждая из них имеет свою специфику, но все они работают на основе того проекта, который в 1993 году запустили Лена Немировская и Юрий Сенокосов. Им мы обязаны тем, что они начали общеевропейский, в сущности, проект, с которым непосредственно связана тема моего выступления, которую я бы сформулировал так: актуален ли сегодня Совет Европы?

Разумеется, у меня нет желания быть камикадзе, и если я ставлю этот вопрос, то лишь потому, что знаю ответ на него, убежден в нем: Совет Европы и сегодня нужен для России и для всех европейских государств.

В этом году мы отмечаем 60-й юбилей образования Совета, и дальше я буду говорить о его современных политических задачах. Но вначале вернемся к его основам, которые были заложены в 1949 году.

Тогда некоторые идеалистически настроенные лидеры государств решили, что после двух мировых войн и, конечно, после нацизма и сталинизма нам необходимо работать на благо объединения Европы, создавая основу того, что могло бы стать гарантией против новой разрушительной войны в нашем регионе. Представлялось естественным, что эта основа должна опираться на известные принципы демократии — верховенство права и права человека, плюрализм мнений, разделение властей, социальная сплоченность. Вопрос, который встает в настоящее время: остаются ли эти ценности по-прежнему актуальными, служат ли они теми столпами, на которых и далее будет стоять наше общество?

Если обратиться к недавней истории (я здесь пере-скакиваю с 1949 года в 2008-й), то после событий

*Жан-Луи Лоран,
директор
по политическим вопросам
Совета Европы*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 11 июня 2009 г.

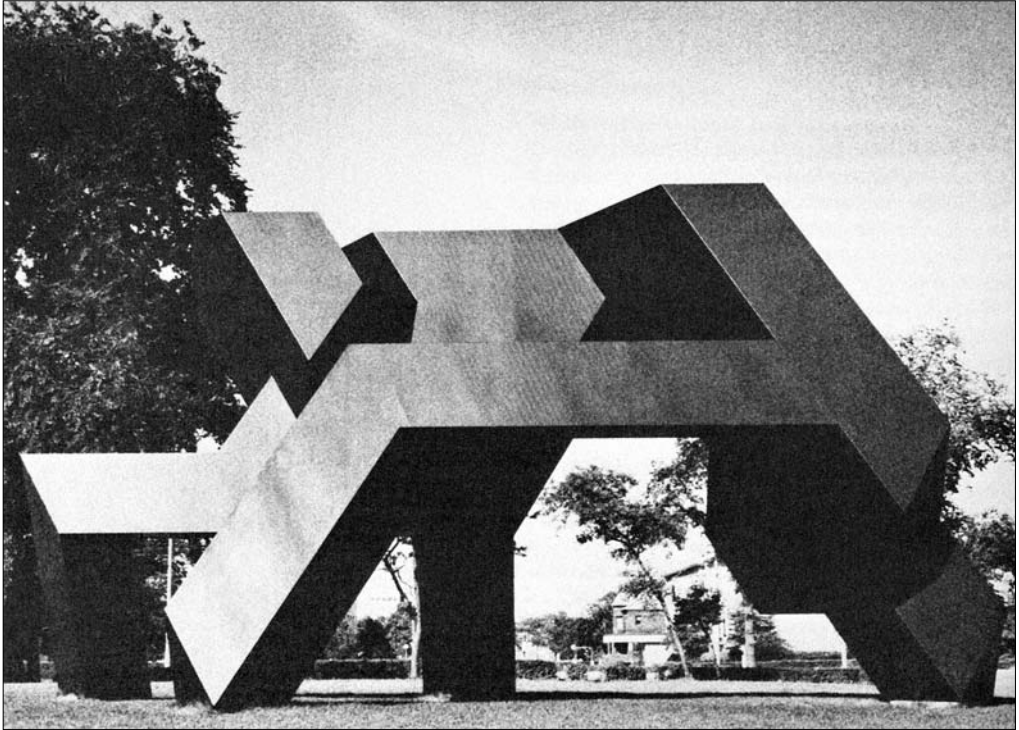
прошлого августа, когда разразилась война между двумя государствами — членами Совета Европы, даже при том, что она продолжалась несколько дней, вы можете сказать, что Совет Европы не выполнил своей роли, так как не сумел предотвратить конфликт. Ведь государства, которые подписались под его принципами и нормами, действительно вступили в военные действия. Я знаю, что есть разные взгляды, различные интерпретации причин этого вооруженного конфликта, и не собираюсь его анализировать. Но все же — как мы оказались в таком положении? Учитывая, что сегодня существуют и другие похожие ситуации в отношениях между государствами — членами Совета Европы, очень серьезные конфликты, хотя и не вступившие в драматичную фазу войны. Если мы вспомним недавние события в Молдове, то, что произошло в бывшей Югославии, кризис в Косово, то возникает много вопросов. Главный из них — повторю его еще раз — насколько все-таки значимы исповедуемые нами ценности и возможно ли, опираясь на них, предотвращать подобного рода конфликты?

Хочу быть конкретным: может быть, у нас слишком много демократии или нам ее не хватает? Слишком много прав человека или они недостаточны? Может быть, верховенство права чрезмерно — или здесь тоже проявляется недостаточность, в частности, в реализации этого принципа? Полноценно ли развито уважение к личности и к многообразию мнений и взглядов? Достаточно ли у нас социальной сплоченности или, наоборот, она слаба?

Ответы на эти вопросы, на мой взгляд, очевидны. У нас не хватает демократии, не слишком хорошо защищены права человека. У нас недостаточно эффективно верховенство права. Не на должном уровне уважение к другим людям. У нас еще слабая социальная сплоченность и много людей, которые не интегрированы в общество, потому что они другие, не похожие на нас. Потому что они могут быть, скажем, инвалидами. Или у них нет работы. Потому что они страдают из-за последствий кризиса. Все это серьезные проблемы, которые нам еще предстоит решать.

Совет Европы, как и любая другая международная организация, не является неким независимым органом, не имеющим корней и опоры в среде государств-членов. Естественно, его состояние — это результат некогда проявленной коллективной воли, либо, порой, ее отсутствия, в силу чего мы и сталкиваемся с названными проблемами. У Совета Европы имеется единственный инструмент воздействия на реальность. Он называется — солидарная позиция по отношению к тому, что мы должны делать вместе, и к тем сферам, которые мы коллективно контролируем.

Два слова о специфике членства в Совете Европы, поскольку известно, что можно быть европейской демократической страной и при этом не входить в Совет. Например, Финляндия после обретения независимости была демократическим государством, уважала и политический плюрализм, и права человека, но вступила в Совет Европы только в 1958 году, то есть через 40 лет после основания государства. Теперь мы понимаем, почему так поздно это произошло. Геополити-

Тони Смит. Конструкция. 1972

ческая реальность была такова, что страна хотела оставаться нейтральной между двумя лагерями, на которые оказалась разделенной Европа.

Что же разделяло Европу 40 лет, несмотря на существовавшие демократические ценности и стандарты? Конечно же, конфронтация и военное противостояние. Но из-за чего пала Берлинская стена? Почему открылся железный занавес? Да, политики и военные разделили Германию и мир, но не из-за них рухнула стена. Причиной стала, скорее всего, экономическая ситуация, экономический коллапс социалистической системы, так как уже мало кто верил в ее ценности. Именно из-за этого она была разрушена. И это, кстати, способствовало тому, что Европа снова объединилась. Объединилась на основе приверженности общим ценностям.

Каковы же теперь ценности Совета Европы? Они остаются прежними. Главное, что мы продолжаем признавать важность наших совместных усилий для их сохранения.

Вчера я встречался с депутатом российской Думы, который сказал: мы довольны, что каждый год у нас тысячи граждан подают иски в Европейский суд по правам человека. А нам это не очень нравится, заметил я, потому что суд оказывается не эффективным и не может справиться с таким потоком дел. И такую работу задает только одно из европейских государств! Но мой собеседник, я думаю, помимо

сказанного имел в виду и другое: благодаря наднациональным органам, ведущим постоянный мониторинг, у российских граждан есть способ добиться не только разрешения их собственных проблем, но и продвижения внутренних реформ. Законодательные нормы, действующие в Совете Европы, становятся тем самым своеобразным образцом для строительства национальных институтов и законодательства.

На мой взгляд, чрезвычайно существенно, что решения по судебным искам могут стимулировать реформу судебной системы, а следовательно, и улучшение работы правоохранительных органов. Потому что большинство подаваемых в Европейский суд исков говорят о несправедливости судебных решений или их неисполнении. И это только один пример того, как спустя 60 лет после основания Совета Европы его принципы и деятельность остаются по-прежнему актуальными.

Часто меня критикуют за то, что Совет Европы якобы бессилён перед лицом конфликтных ситуаций. Но если мы вернемся к примеру прошлого лета, то надо вспомнить, что тогда ничего не смогли сделать для предотвращения войны и другие международные структуры, я имею в виду наблюдателей ОБСЕ, ООН и пр. Возможно, международное сообщество в целом не было тогда достаточно внимательно к нарастающим проблемам и не настаивало на том, чтобы стороны сели за стол переговоров и нашли мирное, институциональное решение конфликта.

Деятельность Совета Европы, как я уже сказал, основывается на общей воле государств-членов. К вступлению в Совет Европы никто не принуждает, это делается добровольно. Это не та организация, где страны защищают свои национальные интересы. Это не Совет Безопасности ООН. Здесь вы находитесь, чтобы сотрудничать с другими организациями и соблюдать общие договоренности и решения. То есть, вступая в Совет Европы, вы соглашаетесь быть наблюдателем за ситуацией в других государствах-членах и за их отношениями, которые будут развиваться успешно, если партнеры имеют волю и убеждены, что в этом основа социального прогресса, то есть движения в направлении более справедливого, открытого общества. Потому что демократия — это такая система, в которой люди начинают сознавать, что у них есть чувство сплоченности и чувство ответственности за все, что происходит в мире.

При этом подчеркну также, что мы развиваем диалог с гражданским обществом в странах Восточной Европы и будем продолжать эту работу, опираясь на сеть уже созданных школ и другие НКО, которые, безусловно, тоже будут участвовать в этом процессе.

Некоторым иногда кажется, что Совет Европы это своего рода шизофреническая организация, отстаивающая ценности, которые соотносятся с защитой наших же граждан от наших же государств. Ведь что такое Европейская конвенция по защите прав человека? Это документ, который призван защищать наших граждан от наших же правительств или государств. В этой связи необходимо отметить, что вердикты Европейского суда по правам человека пред-

ставляются на рассмотрение комитета министров и, в конце концов, решения выносятся политическими органами власти. И парламентская ассамблея также состоит из политиков. То есть ценности демократии реализуются посредством политических инструментов, — так можно определить сущность Совета Европы.

Я испытываю большое уважение к национальным и международным НКО. Мы тесно сотрудничаем с Amnesty International (Международная амнистия), с обществом «Мемориал» и другими. Для нас это дополнительное стимул к

Мы развиваем диалог с гражданским обществом в странах Восточной Европы и будем продолжать эту работу, опираясь на сеть уже созданных школ и другие НКО

действиям, учитывая, что Совет Европы, как я сказал, остается организацией, где решения выносятся в конечном итоге представителями национальных правительств. Это одновременно сильная и слабая сторона Совета Европы, и нам необходимо считаться с этим в контексте функционирования Совета.

Сейчас для нас главная цель — создание условий для подлинного равноправия всех государств-членов. В Совете Европы сложилась ситуация, когда к некоторым странам применяются процедуры, которые действуют в отношении других стран. Я считаю, что это недопустимо, должно быть введено реальное равноправие. Но это требует усилий со стороны как Совета Европы, так и соответствующих стран.

Вторая цель — реформирование системы защиты прав человека, придания ей большей оперативности, потому что в настоящее время она работает очень медленно. Нельзя назвать эффективной систему, которая приводит к решению вопросов спустя 6–7 лет после подачи заявлений. Поэтому мы придаем такое большое значение работе с 350 неправительственными организациями, сотрудничающими с Советом Европы, которые не только вносят по этому поводу свои предложения, идеи или запросы от имени рядовых граждан, но и занимаются распространением информации среди людей, вовлеченных в работу этих организаций.

Совершенно очевидно, что Московская школа политических исследований является важным общественным институтом, с помощью которого распространяются демократические ценности. Поэтому Совет Европы поддержал в свое время идею гражданского просвещения общества, выдвинутую ее основателями. А затем, как я сказал в самом начале, мы способствовали созданию подобных школ в Восточной Европе. И теперь, возможно, будем двигаться в Западную Европу, так как я абсолютно убежден, что есть необходимость в подобных институтах во всех государствах — членах Совета Европы, ибо демократия может существовать и развиваться только благодаря активному участию граждан в общественной деятельности.

*Александр Аузан,
президент Института
национального проекта
“Общественный договор”*

*Кризис и дискуссия об общественном договоре**

Поскольку речь пойдет о кризисе, я бы сказал так: современный кризис — это своеобразный рентген, который показывает, что реально происходит с экономикой в разных странах, в том числе и в России, обнажив наши внутренние проблемы. Хотел бы сослаться в этой связи на прошедшие недавно 4-е Ходорковские чтения, где было 3 «круглых стола», в одном из которых принимали участие разные по взглядам экономисты (Сергей Алексащенко, Михаил Делягин, Никита Кричевский, Сергей Гуриев, Ирина Ясина и другие). На заданный мной в ходе дискуссии вопрос, может ли Россия, выходя из кризиса, вернуться к статус-кво, большинство из них ответило, что это практически невозможно. Гуриев же заметил, что такая возможность существует, не в смысле того, что доходы позволят нам жить, как раньше, а в том смысле, что страна может попытаться сохранить те отношения, которые сложились в ней на момент кризиса, а Алексащенко развил эту мысль, сравнив Россию с Аргентиной.

Напомню, что Аргентина по уровню валового дохода на душу населения в первой половине XX века конкурировала с США и еще 60 лет назад входила в первую десятку стран мира, а сейчас не входит даже в первую сотню. Поэтому есть все же вероятность, и ее нельзя не учитывать, что наша страна, как и Аргентина, попытается сохранить сложившиеся структуры, которые я не могу назвать институтами, потому что реально институтов в России почти нет.

Итак, исходной точкой для моего последующего рассуждения я бы взял любимую фразу Людмилы Михайловны Алексеевой: все рано или поздно устроится более или менее плохо. Эта мудрая мысль точно соответствует одной из базовых теорем современной экономической теории, теореме Коуза, в соответствии с которой при положительных значениях транзакционных издержек и неравномерном распределении

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 7 июня 2009 г.

богатства вы не получите эффективно-го равновесия и будете подвергаться отрицательному влиянию внешних факторов. Поэтому если полагаться на инерционную линию развития при высоких транзакционных издержках из-за барьеров в разных областях экономической и общественной жизни, учитывая, что с распределением богатства у нас тоже не очень просто, то мы должны понимать, что сохранение статус-кво будет означать сползание страны на мель. Из каждого очередного цикла повышения цен на углеводороды Россия будет выходить все слабее, подобно Аргентине, терявшей свои позиции на сельскохозяйственных рынках. А этого, конечно, не хотелось бы. Вот тут и возникает вопрос об институтах, а точнее, о связи экономических и политических институтов. Так как уже признано, мы не диверсифицировали экономику и не выстроили институты, и рассчитывать на то, что у нас снова будет много денег в ближайшие 50 лет, как выразился министр финансов Кудрин, за что его критикуют, не придется. Это не значит, что кризис будет продолжаться 50 лет, почему-то журналисты так его поняли. Вовсе нет. Это означает, что «халявы» в прежних масштабах не будет.

Поэтому, когда заходит речь о модернизации, надо иметь в виду не только экономическую модернизацию, но и социокультурную, без которой мы опять можем войти в штопор. Собственно экономическую модернизацию Россия уже несколько раз пыталась совершить, страна поднималась, ударялась о потолок и падала или сползала.

Дискуссия о связи модернизации с необходимостью определенных изменений в политических институтах выразилась, как известно, в последние месяцы в том, что вдруг стали спорить об общественном договоре. Для меня это радость. Я уже 10 лет говорю об обще-

ственном договоре. Общественный договор это в общих чертах взаимное согласие власти и населения по поводу основных прав собственности и свободы. И мне бы радоваться, что теперь все говорят про общественный договор — президент Медведев, главы Администрации президента Владислав Сурков, политологи, историки. Давайте разберемся, из-за чего все-таки вспыхнул спор и как это связано с кризисом.

В декабре 2008 года в Институте современного развития — это независимый исследовательский центр, председателем попечительского совета которого является Дмитрий Медведев, а председателем правления — Игорь Юргенс, — мы подводили итоги года, и я, естественно, говорил о воздействии кризиса на общественный договор. Я утверждал, что 5 лет политический режим в России стоял на простой формуле: обмен политических прав населения на стабильность, которую обеспечивала власть. Лояльность в обмен на стабильность. В условиях сколько-нибудь длительного кризиса эту конвенцию невозможно сохранить, потому что стабильность уходит. Дискуссия продолжается по поводу того, насколько долгим будет кризис: вдруг удастся на одном крыле перемахнуть через пропасть? Должен заметить, что большинство членов правительства, по-моему, придерживается именно этой надежды. Я же принадлежу к тем экономистам, которые считают, что кризис будет продолжаться, и поэтому прежняя формула общественного договора не работает. Учитывая, что в России адаптивное, очень терпеливое население, полгода, может быть, серьезных напряжений не возникнет. Но из этого не следует, что в эти полгода надо вести себя по принципу «все Ок!». Надо подходить, наконец, к каким-то реальным изменениям.

Напомню: об общественном договоре говорили и писали в конце 2008 — начале 2009 года многие экономисты и политологи, полагая, что формула «лояльность в обмен на стабильность» больше не работает. И все было более-менее спокойно до марта. А в начале марта в дискуссию на форуме «2020» вступил Владислав Сурков, который сказал, что эта формула соблазнительно проста и поэтому не верна. Не надо, мол, уподоблять великую нацию Исаву, который продал право первородства за чечевичную похлебку. И грянуло — каждую неделю в газетах стали выходить критические статьи, бывшие в одни ворота — наши. В «Российской газете», в «Независимой газете» и т.д. И что удивительно, когда после выступления Владислава Юрьевича я дал Сергею Митрофанову интервью, оно неделю не выходит, другую, а потом выясняется, что интервью-то не пустили!

Откуда эта ожесточенность? От того, что это договор об ожиданиях по поводу прав собственности и свободы и общественных благ, но в то же время и о легитимности государства. Поэтому люди, которые стоят по служебному своему положению на охране государственных интересов, вынуждены дискутировать. Для них объявление, что уходит прежний общественный договор, означает, что прежняя легитимность теряется. И нам деваться некуда, я имею в виду экономистов, социологов, политологов, которые занимаются проблемами модернизации, потому что общественный договор не только про легитимность государства, но и о будущем страны.

Сошлюсь на достаточно свежее исследование Всемирного банка, оно вышло накануне кризиса в 2008 году. Тогда работала так называемая комиссия по экономическому росту, в которую входили отставные президенты и премьеры и большое количество видных экономистов. Они исследовали 13

стран, которые в течение 25 лет давали среднегодовой темп роста не ниже 8%. Это очень разные и далеко не все демократические государства. В результате были выделены 5 общих факторов роста. Некоторые из них вполне предсказуемы: политико- и макроэкономическая стабильность, рыночные способы распределения ресурсов, инвестиции в человеческий капитал. А кое-что было неожиданным и говорит о несомненной роли общественного договора в формировании стратегии, так как оказалось, что все эти страны тем или иным способом достигают того, что комиссия назвала национальным консенсусом по поводу долгосрочных целей развития, включая и нормы накопления. Норма накопления — это то, что из доходов инвестируется в расширение производства, без чего невозможно развитие.

Например, в Индии норма накопления — 30%, в Китае — 40%. Россия за 5 лет с трудом дотянула до 21%, притом что для простого воспроизводства основных фондов, унаследованных от СССР, нужно 25%, а для модернизации — от 30 до 35%. Так что с прежним общественным договором мы можем вылететь из числа стран группы БРИК. Когда мы начинаем смотреть на другие страны, то обнаруживаем, что нет такого, чтобы в Западной Европе был обязательно горизонтальный контракт (то есть когда граждане договариваются между собой, а потом нанимают государство), а, скажем, в Восточной Европе или бывшей Российской империи — непременно вертикальный, когда граждане не могут между собой договориться и государство заведомо решает, какие будут правила игры. В Германии во времена нацизма разве был горизонтальный контракт? Или во Франции Людовика XIII? Разумеется, нет. При этом замечу, что я не могу поддержать оптимистическую точку зрения, что рано или поздно все стра-

Роберт Моррис. Лабиринт. 1974

ны приходят к горизонтальному контракту. Все гораздо сложнее. Увы, в мире не происходит такого мощного процесса, который ведет к горизонтальному контракту и демократическому устройству. Почему? Ответ можно получить, рассуждая не в терминах «люблю — не люблю демократию», а в терминах общественного договора. Именно он позволяет говорить о спросе, предложении, об издержках, о выгодах тех или иных групп людей, не говоря уже о характере распределения общественных благ. То есть, другими словами, спрос обычно возникает на ту или другую структуру государства. Например, скандинавские страны явно отличаются по содержанию общественного договора от Франции и Гер-

мании. Эти отличия не из вертикального или горизонтального принципов контракта, а из того, как люди получают общественные блага и сколько благ. 200 лет как минимум среди экономистов существовало заблуждение: считалось, что только государство производит общественное благо. Оказалось, однако, что это не так. Я люблю ссылаться в этой связи на нобелевского лауреата Рональда Коуза, который написал блестящую работу «Маяк в экономической теории»*; с этого и начался поворот во взглядах.

Он заметил, что все великие английские экономисты приводили один и тот же пример, говоря о необходимости государства. Они утверждали: если бы не правительство, то никто не

* См.: Ronald H. Coas. *The Firm, the Market and the Low*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988. — Прим. ред.

строил бы в Англии маяки. Любому понятно, что без маяков нет судоходства, торговли и т.д. Так вот, Коуз пошел в архив Британского адмиралтейства и стал выяснять, кто на деле строил маяки. Оказалось, что ни один маяк не был построен правительством Англии. Они строились гильдией капитанов судов, ассоциацией судовладельцев, местными сообществами. Да, потом они их передавали в управление Адмиралтейству, но строили сами, не государство это делало. У Фридриха Хайека есть сходное исследование о денежных системах. В учебниках пишут: Екатерина II ввела в России бумажное денежное обращение в форме ассигнаций. А ведь мы пользуемся банкнотами, которые были когда-то частными расписками. Можно посмотреть и на полицию.

Вроде бы полиция — совсем государственное дело. А знаете, кто впервые создал альтернативную государственную систему сыска? Алан Пинкертон, создавший в США в середине XIX века свое детективное агентство. А пожарная охрана? Она может быть государственной, может быть страховой, то есть, по существу, как бизнес устроена, а может быть добровольной, как институт гражданского общества. Нет предопределенности; отсюда, повторяю, такое разнообразие видов общественных договоров. Поэтому разговор про то, что если родился при горизонтальном контракте — будешь жить при нем, а если родился при вертикальном, то при нем и останешься, неправильный разговор. Все зависит от того, могут ли люди сами производить общественное благо или полагаются во всем на государство. Или делают еще хитрее, как в Скандинавии и в Нидерландах, где используют дешевую государственную машину для сбора налогов, а потом по тендеру передают часть их некоммерческому сектору,

чтобы он оказывал услуги. В Нидерландах 17% валового внутреннего продукта создается некоммерческим сектором.

Вертикальный/горизонтальный контракты переходят друг в друга, и нельзя сказать, что один побеждает, а другой отмирает, у каждого есть свои плюсы и минусы. В чем плюс авторитарных режимов? В них очень дешево входить. Выходить потом тяжело. Зато в демократию входить очень дорого и сложно. Демократия — разорительная система, по первоначальным инвестициям. Если у населения нет готовности к таким инвестициям или просто нет возможности их сделать, то формируются авторитарные режимы, как во многих странах.

Теперь вопрос из сказанного: обречены ли мы жить так, как нам заповедали наши предки? Нет, конечно. Но при этом автоматического выплывания из создавшейся ситуации не будет. В мире совершенства нет, но выбор есть, и в известном смысле у нас он уже сделан. Я имею в виду нашу конституцию, поскольку она тоже имеет прямое отношение к дискуссии по поводу общественного договора и к позиции, которую в ней занял наш президент. У президента позиция такая: конституция есть общественный договор, поэтому не будем говорить о деталях устройства договора последнего пятилетия. Но хочу подчеркнуть, что кроме Руссо, на которого ссылался президент, есть и другой взгляд на конституцию — отцов-основателей США. Там тоже много чего было: гражданская война, рабство, отмена рабства. Но конституция-то 200 лет стоит. Отцы-основатели считали, что человек несовершенен и именно поэтому нужны институты, чтобы корректировать несовершенную природу человека. Современная институциональная экономическая теория подтверждает эту позицию, выделяя две очень важ-

ные характеристики человеческого поведения.

Во-первых, люди не боги, не всеведущи, и, во-вторых, не ангелы, так как склонны нарушать нормы морали, и это надо учитывать. Какое это имеет отношение к политическим институтам и конституции? Самое прямое, надо не забывать об «ограниченной рациональности» человека. За создание теории, учитывающей социально-психологические факторы,

влияющие на принятие решений, Герберт Саймон получил Нобелевскую премию. Суть в следующем. Он говорил, когда человек выбирает себе супруга (супругу), он же не закладывает в анализ миллиард особей, чтобы решить оптимизационную задачу. Все гораздо проще. Несколько случайных испытаний, установление уровня притязаний, и первая же персона, которая соответствует этому уровню притязаний, становится супругом (супругой), а брак они заключают на небесах.

И политические решения тоже принимаются в режиме ограниченной рациональности. Здесь тоже случайные испытания, установление объема притязаний, эффект мнения большинства, ограниченность информации, преследование собственных интересов и т.д. Эти особенности «спроса» и «предложения» должны учитываться конституционным договором.

Следует сказать, что конституционный договор устроен довольно-таки сложно. В теории это описали американцы Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок более 40 лет назад в книге «Расчет согласия». Они показали, что формирование общественного договора включает два уровня: сначала договор возникает как пакт элит или, если хотите, сговор, но в открытой, публич-

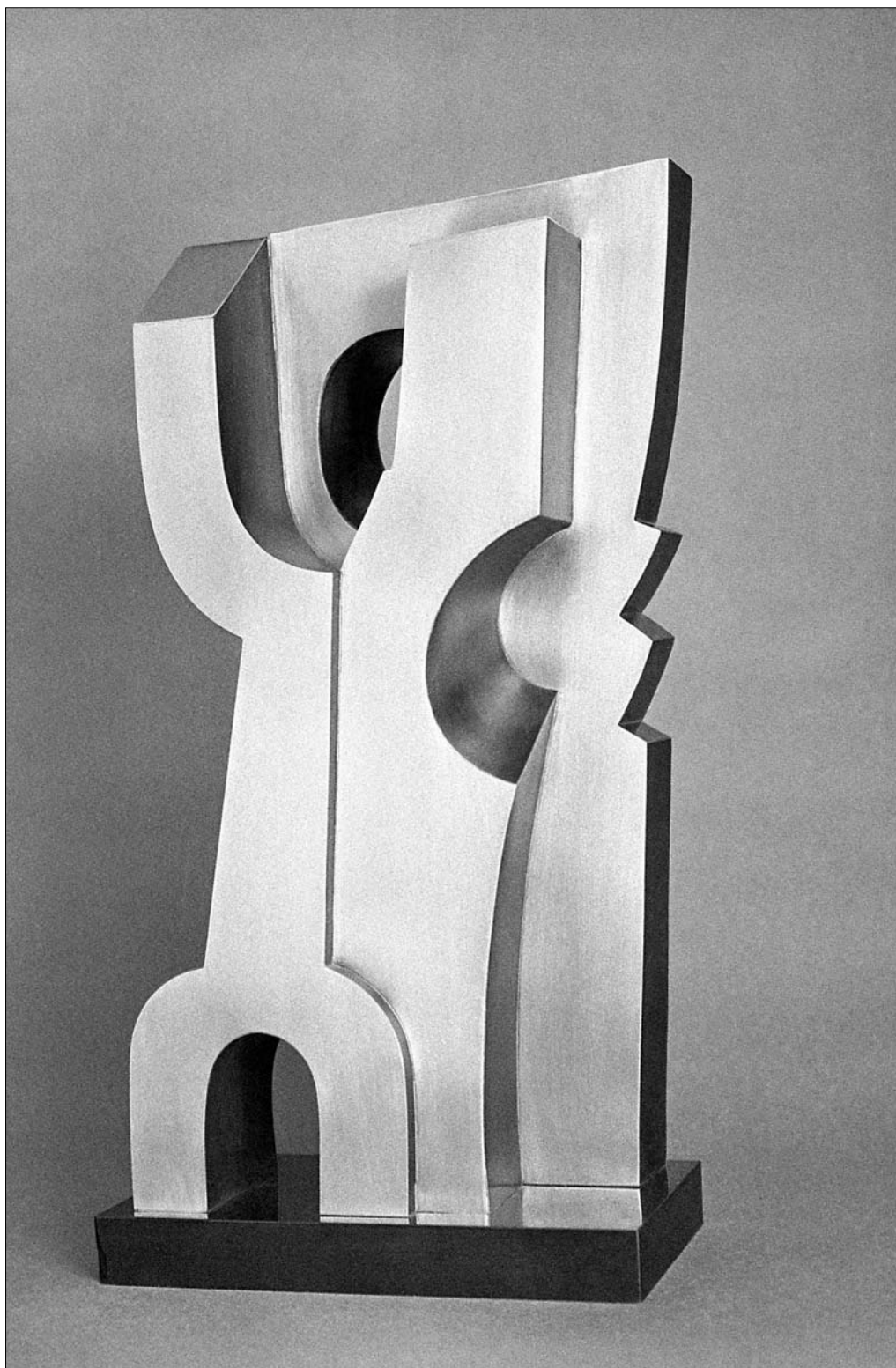
ной форме, потому что не могут миллионы граждан или даже сотни тысяч договориться между собой. Затем происходит установление отношений с широкими группами населения на ос-

*Мы не диверсифицировали экономику
и не выстроили институты,
и рассчитывать на то, что у нас снова
будет много денег в ближайшие 50 лет,
не приходится*

нове решения (это второй уровень договора) вопроса о производстве общественных благ: что людям нужно, на каких условиях, будут ли они сами их производить или заказывают государству, как будет оплачиваться их создание, потому что общественные блага бесплатно не производятся. Российская конституция 1993 года как пакт элит зафиксировала и предложила обществу важные вещи: права личности, разделение властей, федерализм, социальное государство (7-я статья).

Соответствовало ли это предложение спросу? Я полагаю, что да, соответствовало, но не реализовалось. Почему? Потому что второй уровень общественного договора предполагал создание общественных благ в обмен на налоги. Казалось бы, какая связь между конституцией и налогами? А налоги и есть ключевой вопрос о том, как работает конституционное устройство, если учесть, что люди склонны и демократию использовать в собственных интересах. Я понимаю трудности становления молодой российской государственности, когда в условиях острой политической конкуренции никто не решался предложить населению: вы будете платить за то, что хотите от государства, — политически это было очень рискованно. Поэтому социальное госу-

Джон Сторр. Композиция пустот. 1932

дарство в 90-е годы не реализовывалось. Да, вы можете получить какие угодно общественные блага, но тогда, как в скандинавских странах, обязаны платить большие налоги. Либо сами решать свои проблемы, как американцы, и тогда налоги будут меньше, хотя и там они довольно высокие.

Из-за того, что спрос на общественные блага в нашей стране в 90-е годы был очень большой, все политики, разумеется, давали обещания, что их будет больше и больше, но платить за них было некому. Вот и получилось, что сначала на политический рынок пришли популисты, потом «денежные мешки», чтобы этих популистов потеснить, покупая голоса, а затем на конкуренцию «денежных мешков» ответили административным ресурсом. В итоге нет ни разделения властей, ни прав, ни федерализма; возникли проблемы так называемого ухудшающего отбора в государственном управлении, в результате чего нынешний чиновник заметно хуже, чем чиновник 2000 года, нынешний парламентарий заметно хуже, чем парламентарий 2000 года и так далее.

Перехожу к самому горячему вопросу — о «путинском договоре». Из-за чего сыр-бор? Политический аналитик Алексей Зудин опубликовал против нас, то есть сторонников пересмотра общественного договора, огромную статью в «Российской газете», очень интеллигентную. Он не занимался «охотой на ведьм», но при этом намекнул, что все эти разговоры про изменение общественного договора ведут к переворотам и революциям. Что «путинский договор» еще в 1999 году выражал стремление к порядку. Действительно, Алексей Юрьевич прав, в 1999-м и в 2000-м все было так. Известная программа реформ первого путинского срока, программа Грефа, в преамбуле содержала формулу «налоги в обмен на порядок». Это правда.

После революции возникает обязательно спрос на порядок. Но давайте поймем: порядок и стабильность — одно и то же? Порядок это предсказуемость правил. Предсказуемость достигается на основе правопорядка, говоря словами Дугласа Норта, знаменитого экономиста: государство — это агентство по производству услуг «безопасность и правосудие» в обмен на налоги. Да, такая задача у нас была поставлена. Но была она решена? Нет. Смотрите, в 2000-м, 2001-м годах обследования показывали, что если человек платит налоги, то он дает меньше взяток, а в 2005 году выяснилось, что уже нет такой зависимости. Платите вы налоги, не платите, розовенькую рубашку наденете или голубенькую, взятки с вас все равно снимут в том объеме, в каком сочтут это необходимым. Но это и означает, что в 2000 году мы были на входе в реформы, и в той степени, в какой правопорядок существовал, вы понижали свои коррупционные расходы. А в 2005-м уже не так. Поэтому, я полагаю, что с 2003 года произошло реальное изменение формулы. Почему не сделали то, что вроде бы делали? Потому что кроме спроса на общественные блага, на характер общественного договора влияют еще, причем и при демократии, и при авторитаризме, частные выгоды и издержки тех групп, которые осуществляют функции государства. Разумеется, и там, и там идет борьба за активы, но только разные: там за электоральные, а здесь — за гораздо более материальные активы. И что произошло? Да не нужно было новым группам, которые продвинулись во власть, установление правопорядка, потому что тогда «перепилить» активы будет очень сложно, дорого. А вот если его не устанавливать, то пожалуйста. Поэтому я утверждаю, что у нас был вход в правильном направлении, но потом сработали как реальные трудно-

сти, которые были решаемы, так и реальные интересы, которые при существующей эволюции конституционного режима были уже непреодолимы. И мы вошли в ловушку договора «лояльность в обмен на стабильность», когда развитие невозможно, так как это виртуальный договор, а не политический, в нем нет обратной связи. Через телевизор в одну сторону сигнал хорошо проходит, а в другую как-то не получается. И в 2005 году выяснилось, что невозможно проводить структурные реформы без обратной связи, мы это доказывали президенту Путину. История с монетизацией это показала. Но вывод был неожиданный: ну, раз нельзя — значит не будем проводить реформы. Наш российский корабль будет плыть благодаря тому, что ветер уж очень попутный. Теперь нет попутного ветра, теперь кризис.

Я не знаю, какой будет новый общественный договор, но вижу три варианта. Первый, вероятность которого несколько понизилась, но может и повыситься, — это мобилизационный вариант. Прошлой осенью он был очень вероятен. Это попытка сделать скачок, концентрируя инструменты в руках государства. Я про это писал и говорил тогда, так как считал, что должен сказать, что будет в этом случае. А будет как после Петра I или Иосифа Сталина: скачок, подрыв ресурсов и сползание. Могу объяснить почему: у государства есть одно конкурентное преимущество — у любого, неважно, бельгийского, гвинейского, американского, российского, — это организация общественной жизни с применением насилия. Когда в процессе модернизации оно начинает использовать эту свою конкурентную черту, то понятно, что начинается изъятие ресурсов, концентрация их. Эффективности здесь быть не может, потому что когда ресурсы можно отнять, они практически ничего не стоят, их не

экономят, вы эффективность не обеспечите. Концентрацию ресурсов обеспечите, а эффективное их использование — нет, поскольку первое, что будет подорвано, человеческий потенциал. Но я считаю, что сейчас вероятность такого варианта развития событий ниже, чем полгода назад. Накопленные за «тучные годы» ресурсы тают, а решимость забрать у кого-нибудь ресурсы еще не наступила.

Второй вариант, о котором говорят некоторые мои коллеги, Евгений Гонتماхер например, что нам нужен «пакт Монклоа», новый пакт элит. Да, в модернизации Испании «пакт Монклоа» 1977 года сыграл колоссальную роль. Фактически это была договоренность постфранкистских и коммунистических сил о сохранении единства страны, о сотрудничестве, о принятии на себя добровольных ограничений. Есть ли смысл сейчас в таком пакте? Не знаю. О чем он должен быть? Об условиях политической конкуренции, которой у нас фактически нет? Испанцы, как известно, ввели своим пактом ограничение заниматься публичными расследованиями и оценками гражданской войны 1930-х годов. Хотя конституция этого не запрещает. А вот договорились — не трогать, потому что иначе пошатнется общественный договор, по которому страна уже 30 с лишним лет живет. А в сегодняшней России о каком ограничении может идти речь?

Ведь что меня на самом деле волнует? Чтобы выросли политические субъекты, на мой взгляд, недостаточно дать свободу создания партий. В 1990-е годы в строгом смысле слова у нас их тоже не было, за исключением, может быть, КПРФ, которая в большей мере, чем все остальные, оставалась партией. А сегодня? Агентом каких групп интересов является та или иная партия, с какими группами населения она работает и как контролируется? Поэтому договорятся они об ограничении

ях, не договорятся, это не создает реальной связи с тем, как живет страна. Следовательно, необходимо выращивание такой связи через гражданские, неполитические институты, когда партии наверняка почувствуют свою ответственность перед гражданскими организациями. Поэтому я полагаю, что есть третий вариант вхождения в новый общественный договор, который мы и попытались

предложить президенту Медведеву в апреле. Мы его называем «широкая антикризисная коалиция», над ним работали разные люди — Игорь Юргенс, Элла Памфилова, Сергей Карганов, Федор Лукьянов, Елена Панфилова, Ярослав Кузьминов и другие политологи и экономисты.

Почему «широкая антикризисная коалиция»? Большие кризисы всегда вызывают потребность в коалиции. Как известно, в годы депрессии президент Рузвельт тоже ее создавал, очень странную на первый взгляд, потому что в нее входили и либеральная интеллигенция крупных городов, и цветное население, и католическое меньшинство, и профсоюзы, которые в 1920-е годы в США считались криминальными организациями. А он и их за стол посадил! Благодаря этому, через широкую антикризисную коалицию вырос так называемый Великий компромисс, то есть тип общественного договора, который соблюдался до конца 1960-х годов. Я уверен, сейчас всюду будут искать нечто похожее, особенно если кризис будет затягиваться. Не только во Франции или в Америке, где Обама, кстати, уже ввел республиканцев в правительство, Саркози у социалистов перехватывает лозунги, так как там работают нормальные политические механизмы. А у нас их нет. И их нельзя создать за ночь.

Новые активные группы, они где? Не олигархи или губернаторы, про олигархов скоро вообще разговор будет уже малоинтересным. Для меня большой вопрос, существует ли еще их

Нужна новая стратегия в отношении гражданских неполитических институтов и в отношении среды для развития малого и среднего бизнеса

первое поколение? Второе-то существует, освоившее формы государственных компаний. А много ли губернаторов, которые обладают личной политической легитимностью? Оптимисты говорят: десять, не больше, а мне кажется, еще меньше — семь. Поэтому речь не про губернаторов и олигархов и не про возврат к прежним активным группам, которые были маргинализированы. Где их искать, эти группы, без которых ни выход из кризиса не получится, ни модернизация тем более? А там, где их еще не уничтожили, в гражданском неполитическом секторе, который сегодня, конечно, слабее, чем в 2000 году, но он жив. А также в малом и среднем бизнесе. Кризис как рентген, я думаю, скоро высветит эти группы в регионах. Возможно, уже осенью.

Поэтому две вещи нужно делать. Нужна новая стратегия в отношении гражданских неполитических институтов, и нужна новая стратегия в отношении среды для развития малого и среднего бизнеса. И хотя это отдельная тема, мы этим занимаемся. Я, в частности, работаю над проектом изменения среды для малого и среднего бизнеса, знаете, где? В Республике Казахстан. Мы там это делаем, потому что там нас об этом спрашивают. Но мы делаем то, что, на наш взгляд, не просто необходимо, но и применимо в России.

Дискуссия

Виталий Сапелкин, генеральный директор ЗАО АФ «Финансы-Н», г. Новосибирск:

— Хотел бы уточнить, как вы относитесь к психологической составляющей кризиса? Может быть, имеет смысл ввести на телевидении некий мораторий на негативные новости?

Евгения Формальнова, главный специалист агитационно-пропагандистского отдела Смоленского регионального отделения партии «Единая Россия»:

— Вы сравнили личные отношения с отношениями в политике. В американском фильме «Умница Уилл Хантинг», который получил Оскара лет 10 назад, главный герой, психолог, которого играет Робин Уильямс, говорит другому герою: «Ты не идеален, она не идеальна, главное, насколько вы идеальны друг для друга». Если провести параллель, то стороны, заключающие общественный договор, тоже не идеальны. Могут ли они быть идеальными друг для друга?

Илья Лазаренков, председатель Контрольно-счетной палаты г. Смоленска:

— У меня скорее реплика. Мне очень понравилось ваше выступление, но раз мы говорим о договоре, я хочу сказать, что наш народ выступает в роли плохого переговорщика. К чему это может привести: у нас сейчас действительно плохо, ну предложат нам новый проект, скажем так, от лица государства, и скажут, да, до этого действительно было плохо, а мы сейчас сделаем хорошо. Есть ли в этом опасность?

Роман Хабаров, и.о. начальника отдела участковых уполномоченных милиции УВД по Левобережному району городского округа, г. Воронеж:

— Вы сказали, модернизация экономическая без социокультурной невозможна. На мой взгляд, Китай являет собой пример ну не совсем социокультурной модернизации по сравнению с тем, какая модернизация там проводится. А у нас такой тип модернизации возможен?

Алексей Репников, председатель Земского собрания Ильинского муниципального района, Пермский край:

— Как вы считаете, президент Медведев за срок своего президентства может созреть до того общественного договора, о котором вы говорили?

Лейла Гамзатова, редактор газеты «Новый проект», Республика Дагестан:

— Вы сказали очень интересную фразу насчет роли нового поколения в создании общественного договора. Но, может быть, это и к лучшему, что не прислушивается президент к вам, что не удастся сейчас выработать этот общественный договор, что сама ситуация вынудит руководство страны принять форму общественного договора именно такую, которая нужна, то есть не сверху, а снизу это будет развиваться.

Александр Чернов, редактор изданий «АВТОмобильный журнал», «Коммерческая недвижимость», ООО «Медиа-центр», Брянская область:

— На Брянском машиностроительном заводе уже третье увольнение за последние три месяца, недавно еще 600 человек отправились на улицу. Какая практическая польза от общественного договора этим рабочим? Не будет ли этот договор договором элит с элитами?

Павел Коктышев, руководитель волонтерского отдела НПО «Экологическое объединение “Тобигат”», г. Караганда, Казахстан:

— Уточнение: вы предлагаете вариант для России, но кто должен создать эту широкую антикризисную коалицию — партии или все-таки государство, президент?

Муса Мусаев, заместитель редактора газеты «Московский комсомолец», Республика Дагестан:

— Мне кажется, прежде чем заключить общественный договор, должен быть общественный диалог. Какие, на ваш взгляд, должны быть ресурсы, чтобы наладить широкий общественный диалог?

Алексей Грачев, генеральный директор ООО «Лайн Ресурс», г. Иваново:

— Как вы считаете, что было бы инструментом для взятия на себя ответственности в развитии экономики малым бизнесом?

Алексей Провозин, вице-президент РОО «Омский областной союз предпринимателей по взаимодействию с органами власти»:

— Александр Александрович, вы как лояльный человек говорили о формуле лояльности. А вы свою лояльность на что готовы обменять?

Александр Аузан:

— По поводу панических настроений и негатива на телевидении. Вы знаете, это вообще очень тяжелый вопрос: что делать с информационной политикой во время кризиса? Потому что панику, конечно, нельзя создавать. Россия очень пестрая страна, и антикризисные меры надо искать и обсуждать на разных уровнях, в разных местах. А для того чтобы это было, нужна открытость. Вообще я бы сказал так: нужна новая политика гласности, не в том смысле, чтобы можно было кричать «все плохо, все рушится», но должны быть публичные дискуссионные площадки, где обсуждаются варианты решения проблем. А до этого должны быть озвучены сами проблемы. Телевидение нынешнее действительно плохо для этого подходит, потому что если там просто обозначать проблемы, получается паника, а обсуждать как-то

отвыкли. Правда, в последнее время некоторые признаки дискуссии, на мой взгляд, появились. После того как антикризисные поправки к бюджету прошли только голосами «Единой России».

Насчет идеальности сторон общественного договора. Конечно, любой договор предполагает некоторое соответствие сторон. Но понимаете, какая штука, ведь может быть договор, который у нас, между прочим, неоднократно бывал, когда государство ведет себя как диктатор, и населением это принималось. Особенность поведения человека в России, которую и социологи фиксируют, состоит в колоссальной адаптивности. Так что стороны в этом смысле могут оказаться соответствующими как достаточно модернистским, то есть современным формам договора, так и традиционным. А нетрадиционный договор возникает тогда, когда страна вышла из традиционного состояния и не вошла еще в то, что называется состоянием современности. Но он может быть при этом и негативным, когда люди соглашаются и говорят или думают про себя: вы нас, главное, не убивайте, а мы вам, правительству, разрешаем воровать. Ну и сами, конечно, немножечко будем. И на налоги наши не рассчитывайте. Это ведь тоже договор и тоже соответствие. Поэтому соответствия бывают разные и отнюдь не идеальные.

Народ плохой переговорщик? Разумеется, плохой. Я вообще слово «народ» не очень люблю, так как считаю, что его употребление оправданно скорее, когда идет речь о стране с преимущественно крестьянским населением. А при той пестроте стратификации, которая у нас сейчас, слово «народ» не очень удачное. Но в принципе люди, конечно, плохие переговорщики, и именно для этого существуют политические и неполитические институты, чтобы решать эту задачу. Этим не должны заниматься простые граждане, так же, как например, и собственник компании, для этого есть юристы, экономисты и т.д. Поэтому согласен с вашим опасением — разъяснение условий договора тоже задача соответствующих людей и институтов. Например, независимых средств массовой информации и экспертного общества.

Социокультурная модернизация и Китай. Извините, но про Китай не решаюсь говорить, тем более в присутствии коллеги из Китая. Китай — это не страна, это другой мир. Поэтому не знаю, насколько там законы похожи на наши. Что я конкретно имею в виду, когда говорю о социокультурной модернизации? Когда я изучал причины того, что в институциональной теории называется *path-dependence* (зависимость от пройденного пути), ловушка, в которую попадает страна, повторяя один и тот же цикл, то обнаружил, что причин всегда три, во всяком случае в России. Первая: у нас в период «демобилизации» авторитарных режимов уровень коллективного действия вспыхивает и опадает, то есть он не поддерживается. Вторая: низкий спрос на демократические институты. Я еще раз повторяю, это дорогостоящие институты, и нужно достаточно образованное и имущее население, и граждански организованное, чтобы такой спрос возник. И третья: какие ценности выбираются. Я полагаю, что есть подходы к преодолению и первой, и второй, и третьей причины, но социокультурная

модернизация — это решение прежде всего третьей проблемы, ценностного выбора. Например, не будет у нас сколько-нибудь эффективной формы горизонтальных договоров, когда люди недоговороспособны и договороспособность ценностью не является, а рассматривается как слабость. Это означает, что очки сразу набирают вертикальный контракт и авторитарные варианты режима. Поэтому здесь должен быть сдвиг. Я полагаю, что во время кризиса будут оживляться такие ценности, как солидарность, справедливость, но это уже другой вопрос. Хочу лишь подчеркнуть, что ценностный выбор это и есть во многом вопрос социокультурной модернизации. Потому что если мы снова выбираем государство, неважно, как оно называется, «царская империя», «советская власть», «демократическая Россия», и представляем, что это ценность, то про модернизацию можно забыть. Государство это инструмент, а не ценность.

Ответ на следующие два вопроса: снизу или сверху инициируется общественный договор? В идеале и снизу, и сверху, ведь это обмен ожиданиями, который должен выработываться и закрепляться. Я уже говорил, что любые письменные договоры могут быть только в виде пакта элит, это элитные соглашения. Но подготовка этих соглашений, конечно, не может происходить без диалога с гражданами. Поэтому, собственно, мы и говорили президенту Медведеву: надо открыть возможности для реального диалога со всеми, кто согласен его вести. Но хочу заметить, что лично я не большой сторонник того, что

все должно расти только снизу, потому что этот вариант, при отсутствии предложения сверху, при отсутствии обратной связи, если нет работающих демократических институтов, называется революцией, а я принципиально против революции. Отрицательные эффекты от такого рода изменений аукаются потом десятилетиями. Я очень люблю фразу Станислава Ежи Леца: «Ну, пробьешь ты, допустим, лбом стену, скажи мне, что ты будешь делать в соседней камере?». Это про революцию.

Теперь по поводу практической пользы для безработных и одновременно это ответ Мусе Мусаеву. Видите ли, общественный договор сам по себе, если государство живо, то он есть, и наоборот. Какое это имеет отношение к кризису? Покажу на примере антикризисной программы правительства, где в преамбуле написано много правильных вещей, которые не делаются. И их нельзя сделать при действующем договоре. Скажем, можно понизить тарифы естественных монополий? Я всюду говорил, что с этого надо было начинать! А у нас вице-премьер радостно сообщает: мы развитием будем заниматься, слава богу, нам удалось все-таки сохранить политику повышения тарифов естественных монополий. Вы с ума сошли, господа! Первый импульс снижению цен в условиях кризиса дается снижением тарифов естественных монополий. Не говоря уже о том, вы где модернизацию-то собираетесь делать? В сырьевом секторе, что ли, намерены реализовывать программы развития? Но тогда у нас диверсификации не будет и мы окажемся в еще худшем положении. Другой пример — занятость. Чем меня не устраивает то, что в программе сказано про занятость, если смотреть на цифры? Ну да, вот средства на пособия по безработице, а дальше — сколько денег на переподготовку? Сколько людей собрались переподготовить? Меньше 200 тысяч человек! А сколько людей могут переместиться из одного места в другое? 15 тысяч! А сколько людей могут открыть новый бизнес? 53 тысячи. Господа! Это смех, когда вы уже имеете 10-процентную безработицу в стране. А есть еще моногорода, которые не все в состоянии выжить. Поэтому дайте возможность молодежи переместиться в те места, где есть на нее спрос, дайте возможность арендовать квартиры, это возможно, квартир понастроено много, они находятся у региональных баронов, и они не знают, что с ними сделать, потому что они задорого построены и кредитами обязаны. Мы настаивали на том, чтобы создать активные программы по занятости, все равно отходничество же идет. Так дайте возможность тем же отходникам, которые едут работать в другие регионы, не в подвалах жить. Потом подтянуть к ним семьи, потому что, конечно, есть бесперспективные регионы и целые города, и в любой стране они возникают. А мы идем путем консервации. Поэтому, кстати, я не убежден, что любые противопожарные действия, как это было в Пикалево, эффективны. Ведь это режим ручного управления. Возвращаясь к договору, дело же не в бумажках, бумажек может вообще не появиться. Необходимо восстановление обратной связи, диалог между властью и обществом, внутри самого общества.

Следующий вопрос: кто формирует широкие антикризисные коалиции? Президенты стараются формировать. Но это же не объявление:

«Я создаю организацию, вступайте все». Это диалог с разными активными группами, необязательно разделяющими позицию президента. Опять пример — антимонопольные меры. Ведь не удастся сегодня ни цены на бензин реально снизить, ни цены на жилье. Почему? А такие вещи без поддержки различными группами снизу не продавишь, потому что очень плотные, сильные группы интересов. Не хватит сил вице-премьеру Шувалову или председателю Антимонопольной службы Артемьеву продавить эти силы. Смотрите, как сопротивляются нефтяники?

*Нужен поворот от ценности державы
или порядка к ценностям
договороспособности, справедливости,
свободы, солидарности...*

Они все судятся с Антимонопольной службой. А что реально происходит, мы с вами знаем. И экономисты знают, что у них цены почему-то обладают односторонней эластичностью. Когда мировая цена на нефть растет, цена на бензин растет и у нефтяников, а когда цена на нефть падает, у них бензин почему-то не дешевеет.

Что сделать, чтобы малый бизнес стал субъектом ответственности? Вот тот новый подход, который мы предложили, сформулирован в пяти принципах. Я не могу сейчас об этом рассказывать подробно, времени нет, скажу лишь, что когда кто-то в чем-то заинтересован и считает, что это автоматически получится, то это заблуждение. В России политика в отношении малого бизнеса основана на стереотипах 2000–2003 годов, в создании которых и я принимал участие. Я занимался тогда проблемой дебюрократизации по грефовской программе и сегодня говорю: того, что сейчас делается, совершенно недостаточно. Потому что не может малый бизнес получить деньги через банковскую сеть, там запретительные транзакционные издержки — нужно поддерживать кредитные кооперативы. Не может малый бизнес быть политически активным и входить в диалог, потому что для него это издержки — создание всяких организаций. И это надо понимать. Просто грантами вы эту задачу не решите. Казахстану как раз мы и предложили систему мер, которые про этот второй уровень: 16 концепций нормативных актов, 102 меры, графики внедрения этих мер, то есть степень разработки довольно высокая.

Как я вижу формулу нового общественного договора. Чем не годится для модернизации прежняя формула договора? Лояльность — это всегда формула пассивности. Вопрос в другом — в обмен на что активные группы готовы будут работать и расширять свою деятельность, какие ценности и условия должны быть им обеспечены. Для меня это прежде всего вопрос поворота от ценности, скажем, державы или порядка, и в этом смысле неизменности, к другим ценностям: к договороспособности, справедливости, свободе, солидарности, которая во время кризиса очень важна. Если люди друг другу в это время не помогают, то дело идет очень плохо. И, конечно, нужны институты, которые соответствовали бы этим ценностям.

Свобода слов

Из выступлений на семинаре (Голицыно, июнь 2009 года)

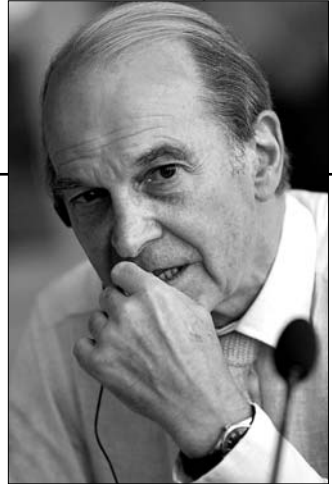
- # Слово товарищу с самой длинной рукой.
- # Один самый достойный из одного самого достойного.
- # Человек пошел в суд — это значит, что его послали туда, откуда он никогда не вернется.
- # Юристов стало больше, но они по разной цене.
- # Стали смотреть, а цифры с буквами не стыкуются.
- # Олигархи — это ходячие консервы, они уже все перезаложены.
- # Когда мировая цена растет — у них растет, когда мировая цена падает — у них не падает.
- # Одно хорошо: комиссия будет собираться, но ничего не будет делать.
- # У нас плохой народ, но элита может быть хорошей.
- # Продадим последние штаны, будем жрать траву, но будем бороздить космос.
- # Почему питерские правят, а мы люберецкие и мытищинские в стороне?
- # Появились разговоры с народом: то президент разговаривает, то премьер разговаривает.
- # Мы в одном месте — сами знаете, в каком, нам надо выбиратья — сами знаете, куда.
- # Я бы с вами с удовольствием общался, но вы живые люди.
- # Россия — это столица прав иностранцев.
- # Якутия — это вакуум. За год 300 китайцев растворились.
- # Никого не пустим. Сами нарожаем.
- # Полчаса мы не могли разговаривать друг с другом. Как вы можете прокомментировать мои ощущения?
- # Важен кнут для национального достоинства.
- # Вы сказали, что Россия не знает куда идти. У нас это называется особый путь.
- # Я как депутат не могу говорить коротко.
- # Лучшие люди России живут в Забайкалье (декабристы, Ходорковский), и скоро туда переезжает Норильский никель.
- # Андрей Александрович и Юрий Петрович мои друзья. Я их понимаю на 100%, когда мы с ними разговариваем в коридоре. А когда они садятся в президиум, я их понимаю через раз, а то еще реже.
- # Чем хороши буддистские истины — они непонятны.
- # Цены на нефть упали, в Иране дебаты — я очень доволен.
- # Большинство людей в этом зале, как и я, ненормальные.
- # Дума думает, до какого колена показывать доходы.
- # Что мне нравилось в мистере Блэре — это количество детей в его семье.
- # Все борются за места, а те, кто сел, сразу закрывают глаза.
- # Бытует мнение, что это очень разностороннее мнение.

Записала Людмила Савочкина

Безопасность и свобода*

Для меня большая честь быть в России — это мое первое посещение вашей страны — и участвовать в семинаре Школы. Новизна обстановки сглаживается представленной на стене зала фотографией ордена Британской империи, которым награждена Елена Немировская, основательница вашей необычайной Школы. Эта высокая, редко вручаемая награда — признание вклада госпожи Немировской в развитие британско-российских отношений. Но в не меньшей степени она свидетельствует о ее заслугах в основании и развитии Московской школы политических исследований. И вы, и я многим обязаны ее видению ценностей свободы и приверженности им. Сожалею, что не смог приехать раньше и пропустил предшествующие выступления, ведь я здесь не только для того чтобы говорить, но и, быть может в большей степени, слушать.

Глобализация — обнадеживающее явление, но она сосредоточена главным образом на экономике и едва затрагивает область политического и культурного диалога. Нам нужно лучше понимать народы и общество в других странах, чтобы улавливать суть проводимой ими политики. На семинарах Школы предоставлена как раз такая возможность. Московская школа — замечательное начинание, позволяющее нам, людям в Западной Европе, учиться у вас, и, надеюсь, прояснять нам некоторые аспекты жизни в Западной Европе. Мне хочется привести две цитаты, которые соответствуют, как мне кажется, устремлениям Школы. Первая принадлежит римскому поэту Горацию, писавшему две тысячи лет назад или около того, что те, «кто пересекает море, меняют только небо, но не душу». Перефразируя строчку, можно сказать, что нам необычайно сложно избавляться от «национальных» представлений. Однако я надеюсь, что здесь, под московским небом, я начну задаваться вопросами, способными повлиять на некоторые мои воззрения.

*Чарльз Вивиан,
генерал-майор в отставке
(Великобритания)*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 31 июля 2009 г.

Вторая цитата — из сочинения Фрей Старк, выдающейся британской путешественницы и писательницы прошлого столетия, которая в книге «Персей и ветер» говорит: «Такие хрупкие блага, как справедливость, любовь, честь, вежливость, да и вообще все ценимые нами качества присутствуют в людях везде; однако они по-разному проявляются, и поэтому их бывает трудно различить в чужой стране. Искусство постижения основополагающих общих ценностей — это, пожалуй, наибольшее преимущество, какое может извлечь из путешествий человек, желающий жить в мире и довольстве среди себе подобных». Я уверен, что все присутствующие в этом зале желают жить в мире и довольстве среди себе подобных, и этот семинар как нельзя лучше помогает нам овладевать «искусством постижения общих ценностей».

Постараюсь кратко изложить свои взгляды на вопрос о свободе и безопасности — больше с практической, нежели с академической точки зрения. При этом я не намерен предлагать готовые решения, но был бы рад стимулировать обсуждение предложенной темы — дискуссию, которой, к сожалению, недостает сегодня в британском обществе. Уверяю вас, что мне гораздо интереснее слушать вас, чем говорить самому!

Позвольте, прежде всего, поделиться наблюдениями о культурной среде, в которой мы существуем, и об обусловленных ею установках. Ведь именно контекст в значительной степени определяет наше понимание мира. А дискуссии, лежащие в основе семинаров Школы и придающие им смысл, направлены, насколько я могу судить, на выработку единых подходов и понимание общих ценностей.

Во-первых, окружающей нас реальности присуща субъективность и необ-

ходимость выбора. Как часто, услышав фразу «реальность такова, что...», мы недоумеваем, потому что утверждение говорящего мало соотносится с нашим пониманием ситуации, так как всякая реальность многогранна и основана на личном опыте. В вопросах практических и этических мы ведь убеждены в своей правоте и нередко считаем, что представляем собой все самое лучшее — лучшее общество, самые высокие ценности и культуру, самые развитые институты, систему управления и т. д. Мы склонны выстраивать манихейскую вселенную, где сами находимся на светлой стороне, а все остальные пребывают во мраке.

Реальность, конечно, субъективна: мы создаем нашу реальность и ценности, а стремясь спроецировать их на других, часто обнаруживаем свойственные нашим представлениям недостатки. Так, например, если для США вторжение в Ирак в 2003 году преследовало цели освобождения этой страны от тиранического режима, для большинства иракцев оно было тождественно порабощению их страны иноземной державой. Или, к примеру, мы обнаруживаем, что в США не разделяют европейских взглядов на смертную казнь. Наша реальность, в соответствии с которой смертная казнь есть варварство, не совпадает с реальностью американцев.

Вместе с тем, наряду с субъективностью, реальности непременно присуща динамичность. Она соотносится с *сегодня*, а не с *завтра* и никогда не достигает конечного состояния. Реальность — интерактивный процесс, изменяющийся и развивающийся в ответ на действия или бездействие всех его участников. Кажется, британскому государственному деятелю лорду Солсбери принадлежат слова: «Когда факты меняются, я меняю свое мнение, а как поступаете вы?».

Выдающийся англо-американский поэт Т.С. Элиот как-то сказал, что человечество не вынесет «слишком много реальности», подразумевая, мне кажется, что реальность — сложный феномен, а сложности мы предпочитаем ясность. Реальность сопряжена с выбором, и хотя нам хочется думать, что мы любим выбирать, более удобной в конце концов представляется однозначность.

С вышесказанным связан вопрос о перспективах. Здесь необходимо отметить три аспекта: перспективу времени, географии и культуры. История измеряется в годах. Китайский премьер Чжоу Эньлай, когда его спросили о последствиях и влиянии на историю Великой французской революции, сказал, что об этом еще слишком рано судить. Мы же, как правило, ожидаем немедленных результатов, и горе политикам, которые неспособны предложить немедленный выход из наших трудностей! Мне вспоминается в этой связи ироничная ближневосточная притча, изобличающая недостаток терпения на пути к решению людских дел. Два старика — еврей и араб — ежевечерне играют в нарды в иерусалимской кофейне. Они делали это с юности, не взирая на свистящие рядом пули и разрывы бомб. После партии они пьют кофе, обсуждая современную ситуацию, комментируя политические события и сетуя на глупость своих правителей, а затем расходятся по домам. Однажды вечером, потеряв терпение, они решают действовать. Но что делать? Рассудив, что они молятся одному Богу, они собираются обратиться за советом к Всевышнему. Они объясняют Богу, что бойня затянулась и что необходимо положить ей конец. Но есть ли решение?

Решение будет, отвечал Господь, но не при моей жизни!

Вопрос о географической перспективе переносит меня в Москву. Открыв географический атлас, изданный в

Мы создаем нашу реальность и ценности, а стремимся спроецировать их на других, часто обнаруживаем свойственные нашим представлениям недостатки

собственной стране, мы обнаружим, что наша родина расположена в центре страницы, и поэтому склонны, иногда бессознательно, воспринимать мир с точки зрения своей национальной принадлежности. В годы моей службы в войсках НАТО в Западной Европе мы привычным образом смотрели на карту с позиций крошечного западноевропейского полуострова, над которым — расположившись на огромных пространствах Восточной Европы и Азии — нависали готовые ринуться на нас армии государств — участников Варшавского договора. Напротив, обозревая мир из Москвы, мы бы увидели, что Советский Союз окружен враждебными или полувраждебными альянсами, странами, окрашенными в цвета неприятеля, войсками НАТО — от севера Норвегии до Турции, Организацией центрального договора, Организацией договора Юго-Восточной Азии, Китаем и, наконец, США. Пугающее зрелище, не так ли?

Неоднозначный, но от этого не менее важный урок содержит культурная среда. Возможно, из памяти о тяготах борьбы за независимость от британской монархии в 1776 году США не приемлют проявлений непопизма в политической системе, резко осуждая передачу власти от Асада-отца Асиду-сыну в Сирии, от Ким Ир Сена — Ким

Мария Айхорн. Лев в пустом пространстве. 1990

Чен Иру в Северной Корее, политические традиции Египта, некоторых стран Средней Азии и Ближнего Востока. Но как, исходя из культурного контекста, отличного от американского, будет выглядеть назначение Хиллари Клинтон государственным секретарем или избрание президентом Дж. Буша-младшего?

Разумеется, нам удобнее иметь дело с собственным понятием правоты. Но иногда полезно взглянуть на себя со стороны.

Лишь понимание истории способствует расширению кругозора. Может быть, я говорю так в силу своего исторического образования, но мне кажется, что история представляет собой необходимое измерение любого вопроса. Для выстраивания маломальски внятных, конструктивных отношений с любой страной необходимо по меньшей мере попытаться понять историю ее народа, его социальные и культурные установки, общественную организацию, ценности и политическую культуру. Для меня очевидно, что перед началом военной операции в 2003 году ни США, ни Великобритания не сделали ничего, чтобы понять современную историю Ирака. То же относится к предыстории англо-американского вмешательства в Афганистане. И в том и в другом случае отсутствие целесообразной стратегии объясняется в том числе невниманием к истории обоих регионов. В результате иракская операция оказалась куда менее эффективной, чем могла бы, а афганская может завершиться, не достигнув поставленных целей.

Кто усомнится, что вторжение в 2003 году и последующие военные действия в Ираке могли быть более успешными и не привести к стольким военным потерям и жертвам среди гражданского населения, если бы коалиция уделила больше внимания историческому опы-

ту Османской и Британской империй в данном регионе? Бесспорно и то, что изучение британских военных и политических предприятий в Афганистане в XIX и в начале XX века, и особенно советского опыта в этой стране во второй половине XX века, позволило бы избежать многочисленных ошибок при проведении текущей афганской операции.

Я сказал это, чтобы подчеркнуть, что затронутые вопросы существенно важны при обсуждении взаимоотношений между свободой и безопасностью. Они самым непосредственным образом связаны с проблемой поддержания равновесия между властными полномочиями государства и гражданскими и личными свободами.

Пожалуй, сейчас неуместно начинать дискуссию о рождении человеческого общества и становлении правительства как института. Достаточно сказать, что необходимо пристально и постоянно следить за соблюдением равновесия между двумя часто взаимопротиворечащими условиями — государственным регулированием в целях безопасности и правами и свободами личности. После достижения известного порога система государственного регулирования неизбежно воздействует на принцип свободы выбора — с точки зрения как отдельной личности, так и всего общества. Последнее как нельзя более справедливо в отношении сферы безопасности.

Я думаю, немногие станут отрицать, что сегодня мы столкнулись с угрозой исламского экстремизма, будучи свидетелями событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, терактов в Мадриде, Лондоне, Москве, на Бали и в других точках планеты. Однако каков масштаб этой угрозы? Следует ли считать ее экзистенциальной угрозой ценностям и нравственной целостности нашего общества — так сказать,

его душе, подобно угрозе, нависшей во время Второй мировой войны и над Великобританией, и над Советским Союзом? Или же это серьезная, но менее глубинная угроза физической ткани нашего общества — подобно тому, что испытала Великобритания в годы гражданской войны в Ирландии? Оценка характера и масштабов угрозы определит или, скорее, должна определить наш ответ. В первом случае, очевидно, есть все причины для пересмотра самих нравственных и физических оснований нашего общества в целях обеспечения его выживания; во втором — необходимо внимательно подходить к вопросу о равновесии между мерами по защите подвергшихся угрозе физических элементов общества и нуждой противостоять выхолащиванию нравственных ценностей, к которому подобные меры могут привести. В первом случае речь идет о реакции на стратегическом уровне, во втором — ответ лежит в поле тактики.

Это различие существенно: стратегическая угроза воздействует на жизнеспособность некоего образования или организации, то есть подвергает опасности саму их природу. Тактическая угроза преходяща, но, отрицательно сказываясь на жизнедеятельности этого образования или организации, она не несет им уничтожения.

В обществе всегда существует противоречие между политическими императивами по обеспечению всесторонней безопасности и обязательствами правительства по соблюдению социальных и личных свобод граждан. Именно поиск разрешения этого противоречия требует самого вдумчивого обсуждения.

Очень немногие полагают, что джихадистские устремления исламских экстремистов представляют собой экзистенциальную угрозу нашему обществу. Большинство считает, что это пре-

ходящая угроза, тактический вопрос, требующий урегулирования, — подобно анархистской угрозе в Европе столетиями назад. В то же время большинство из нас убеждены, что гражданские свободы — это краеугольный камень общества, что они обладают стратегической значимостью и что защищать их нужно любой ценой. Существует опасение, отчасти оправданное, что однажды утраченные свободы сложно, почти невозможно получить обратно. Многие в Великобритании придерживаются мнения, что правительство воспринимает современную угрозу терроризма как угрозу самой природе нашего общества, тогда как в действительности опасность угрожает лишь некоторым его физическим аспектам. Гипертрофируя угрозу, правительство злоупотребляет властными полномочиями, усиливает политику надзора, увеличивает срок содержания подозреваемых под стражей без предъявления обвинения и т. д. — причем все эти меры прямо сказываются на состоянии гражданских свобод. Такие действия обнаруживают опасность неверного отображения стратегических вопросов в развивающемся законодательстве и попыток стратегического ответа на тактические вопросы.

Встревоженность в британском обществе имеет практические и нравственные основания. С одной стороны, считалось — и, если опираться на прецеденты, считалось справедливо, — что подобные меры вряд ли существенно снизят опасность террористических актов в Соединенном Королевстве. В то же время в обществе растет озабоченность, что упомянутые меры приведут к эрозии личных и социальных свобод, потом и кровью добытых за последние 800 лет британской истории, свобод, утрата которых может оказаться необратимой.

Реагируя на угрозу, мы обязаны изучить ее природу, рассмотреть ее в ка-

тегориях конкретных намерений и, самое главное, в контексте ее враждебности нашим ценностям и культуре. Угроза значима лишь с точки зрения уязвимости нашего общества. Именно гражданские свободы находятся в прямом соотношении с уязвимостью общества перед лицом терроризма — чем больше свобод, тем выше уязвимость. В отсутствие гражданских свобод Китай или Ирак Саддама Хуссейна не знали терроризма.

Всякому человеку, задумавшемуся над этим вопросом, станет очевидно, что террорист, — в особенности один из современных террористов, нимало не пекущихся о своей жизни, — рано или поздно достигнет успеха в любом обществе с более или менее развитыми гражданскими свободами. Да, какие-то из терактов удастся предотвратить, в ряде случаев спецслужбам будет сопутствовать успех, но в той или иной форме теракт все же произойдет. Например, неизбежность терактов в июле 2005 года в Великобритании была предсказана комиссаром столичной полиции Лондона и воспринята рядом обозревателей. Но следует ли правительству говорить, без ограничений (как это сделало правительство Соединенного Королевства), что его первейшая задача — обеспечение безопасности личности? Если это так, то правительство имело бы нравственное обязательство до такой степени ужесточить систему охраны безопасности и соответствующие законодательные механизмы, что это привело бы к уничтожению гражданских свобод. Между тем более просвещенным следует признать мнение, согласно которому главная задача правительства — защищать свободы личности и общества,

что именно в этом состоит стратегическая задача.

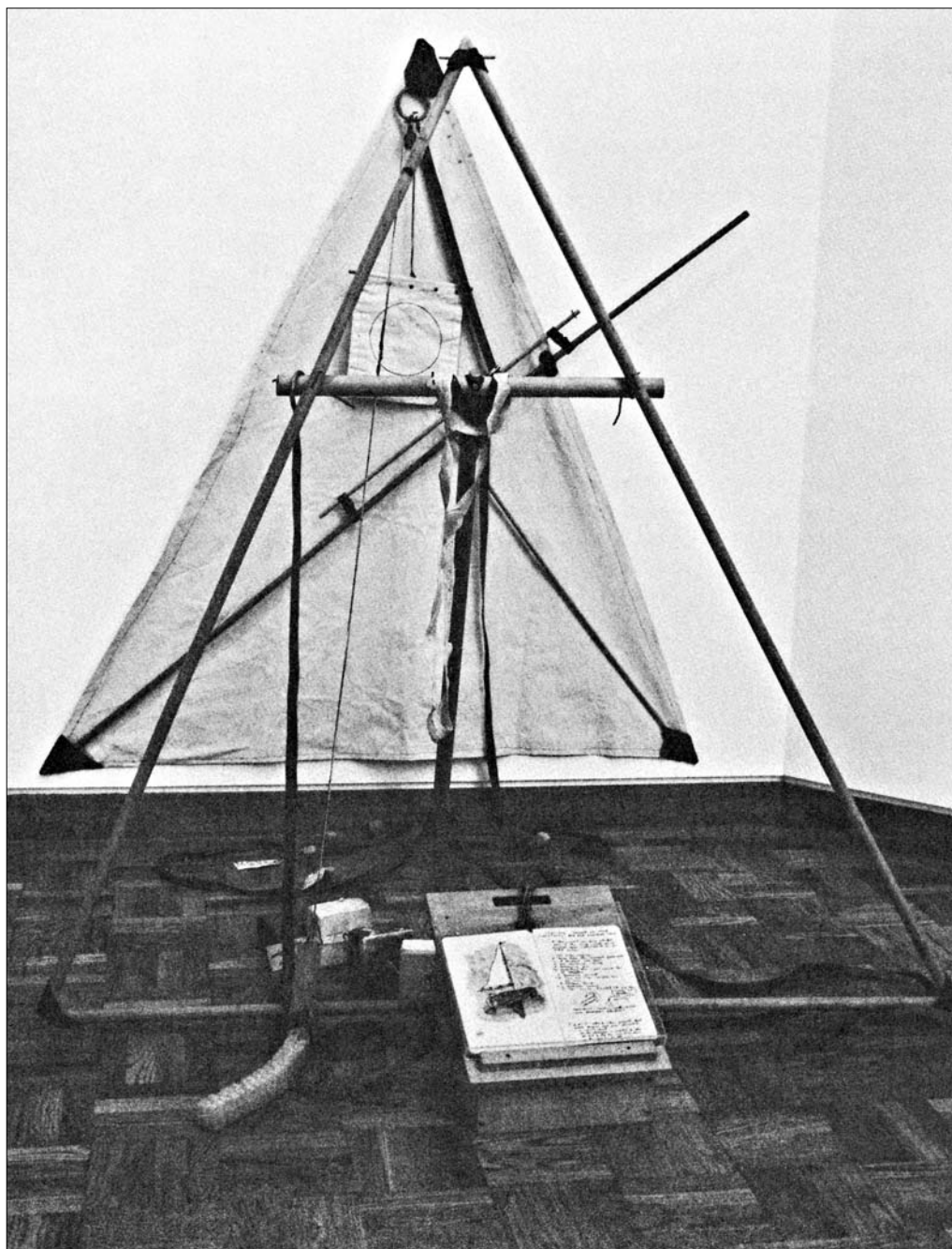
Однако положение правительства, особенно сегодня, когда общественное мнение на Западе утверждает челове-

В обществе всегда существует противоречие между политическими императивами по обеспечению всесторонней безопасности и обязательствами правительства по соблюдению социальных и личных свобод граждан

ческую жизнь как высочайшую ценность, тоже не из простых. Британское правительство не раз утверждало, что «обеспечение безопасности государства и его граждан — это самая важная обязанность». Эти слова звучали почти одновременно с тем, как то же государство отправило некоторых своих граждан — военных и штатских — за границу, дабы устанавливать и охранять свободы других народов. Часто говорят, что свобода не дается даром. Но хотелось бы спросить — готовы ли мы в равной мере рисковать жизнью наших граждан в защиту собственных свобод, или мы можем делать это только во имя свободы других?

Изменение стратегической обстановки и усиление системы безопасности за счет свобод личности — это крайняя мера, несоизмеримая с преходящей, тактической угрозой. Чуть более ста лет назад, на пике анархистского терроризма, когда одно за другим происходили покушения на глав государств и правительств, подобные меры, хотя они и рассматривались, не были приняты ни одним правительством. В 1894–1901 годах террористами были убиты пять глав государств, включая президента США. В 1886 году в Чикаго анархисты взорвали семь полицейских. В 1892-м в Пари-

Уильям Уэли. Корабельный журнал. 1969

же в результате теракта погибли еще семеро полицейских, а в 1893-м в здание Палаты представителей была брошена самодельная бомба. Тогда же Париж наполнился слухами, что террористы от-

равили кислотой систему городского водоснабжения. В 1893 году в Барселоне анархист взорвал бомбу в зале оперного театра — погибли 22 человека. В 1900 году итальянский король Умбер-

то сказал, что опасность покушения — это часть его работы, и его вскоре убили. В 1906 году 20 человек погибли во время покушения на короля Альфонсо XIII на королевской свадьбе. Наконец, в 1914 году в Сараево был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд... но это совсем другая история...

Я почти убежден, что сегодня подобная угроза вызвала бы беспрецедентные по масштабам законодательные и оперативные мероприятия на стратегическом уровне. В то время на рубеже веков они лишь спровоцировали временное усиление режима безопасности и повышенную бдительность охранных отделений. Анархистская угроза, разумеется, ушла (как это бывает с угрозами преходящей природы), а свободы остались. Так что сталкиваясь с тактической угрозой, впору задаться вопросом об эффективности полиции и служб правопорядка — насколько они действенны в противостоянии угрозе? Во-вторых, прежде чем рассматривать законодательное ограничение свобод, правительству, пожалуй, следует подумать о физических мерах сдерживания. За почти 30 лет в результате террористических действий в Северной Ирландии погибло больше 3000 человек; за это время полиция, службы правопорядка и армия достигли высокой эффективности в противодействии террористической угрозе. Правда, на граждан в этой области Великобритании периодически налагались ограничения физической и юридической природы, но они носили сугубо временный характер, применялись в конкретных обстоятельствах, на строго оговоренные сроки и лишь в исключительных случаях распространялись на базовые права и свободы граждан. В сущности, стратегическая обстановка в Се-

верной Ирландии оставалась неизменной на протяжении всего периода волнений.

Разумеется, мы не вправе говорить, тем более в демократическом общест-

*Мы слишком легко соглашаемся
на ужесточение системы регулирования
и законодательства, призванного
противостоять существующим угрозам*

ве, о приемлемом уровне насилия. Всякая жертва отражает неудачу данного общества. Но не следует забывать об опасностях и жертвах, на которые пошло человечество ради установления и защиты личных и гражданских свобод. В последние годы за дело свободы сражались тысячи граждан Ирака и Афганистана — многие пожертвовали во имя свободы жизнью. Среди погибших и свыше 350 британских граждан, добывавших для народа этих стран свободы, которые достались нам благодаря жертвам предков, и которые мы, по крайней мере пока, принимаем за должное.

Погибшие в борьбе с тиранией иракцы и афганцы считали, что завоевание личных и гражданских свобод стоит риска для жизни. Я верю, что и солдаты разных стран, участвующие в афганской операции, тоже верят в оправданность опасности, которой себя подвергают — ради стабильности в этой стране, развития представительных институтов власти и экономики, установления жизнеспособной системы образования и здравоохранения во всем регионе.

Порою кажется, что мы с все большей неохотой идем на риск в собственной стране и готовы выменять свободы на мнимое укрепление нашей безопасности — мнимое потому, что, как я уже говорил, террористам рано или поздно

улыбнется удача. Помнится, один из руководителей ИРА заявлял, что для успеха ему достаточно одного случая, тогда как спецслужбам нужно достигать успеха каждый день. На мой взгляд, мы должны сосредоточиться на улучшении работы контрразведки, служб безопасности, полицейской инфраструктуры, то есть на мерах, легко поддающихся модификации. Чего нам следует опасаться, так это ужесточения законодательства и усиления исполнительной власти, принятия законов, отменить которые вряд ли окажется возможно.

Я сказал в самом начале, что хочу открыть дискуссию на эту тему — и по-прежнему на это надеюсь. Но такие дискуссии нужно вести в первую очередь в странах Западной Европы, где сегодня утвердился дух самоуспокоенности, проистекающей из отсутствия серьезной, непосредственной угрозы за последние 60 лет европейской истории и, что печально, из недостаточного понимания сути свобод, их происхождения и значения.

Как я говорил, реальность субъективна, она сложна и сопряжена с выбором, и по этой причине мы склонны созидать реальность исходя из собственных установок. Я опасаясь, что сегодня в Западной Европе создана реальность, где не учитываются в должной мере природа свобод, те жертвы, на которые пришлось пойти народам ради их завоевания, и их значимость для структуры и равновесия нашего общества. Мы с неохотой принимаем необходимость идти на риск ради сохранения этих свобод. Мы слишком легко соглашаемся на ужесточение системы регулирования и законодательства, призванного противостоять существующим угрозам. Незаметно для самих себя мы движемся к более авторитарному государству, чем то, в котором живем сегодня.

Я говорил о трех перспективах, но в действительности самая важная из них — время. Правительства считают, что они должны быть деятельны и достигать конкретных результатов, а учитывая, что в распоряжении у них не более 5 лет, они стремятся к ужесточению системы. Однако им следовало бы оценивать угрозу трезво, понимать, что существующая опасность временна, и ограничиваться по возможности минимальными, необходимыми для сдерживания угрозы изменениями в строении и природе общества и его институтов.

Я упоминал и историческое измерение. Правительствам необходимо рассматривать возникшие угрозы в исторической перспективе, в контексте событий былого. Это придаст им уверенности в принятии решений. Мне кажется, что мое поколение, как и поколение, следующее за нами, слишком часто воспринимает политическую стабильность, которой мы наслаждались в течение 45 лет холодной войны, как норму. В действительности это был период политической стагнации, весьма далекий от нормы. Ситуация, в которой мы находимся сегодня, — это мир недоразумений и кризиса. К несчастью, вот уже два поколения политиков, государственных служащих и военных не обладают должным опытом разрешения кризисов. Они, так сказать, утратили «цеховые» знания и не всегда ориентируются в кризисной ситуации. Для эффективного разрешения стоящих перед миром вопросов им нужно вернуться к изучению истории, к рассмотрению перспектив, к оценке многогранной реальности разных народов. И я берусь утверждать, что установление и защита гражданских свобод окажется самым важным из тех вопросов, с которыми им придется столкнуться.

Перевод с английского *Марка Дадяна*

Глобализация и этнокультурный транзит как катализаторы терроризма

*Сергей Большаков, доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербурге)
Галина Грибанова, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербурге)*

Постматериалистические ценности, господство которых в развитых странах Западной Европы и США Рональд Инглхарт¹ ставил в заслугу правому государству и гражданскому обществу, не отражают структуру сознания индивида эпохи террористической глобализации (так мы обозначим эпоху после распада СССР). Базовые расколы, выявленные Стэном Рокканом и Сеймуром Мартином Липсетом², все еще лежат в основе ряда социальных процессов и явлений, однако глобализация в сочетании с международной террористической угрозой вновь выдвигает на первый план нижние слои пирамиды Маслоу³, отражающей иерархию потребностей человека. Расколы город / деревня, наемные рабочие / частные собственники, государство / церковь раскрывают периферию структуры ценностей, в центре которой находятся требования безопасности и свободы от системного давления, взаимосвязанные в той же степени, что свобода и частная собственность в понимании Локка. Периферия ценностного поля болезненно реагирует на глубинные ценностные сдвиги: требование безопасности влечет за собой не столько ненависть к угрозе, сколько ощущение дискомфорта и, соответственно, организованное давление на органы государственной власти, а также иные центры влияния.

Последовательное выстраивание структуры общества массового потребления в жесткой взаимосвязи с государством всеобщего благосостояния не оставили пространства свободным политическим смыслам; политический язык⁴ — индикатор уровня и качества взаимодействия государства и общества — приобрел жесткие, директивные черты⁵. В связи с этим общество утратило во многом дух частной предприимчивости как субстанцию, производящую и воспроизводящую идею демократии в современном государстве⁶.

Чарльз Тэйлор, характеризуя фундаментальный спор коммунитаристов и либералов, отмечает, что склонность к чрезмерной регламентации, присущая коммунитаристскому дискурсу, предполагает ограничение возможностей индивида, исключение принципов плюральности⁷, одновременно предоставляя гарантии социальной защищенности⁸.

Глобализация, экономически состоявшаяся, естественно затронула и комплекс социальных процессов⁹, которые здесь уместно обозначить в терминах конфликтологии: многочисленные латентные противоречия, постепенно кристаллизовавшиеся и превратившиеся в конфликты, произвольная эскалация которых обусловлена неумелыми действиями политиков, отсутствием соответствующих технологий регу-

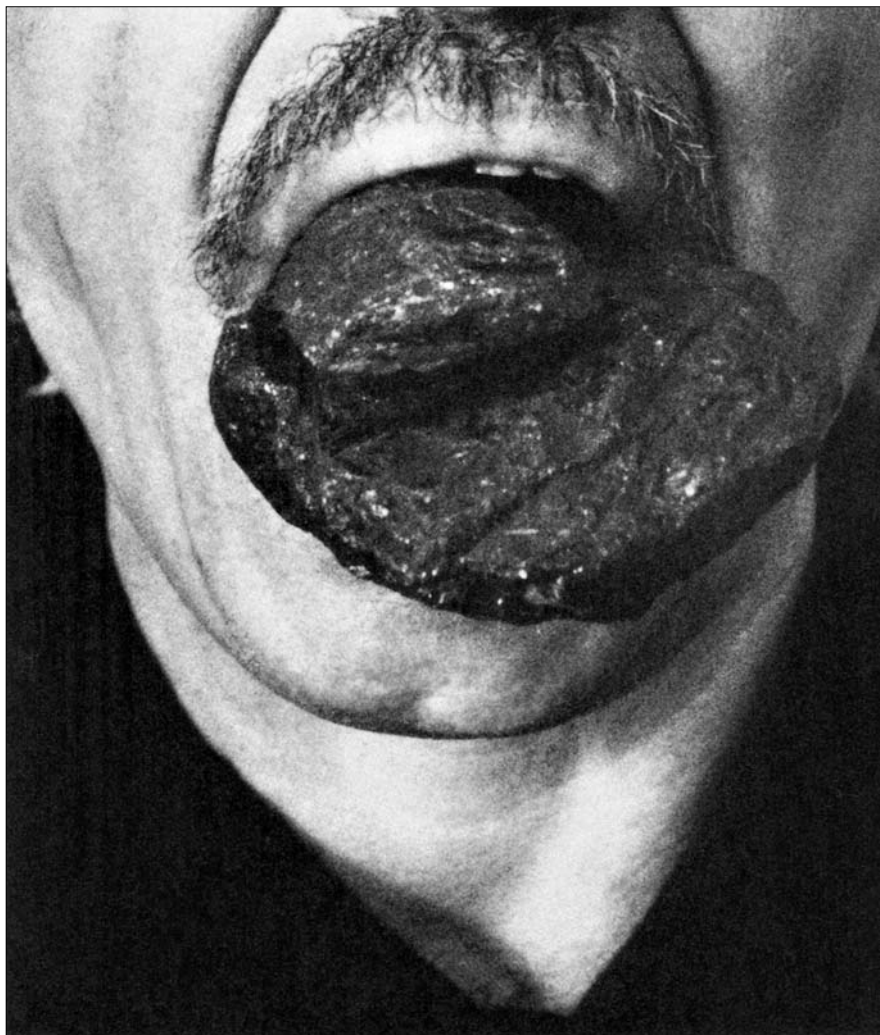
лирования, представляют собой теперь уже не совокупность отдельных незначительных угроз существованию конкретных общностей, а комплекс тесно взаимосвязанных и наслоившихся конфликтов, в рамках которого несогласованные действия в отдельных горячих точках приводят к возникновению планетарной напряженности.

Глобализация, ограничившая также и возможности частной предприимчивости в экономической сфере, эффективно структурировавшая и систематизировавшая рынок с помощью новейших технологий производства, не способствовала политическому и социальному прогрессу: крупнейшие корпорации устранились от участия в демократическом управлении государствами, а также от участия в интегративных международных процессах, используя собственное влияние исключительно в лоббистских и узкокорпоративных целях¹⁰. Подобное социально безответственное поведение бизнеса обусловило возникновение комплекса проблем, как социальных, так и политических. Система управления современного развитого государства оказалась неспособной разрешить накопившиеся противоречия. Как чиновничество, так и бизнес-элита не осознают базовых условий социальной справедливости¹¹, описанных Джоном Роулзом, в связи с чем их действия вызывают девиантную реакцию, обостренную наличием глобального информационно-политического и экономического полей, в рамках которых, постепенно вскрывается структура цивилизационных разломов¹². Частный интерес, абсолютно преобладающий над интересом общественным¹³, деформирует первичное поле социальной коммуникации, провоцируя такие асоциальные явления, как терроризм.

Возникновение терроризма как общепринятой практики и стратегии политического поведения является, в сущности, результатом деятельности элит — как политических, так и экономических, преследующих узкокорпоративные интересы и поощряющих использование насилия для решения тактических задач¹⁴, что неизбежно приводит к эскалации разнообразных конфликтов, в силу процесса глобализации связанных между собой.

Социальное неравенство, которое в архаическом обществе способствовало повышению эффективности протосистем управления различными социальными группами¹⁵, позднее стало источником социальной напряженности, а затем социальных конфликтов. Научно-технический прогресс во многом увеличил разрыв между самыми богатыми и самыми бедными, заложив, таким образом, основу глобальных политических кризисов и социальных катастроф.

Глобализация не только ликвидировала фактически независимые национальные государства и создала в планетарном масштабе интенсивные связи экономической зависимости, но и фактически конвертировала дипломатические связи между государствами в вертикали системного управления полусетевого формата¹⁶. Африканские и азиатские государства, добившиеся независимости, не способны существовать без специфической, прежде всего информационно-технологической поддержки метрополий, которые, таким образом, сохраняют контроль над производственными отраслями, научными разработками

Яннис Куннелис. Замурованный. 1990

ми, а также над системой национального управления. Однако новый вариант равновесия «колония-метрополия» существенно отличается от примитивной системы XIX века. Современные политики столкнулись одновременно с необходимостью формирования демократического политического процесса в государствах с отсталой подданнической политической культурой, низким уровнем благосостояния, индустриализации, злокачественной урбанизацией¹⁷. Таким образом, не выполнялось и не выполняется ни одно из условий успешной модернизации, выработанных С.М. Липсетом¹⁸. Современная теория демократического транзита, предусматривающая различные варианты системной адаптации к институциональному, нормативному и коммуникационному компонентам демократической государственности также предусматривает некоторые условия успешного старта транзита. К примеру, Д.А. Растоу¹⁹ выделяет в качестве необходимого усло-

вия национальное единство, то есть такое состояние социальных групп, различным образом определяющих собственную первичную идентичность, которое предполагает готовность к совместной выработке государственных управленческих стратегий. Одной из моделей, теоретически адаптированных к мультикультурным обществам, является теория общественной демократии А. Лейпхарта²⁰, воспроизводящей вариант общественного договора как основы современной демократии, в котором максимально возможно учтены интересы интегрированных социальных групп и влияние различных общностей соразмерно их общей значимости. Лейпхарт предложил ряд технологических нововведений, направленных на совершенствование процесса формирования и функционирования парламента путем использования пропорциональной избирательной системы и права вето для каждой группы, представляющей отдельную общность, вне зависимости от ее величины.

Однако названные модели не работают достаточно эффективно в обществах, где существуют социальные группы, обладающие высоким уровнем организации, достигнутым на основе осознания ими значимости своей главным образом этнической или религиозной идентичности²¹. Наибольшее сопротивление процессам институционализации²² способны оказывать этнические общности, высокая степень интеграции которых основана на религиозном фанатизме и определенном историческом базисе, оформленном в идеологию²³.

Терроризм в его нынешних масштабах и формах, безусловно, абсолютно новое явление: никогда террористические действия не казались столь неадекватными, как в условиях формирующейся общеевропейской государственности, постиндустриального глоболизирующегося общества, в рамках которого любые явления в процессе интерпретации превращаются в мифы, некие абсолютные утверждения или отрицания, «вытягивающие» за собой однозначные ассоциативно-образные ряды, которые, собственно, и являются основой структуры современного общественного сознания²⁴.

Глобализация и процессы ее развития заслуживают отдельного рассмотрения в контексте анализа современного терроризма. Наиболее интересными с этой точки зрения в рамках социальной и политической философии, по нашему мнению, являются работы Л. Шреттера и К.-Х. Рота²⁵. Их статьи позволяют с достаточной полнотой сформировать картину глоболизирующегося человечества, сопоставить экономический детерминизм региональной специализации, интеграции или дезинтеграции с цивилизационными разломами, выявленными С. Хантингтоном. Э. Паин в статье, посвященной социальной природе терроризма и экстремизма, указывает, что своеобразная общественная потребность в террористической деятельности как внешнем индикаторе и катализаторе определенных процессов, проявляется «в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций», «системных кризисов», «на этапе незавершенной урбанизации», «специфических форм индустриализации», «изменений этнодемографической структуры общества»²⁶. Таким образом, в процессе демократического транзита во многих странах не соблюдена

большая часть предварительных условий демократизации и формирования демократической государственности, определенных Д. Растоу, Л. Даймондом²⁷, С. Хантингтоном, С.М. Липсетом. В частности, таким предварительным условием, по Растоу, является формирование консенсуса среди различных этнических групп в многонациональных государствах, среди условий Липсета можно выделить урбанизацию, индустриализацию, высокий уровень благосостояния и образования. Более того, то, что Растоу и Липсет называют предварительными условиями демократии, в модели общественной демократии А. Лейпхарта достигается путем формирования сложного соотношения парламентских сил, то есть в результате длительного взаимодействия групп организованного представительства, более или менее демократических элит.

Безразличие к отдельным конкретным общностям, группам... подавление механизмов обратной связи, формальная институционализация... все это обуславливает протестное поведение, которое может переродиться в террористическую деятельность

Непредсказуемость демократического транзита обозначена в работе С. Хантингтона «Третья волна демократизации»²⁸ с помощью термина «двухэтапный транзит»: переход к демократическим процедурам в условиях отсутствия демократической политической культуры и соответствующего уровня экономического развития, затем возвращение к авторитаризму и далее более спокойный и умеренный переход к демократии. Исторический опыт подтверждает, что переходы от демократии к авторитаризму и обратно в нестабильных системах происходят постоянно, по типу маятника. Ни одно государство, относящееся, согласно классификации Хантингтона и Даймонда, к третьей волне демократизации, не может быть отнесено к стабильным демократическим системам, прежде всего в связи с тем, что антисистемные настроения в обществе постоянно преобладают, подпитываются дополнительно глобализационными процессами.

Несомненно, ответственность за политическую и социальную нестабильность, провоцирующие насилие, лежит на элитах и контрэлитах: «...причины глобализации следует искать не в надчеловеческих силах рынка, а в решениях, принимаемых на международных встречах, и в технологическом развитии»²⁹.

Согласно Карлу-Хайнцу Роту, гибельная практика реализации стратегий экономического идеализма началась с чилийского эксперимента в 70-е годы: «Вначале было нелегко различить за террористической политикой поддерживаемых США военных диктатур механизм долгосрочных социальных преобразований, запущенный вторым эшелоном технократов “монетаристской контрреволюции” (по определению М. Фридмана³⁰). Тем не менее именно в Чили был начат эксперимент, которому предстояло приобрести всемирное значение. В то время как весь мир следил за действиями диктатора Пино-

Хосе Инес Хоррера. Колесница смерти. Конец XIX в.

чета, не имевшего собственной экономической программы, около сотни выпускников Чикагской школы экономики с помощью мер радикальной налоговой и валютной политики разрушали до основания модель экономической политики, реализовывавшуюся блоком “Народного единства” С. Альенде, основанную на смешанной экономике. Бюджетные сокращения, кредитные ограничения и конвертируемость валюты стали исходным пунктом программы, которая

“разгосударствила” хозяйственные структуры, либерализовала цены внутри страны, открыла рынки капиталов и внешнюю торговлю и, напротив, установила жесткий контроль над рентабельностью рынков рабочей силы и над заработной платой, запретив профсоюзы, ликвидировав практику коллективных соглашений и оставив рабочих без всякой социальной защиты. Среднесрочными результатами этой первой “шоковой терапии” новой эры стали массовая безработица, негарантированные трудовые отношения по цене ниже прожиточного минимума, упадок образования, здравоохранения и социального обеспечения»³¹.

Приведенная цитата исключает возможность разночтений в толковании поведения элит и контрэлит и их целей: общее превалирует над частным, социально-политические механизмы носят обобщенно-отвлеченный характер, что ведет к потоку непрерывных глобальных перемен, ориентированных на достижение анонсируемых макропоказателей (неважно, демографических или экономических). Безразличие к отдельным конкретным общностям, группам, интегрированным по различным признакам, будь то территориальный, профессиональный или любой другой статусный фактор; подавление механизмов обратной связи, формальная институционализация, подразумевающая заведомо неэффективные методы политического и социального взаимодействия — все это обуславливает протестное поведение, которое может переродиться в террористическую деятельность.

Терроризм также элитонаправляемое поведение, только в данном случае насилие осуществляет не государство, не правящая элита, а контрэлита, оппозиция, признанная или непризнанная³².

Культивируемое регулирование конфликтов внутри Европы, забвение ряда глубинных противоречий между европейскими странами и внутри их — исключительное достижение, составившее основу уникальной интеграции, уникального сосуществования самобытных культур. Умение европейцев жертвовать отдельными уникальными культурными чертами своей нации, отдельными традициями, жертвовать замкнутостью, характерной для любого традиционалистского сообщества, способствовало созданию Европейского союза, позволившего, с учетом всех сложностей, тем не менее, эффективно взаимодействовать европейским государствам и жить в мире³³.

Однако спровоцированные европейскими империями XIX столетия вторжение инородных фундаменталистски настроенных элементов из Азии, Африки, Ближнего Востока сводит на нет достижения Западной Европы на пути интеграции с целью создания «золотому миллиарду» высокого уровня благосостояния. Именно в этом, возможно, ответ на вопрос, который задавали в 60-е–70-е годы XX века и сейчас задают снова: «Почему чаще всего членами террористических организаций политической (идеологической) направленности становятся студенты, т.е. наиболее прогрессивная и наиболее образованная часть общества, в том числе студенты-иностранцы, которым предоставлена возможность получить образование, а значит, доступ к более высокому качеству жизни в Европе? Почему они при

этом испытывают ненависть к государству — своему или чужому, открывающему им окно в большой мир»³⁴.

В условиях постоянно возрастающей угрозы европейскому качеству жизни, европейской культуре со стороны иммигрантских сообществ книга «Ярость и гордость» Орианы Фалаччи всего лишь один из немногих сигналов возрастающей нацистской, расистской и фашистской активности как экстремальной формы народного правосудия, террористического народного правосудия. Глобализация неэкономическая, последовавшая за экономической, провоцирует столкновение цивилизаций, не обладающих механизмом партнерского взаимодействия.

Баски не сумели за долгую жизнь в составе Испании полностью интегрироваться в более крупное национальное сообщество, ирландцы не стали англичанами, католики — протестантами. Насильственной интеграции и ассимиляции, принуждению к жизни «в чужом государстве», «по чужим правилам» во все времена люди предпочитали смерть, эмиграцию, уход в никуда. Хотя именно ассимиляция дает максимум шансов для «включения» в социум с последующей защитой и поддержкой с его стороны.

Еще сложнее политико-психологическая ситуация для иммигрантов из Азии, Африки, с Ближнего Востока, которые лишь в исключительных случаях могут быть настоящими социальными партнерами современных европейцев: ущербность их социального развития, отсутствие даже приблизительного понимания принципов толерантности, плюрализма, гражданской активности и ответственности, которое можно назвать также их культурной самобытностью и т. д. — все эти черты мешают иммигрантам эффективно интегрироваться, инспирируют качественные изменения в европейском сообществе, в рамках которого возникает новый образ борьбы (террористической) с «социальными вредителями», а также качественные изменения в обществах азиатских, ближневосточных — возникновение в них идей возмездия, своеобразного понимания справедливости, иначе — другого принципа народного правосудия, отличного от европейского³⁵.

Очевидно, что в Европе фактически уже не существует национальных государств, суверенитет которых можно было бы охарактеризовать в классических терминах Дж. С. Милля, Дж. Локка. Т. Гоббса. Европейское сообщество стремительно приближается к американскому, становясь, согласно Ж. Бодрийару³⁶, «метасоциальным»: «В сущности, Соединенные Штаты со своим пространством, со своей чрезвычайной технологической изощренностью и простодушием, включая и те пространства, которые они открывают для симуляции, — единственное реально существующее первобытное общество. И все очарование состоит в том, что можно путешествовать по Америке как по первобытному обществу будущего, обществу сложности, смешанности, все возрастающей скученности, обществу жестоких, но прекрасных в их внешнем разнообразии ритуалов, обществу непредсказуемых последствий тотальной метасоциальности, очаровывающего своей имманентностью, и в то же время — обществу без прошлого, которое можно было бы осмыслить, а значит, подлинно первобытному... Первобытность проникла в этот гиперболический и нечеловеческий

универсум, который ускользает от нашего понимания и далеко превосходит свои собственные моральные, социальные и экологические основания»³⁷.

Европа постепенно теряет собственную историю, принимая все ускоряющиеся темпы глобализации, в рамках которых энциклопедизм, широта мировоззрения сменяются узкими специальными знаниями, за пределами которых для индивида не существует ни временного, ни географического пространства в сколько-нибудь значительном, по меркам университетско-

*Глобализация неэкономическая,
последовавшая за экономической,
провоцирует столкновение цивилизаций,
не обладающих механизмом партнерского
взаимодействия*

го образования второй половины XX века, объеме. Постепенная утрата истории приводит ее к «обществу... жестоких, но прекрасных в их внешнем разнообразии ритуалов», одним из которых является терроризм.

В связи с глобализацией любая общность в рамках человеческой цивилизации борется за своеобразное культурно-историческое пространство, за право не забыть нечто важное, сохранить хотя бы некоторые черты самобытности и традиционализма. На Ватиканском соборе в октябре 1999 года, который был посвящен обсуждению взаимоотношений между христианами и мусульманами, известный исламский ученый, обращаясь к ошеломленной публике, заявил с безмятежной наглостью: «Используя вашу демократию, мы захватим вас, используя нашу религию, мы будем господствовать над вами»³⁸. Таким образом, исламская цивилизация приспособляется к глобализации: экспансия, покорение и завоевание различными средствами, или, во всяком случае, предотвращение безраздельного царства глобалистского кича (М. Кундера³⁹) в культурном пространстве. Причем и это явление не является новым в политической истории человечества: именно демократия, плюрализм, толерантность позволяют наиболее агрессивным политическим, экономическим, культурным социально-культурным силам занимать доминирующие позиции⁴⁰.

Ключевым понятием в данном контексте становится именно метасоциальность. По своей сути, терроризм метасоциален. Он не может быть асоциален, ибо он есть продукт общества. Он не во время общества, а после общества. Общество классического типа, элементом которого является ограниченное нормативно государство, а собственно нормы — не существует. Оно все больше превращается в метасоциальную систему, функционирующую исходя из совокупности частных интересов, не связанных между собой в рамках реализации взаимосвязанных функций: общество, в свою очередь, превращается в метасоциальную структуру, раздвигающую границы политических, моральных и нравственных норм — общество и преимущественно отдельные его элементы, сохранившие некое подобие культурной и цивилизационной идентично-

сти, не способны более существовать в атмосфере лжи, разъедающей саму идею единого государства — территориальной целостности.

Телевизионный апокалипсис, синтезированный профессионалами СМИ, атрофирует чувство социальной ответственности, реальности в целом, провоцирует неадекватное поведение. Война, снимаемая в павильонах, инспирирует войну на улицах. Жан Бодрийар в статье «Зеркало терроризма» пишет о современном информационном пространстве: «Такова наша современная трансполитическая арена: прозрачная форма публичного пространства, из которой изъяты все действующие лица, чистая форма события, из которого изъяты все страсти»⁴¹. Более того, можно пойти дальше: пассивная публика, сублимирующая обостренный предугадыванием инстинкт (или комплекс по Фрейдю) насилия, в принципе не может знать последствий своих действий, а следовательно, априорно не несет ответственности за свои поступки. Определенная методика подачи информации позволяет замолчать или представить незначительным событием катастрофу, в то время как мелкое происшествие, комментируемое предвзято и надуманно, неожиданно оказывается актуальной драмой, на самом деле искусственно выстроенной информационными технологиями, направленными на конкретные социальные группы. Технология превращается в данном случае в орудие частных и узкокорпоративных интересов, в инструмент подмены смыслов: обостренная чувствительность социальных страт к определенным ценностям, образность восприятия, свойственная большинству индивидов, синтетически конвертируются в социальный капитал и материальные блага элиты. Система символов, формировавшая мировоззрение предыдущих исторических эпох, деформирована современной цивилизацией в систему знаков⁴², построенную на жестких референциях, жесткой ассоциативной структуре, обладающей практически директивной мощью.

Л.В. Сморгунув в статье, посвященной электоральному поведению в современных государствах, указывает, что произошла глубинная трансформация концептуального основания процесса политического выбора, а именно переход от элитонаправляемого к элитовызываемому поведению⁴³. Однако, с нашей точки зрения, данный факт означает лишь окончательное утверждение системы знаков, обладающей столь значительной силой (прежде всего разрушительной), что жесткая формальная регламентация перестает быть необходимой. Потребление регламентирует.

Государства, общности и группы, втянутые в процесс международной террористической деятельности, втянуты одновременно в глобализацию, в «монетаристское удушение», в «жестокие ритуалы», в своеобразную «первобытность», а метасоциальность в результате этнокультурного транзита поглощает с помощью глобализации и терроризма как ее элемента последние замкнутые сообщества. Самобытность отныне — только в частностях, формальностях, знаках — но не в идее и целостности. Насилие, смыкающееся вокруг современного мира, первый признак интенсивного разложения идентичности, а значит — новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. // *Полис*. — 1997, № 4.
- 2 См.: Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments. — N.-Y.: Gallahan, 1967. — P. 90–120.
- 3 См.: Маслоу, А. Мотивация и личность. — СПб: Пресс-Инфо, 1999.
- 4 См.: Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти. // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. — С. 88–125.
- 5 См.: Сморгунов, Л. В. Политическое в открытом обществе. // На пути к открытому обществу: идеи К. Поппера и современная Россия. — М.: Изд-во «Весь мир», 1998. — С. 56–89.
- 6 См.: Спенсер, Г. Опыты научного, философского и политического. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 111.
- 7 См.: Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство. // *Вопросы философии*. — 1994, № 3.
- 8 См.: Тэйлор, Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунистарами. — М.: Верус, 1998. — С. 219–248.
- 9 См.: Schretter, L. Globalization. // *Schwarzer Faden*. — 1997, № 2. — P. 45–47.
- 10 Там же, р. 51.
- 11 См.: Роулз, Дж. Теория социальной справедливости. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. — С. 50–70
- 12 См.: Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. // *Полис*. — 1994, № 1.
- 13 Европейская цивилизация, базовым конструктивным элементом которой является сложная система кооперации и специализации в процессе любой деятельности, тем не менее априорно содержит внутренний конфликт между необходимыми ограничениями свободы или, скорее, произвола индивида с целью эффективного сосуществования и принципами методологического индивидуализма, глубоко отпечатавшимися в европейском сознании с Нового времени: «...когда для заурядного человека мир и жизнь распахнулись настежь, душа его для них закрылась наглухо. И я утверждаю, что эта закупорка заурядных душ и породила то возмущение масс, которое становится для человечества серьезной проблемой». См.: Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. — М.: Ермак, 2005. — С. 35.
- 14 См.: Перегудов, С.П. Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин? // *Полис*. — 2002, № 5.
- 15 См.: История Древнего мира. Т. 1. Под ред. И. М. Дьяконова. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989 — С. 57–86.
- 16 Schretter, L. Globalization... P. 80.
- 17 См.: Mohamad, Dr. Mahathir bin. The Way Forward. — London: Wiedenfeld & Nicolson, 1998. — P. 23–140.
- 18 Липсет, С. М. Роль политической культуры. // <http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem32.htm>.
- 19 См.: Растоу, Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели. // *Полис*. — 1996, № 5.
- 20 См.: Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. — М.: Аспект-пресс, 1997. — С. 50–124.
- 21 Шарапова, Е. В. Этнический сепаратизм в современной России. // <http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem32.htm>
- 22 Фактически этот процесс носит характер скрытой глобализации, в рамках которой индивиды теряют первичную культурную идентичность, сохраняя, условно говоря, только метасвязи с самобытной цивилизацией предков; он диктует определенные условия труда: непосредственную работу с современными технологиями, производство которых есть синтез

разработок десятков и сотен научно-исследовательских институтов по всему миру, определяет в некоторой степени сознание, отлучает от общины, формирует иной круг интересов и деформирует информационное пространство, открывая новые контексты и видения.

- 23 См.: Федоров, М. Еще раз о сепаратизме. // *Экспресс-хроника*. — 2000, № 4.
- 24 Европейцы признают собственную культуру и цивилизацию, а также механизмы взаимодействия, принятые в ее рамках, наилучшими, в то время как система подавления (в современном варианте «монетарного удушения») непрерывно функционирует. В современную европейскую парадигму действия террористов не укладываются в связи с тем, что, забывая о страшном прессе латентного насилия, европейцы не могут понять достаточно простое утверждение М. Л. Кинга: «По своей сути, бунт — это голос тех, кого не слышат», которое обладает исключительной ценностью для подавляемых. См.: *The autobiography of Martin Luther King*. — London: Intellectual properties management (IPM), 2000. — Р. 45.
- 25 См.: Рот, К.-Х. Глобализация. — М.: Эвер-пресс., 1999. — С. 31–44.
- 26 См.: Паин, Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма. // *Общественные науки и современность*. 2002, № 4. — С. 117.
- 27 Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна демократизации»? // *Полис*. — 1991, № 1.
- 28 Huntington, S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. — London, 1991.
- 29 Даль, Р. Ук. соч. — С. 50.
- 30 См.: Фридман, Л. Глобализация: развитие и развивающиеся страны. // *МЭ и МО*. — 2000, № 10.
- 31 Цит. по: Рот К.-Х. Глобализация. — С. 56–57.
- 32 Инглхарт, Р. Ценности в глобальной перспективе. // *Полис*. — 1993, № 5. — С. 36–53.
- 33 См.: Даль, Р. А. Введение в теорию демократии. — М.: Наука и СП Квадрат, 1992. — С. 36–120.
- 34 Müller, R. *Schleichende Radikalisierung. Wie aus Studenten die Attentäter vom 11. September wurden*. // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Nr. 193, 21.08.2006. — S. 3.
- 35 См.: Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Практис, 2002. — С. 123.
- 36 См.: Baudrillard, J. *The Mirror Of Terrorism*. // Baudrillard, J. *The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*. — London: Verso, 1999.
- 37 Бодрийяр, Ж. Америка. — СПб: Владимир Даль, 2000. — С. 22.
- 38 Выступление Р. Ад-аль-Сарани на Ватиканском соборе 1999 г. Цит. по Фаллачи, О. Гордость и ярость. — М.: Вагриус, 2004. — С. 115.
- 39 См.: Кундера, М. Неспешность. — СПб: Азбука-классика, 2002. — С. 23–120.
- 40 См.: Michels, R. *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchen Tendenzen des Gruppenlebens*. — Leipzig: Klinkhard, 1997. — S. 401.
- 41 Baudrillard, J. *The Mirror of Terrorism*. — P. 75.
- 42 См.: Демьянков, В.З. О формализации прагматических свойств языка. // *Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики*. — М.: ИНИОН АН СССР, 1984. — С. 197–222.
- 43 Сморгун, Л. В. Консолидация демократии и проблема формирования эффективного государства в России. // *Вестник СПбГУ. Сер. Б*. — 1998, вып. 2.

Зачем нужна культура?

Если вопрос «зачем нужна культура» вы зададите любому не социально, а эстетически мыслящему художнику, он посмотрит на вас как на безумца и ответит: «Чтобы решать вопросы вечности, думать о жизни и смерти, о смысле человеческого существования...». И будет абсолютно прав. Но мы живем в прагматическом мире, где в основном живут не художники. И если мы этому прагматическому миру не умеем ответить на вопрос «зачем нам культура», то этот мир сам себе и отвечает: ну, значит, низачем. А если низачем, то тогда невозможно выстроить ни внятную политику по отношению к этому явлению, ни финансирование, ни расставить кадры, потому что, если вы не знаете, зачем все это надо, то никаких управленческих решений принять не можете. Среднестатистическая политическая элита решает сегодня только те задачи, которые ей понятны — не следующим поколениям, не детям детей, а конкретно ей.

Недавно читал утвержденный правительством очень важный документ — «Положение о конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет».

Нужны нам национальные исследовательские университеты? Да, конечно, нужны — для будущего. Потому что главная проблема устройства новой российской науки заключается в том, что у нас разведены образовательные и научные системы. В одном месте мы готовим кадры, а в другом — занимаемся наукой. Во всем мире основная база научных исследований — это университет. Даже там, где есть аналоги нашей Академии наук, как Общество Макса Планка в Германии или Национальный центр научных исследований во Франции, тем не менее главное место, где производится наука, это образовательные учреждения. Там же встречаются поколения, занимающиеся наукой, и без этого никак. Для нас это задача не сегодняшнего дня, не завтрашнего и даже не послезавтрашнего. Это работа на отдаленное будущее. Но вот принимается важный доку-

*Александр Архангельский,
основатель и ведущий
ТВ-программы
"Тем временем",
журналист, писатель*

мент. Читаю в нем об условиях самого конкурса, финансового обеспечения его проведения, приобретения всякого оборудования, повышения квалификации и прочее. Но нет ни слова о том, как будут финансироваться научные исследования. То есть университеты, которые будут участвовать в конкурсе, получают деньги и смогут их потратить на что угодно, кроме как на научные исследования? Почему так получается? Потому что действующая элита не смотрит в будущее, она смотрит в настоящее.

Так вот, возвращаясь к разговору о культуре. Если мы не нащупаем ответ на вопрос, понятный не только деятелям самой культуры, а людям за пределами творческого процесса, зачем нужна культура, и главное, зачем она сейчас, то никакой внятной политики, никакого продвижения культуры не будет. Не потому, что кто-то этого не хочет, а просто потому, что этот ответ нынешней элите просто не понятен. Возьмем представление состава правительства новым премьером после его назначения. Представляя членов кабинета, премьер объяснял их задачи. Он очень четко описал функции министра иностранных дел, силовиков, министра экономики. А когда дело дошло до министерства культуры, сказал, что его задача — сохранение исторического наследия. А когда нет ясного понимания, что это вообще такое, придумывается нечто красивое, что ни к чему не обязывает. Однако когда начинается приватизация памятников исторического наследия, то задача его сохранения представляется очень интересной. При этом само Министерство культуры не имеет в своем распоряжении ни одного сколько-нибудь значимого финансового ресурса. В странах, где есть подобные институты, обычно это министерства культуры и спорта или культуры и туризма. Не потому, что там культуру прирав-

нивают к туризму, а элиты понимают, что нужен серьезный финансовый инструмент, чтобы этот институт обладал реальными полномочиями, весом и властью.

Почему у нас не так? И как должен быть устроен мир культуры, чтобы хватало средств на сохранение созданных и производство новых культурных ценностей? Для рассуждения на эту тему я намеренно рассматриваю культуру как совокупность институтов производства, сохранения, трансляции, модернизации ценностей. А политику в области культуры как систему эксплуатации ценностей. Ответ на вопрос, какие институты входят в систему культуры, очень важен и он абсолютно инструментален. Если мы говорим об институциях, которые нужно или не нужно поддерживать, мы должны рассуждать более прагматично и жестко, чтобы понимать, что поддерживать, зачем и как. Потому что поддерживать все нельзя, сколько бы налоговых поступлений от нефти и газа ни было. Поэтому Министерство культуры сейчас работает с экспертами над содержанием культурной политики, ее приоритетами. И эти вопросы очень важные. Посмотрим, как обстоит дело с театром, кино и чтением в современной России. И попробуем нащупать внятную культурную политику, которую сможем предложить сами себе, а значит, и транслировать дальше.

Что происходит у нас с чтением, например? В России по заказу Российского книжного союза и Федерального агентства по делам печати проведены опросы. Сорок шесть процентов россиян не читают ничего. При этом оборот российского книжного рынка оценивается примерно в три миллиарда долларов. Много это или мало? Для сравнения, американский книжный рынок — это тридцать миллиардов долларов.

Если посмотреть, как книжная торговля распределяется в США и как книги распространяются в России, то увидим здесь ключевую проблему. В России не строят книжные магазины в городах с населением меньше ста тысяч жителей, туда книжки не приходят. И это первое отсечение, первый шаг к неравенству. В Москве в 2002 году распространялось восемьдесят девять процентов всех выходящих в стране книг.

В стране официально зарегистрированы девятьсот пятьдесят три театра, из которых в Москве работают примерно 250. Вся остальная страна пользуется тем, что не забрали Москва и Питер. При этом 49 процентов населения вообще не посещает театры. Один процент посещает несколько раз в месяц. Восемь процентов — несколько раз в год. Семь процентов — хотя бы раз в год.

Что происходит с кино? В России тысяча шестьсот кинозалов, по данным 2008 года. Вместе с кинозалами в странах СНГ, где есть русскоязычная аудитория, их две тысячи двести. Нормальная киноиндустрия требует хотя бы трех-пяти тысяч залов на такую страну, чтобы производство кино было рентабельным.

Вот такая статистика... Были ли в аналогичной ситуации другие страны? Америка и Англия раньше нашего столкнулись с кризисом чтения. Каким был их ответ? Там элиты понимали, что граждане должны быть развитыми, потому что иначе не возможна модернизация экономики, а значит — рост производительности труда. Если нет роста производительности труда — цивилизация проиграла. Только постоянно развивающаяся страна может двигаться вперед. Следовательно, когда в государстве собираются налоги и

решается во что их вложить, вкладывают в культуру, в том числе в инфраструктуру чтения, поддержки аудитории. Как это делается в США? Здесь действует система, которая курируется

Если мы не нащупаем ответ на вопрос, понятный не только деятелям самой культуры, а людям за пределами творческого процесса, зачем нужна культура, то никакой внятной политики, никакого продвижения культуры не будет

Библиотекой конгресса Соединенных Штатов. По всей стране работают центры чтения. Их опекает жена президента, а директор Библиотеки конгресса является одним из ключевых членов американской элиты. И понятно почему. Если нация и ее верхушка понимают, зачем стране нужна культура, как инфраструктура, как система приоритетов, они понимают, что у директора Библиотеки конгресса должны быть очень серьезные полномочия. Например, прямой выход на президента, министра обороны... Зачем, спрашивается, директору Библиотеки конгресса прямой выход на министра обороны? В свое время по договоренности с Россией он привозил в наши библиотеки оборудование для микрофильмирования. Была такая система поддержки нашего библиотечного дела. Были деньги на закупку, а денег на доставку не было. Тогда директор Библиотеки конгресса договорился с тогдашним министром обороны Чейни, и он выделил транспортную авиацию министерства обороны для доставки оборудования туда, куда нужно. Никто не задавал лишних вопросов, потому что если директор Библиотеки конгресса считает, что это нужно, значит нужно. Система поддержки читательской аудитории была организова-

Роберт Лоурент. Пламя. 1917

на из денег налогоплательщиков, которым объяснили, почему необходимо тратить деньги на это. В Англии в конце девяностых — начале двухтысячных годов была своя модель поддержки чтения. Опять же никаких вложений в издание книг, никаких грантов книжным магазинам. Бизнес есть бизнес. Все вложения шли в аудиторию. Была использована телевизионная возможность, книжная программа, которая позволяла нации обсуждать в прямом эфире, какие книги она любит, какие не любит и почему. Это подогревало интерес к чтению. Правда, были территории, куда даже с помощью телевизора не доберешься. Это северо-запад Англии, где множество проблем, где безработица, где дети не обихожены, мамы занимаются не пойми чем, а папы сидят по тюрьмам. Так вот, с этими детьми разговаривать о том, что чтение дело хорошее, пришел... Бэкхем. Значит, когда понятен ответ на вопрос, зачем все это нужно, понятна и система действий: мы вкладываемся в аудиторию, а в конечном счете в избирателя; для развития страны нам нужно усложнение среды обитания, а не ее примитивизация.

Что происходит с кино? Советский Союз, несомненно, был великой кинематографической державой. Потом произошел неизбежный спад, потому что распалась вся система. Проходили ли до нас через нечто подобное другие великие кинематографические державы? Во Франции на сломе эпох тоже стоял вопрос — что делать? Для поддержки национального кинематографа ввели налог на телевизионный показ нефранцузских фильмов, который весь перенаправили на поддержку французского кинематографа. Если бы государство просто финансировало производство новых художественных фильмов и только на том основании, что режиссер живет во Франции, говорит по-французски и соблюдает фран-

цузские традиции, никакой великий французский кинематограф не возродился бы. Но французы вложились в продвижение своего кино, в том числе элитарного авторского. Париж был увешан плакатами, которые продвигали новое французское кино. Были введены некоторые налоговые послабления для тех, кто хочет долго держать в прокате французское кино, а не стандартные две недели по схеме современного мирового кинопроката. Но самое существенное — Франция ответила для себя на вопрос, кто такой французский режиссер. Французский режиссер — это любой, кто снимает картину на французские деньги для Франции. В этот период французскими режиссерами стали Лунгин, Иоселиани. Румыны с их замечательной школой превратились в новую кинодержаву, что через несколько лет привело к тому, что румынский фильм «Четыре месяца — три недели — два дня» режиссера-дебютанта Кристиана Мунгиу получает в 2007 году «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах. Но самые существенные вложения были опять-таки в аудиторию, в усложнение среды обитания, например в поддержку клубов по интересам. Это привело к тому, что возникло то меньшинство, которого достаточно для самоподдержания культурной среды. Не гетто, куда сгоняют тех, кто хочет быть абсолютным меньшинством, и не поддержка со стороны государства, которое кормит художника с руки, взамен требуя лояльности, а создание того необходимого меньшинства, которого вполне хватает для самоподдержания культуры. Возникла среда обитания, возникла аудитория, способная считать достаточно сложные тексты. И эта аудитория сама уже теперь финансирует эти проекты. Государство здесь уже как бы и ни при чем. Оно инфраструктурно поддержало среду обитания, прекрасно понимая, что без этой ус-

ложненной среды обитания, без этой аудитории не будет движения всего общества вперед. Опыт поддержки аудитории в разных странах — ключ к ответу на вопрос, зачем нужна современная культура. Если наша элита этого не поймет, а мы ей не объясним, то никакой поддержки институтов культуры не будет. Будут искусственно поддерживать отдельные театры, отдельных режиссеров, отдельных авторов, а система не сложится.

На протяжении долгих лет давали деньги, например, на разного рода кинопроекты — до двадцати миллионов рублей, независимо от того, глобальный он или маленький, показывали его потом или нет. То есть финансировали художника, а не среду обитания, съемки, а не показ. Финансировали отдельные, так называемые патриотические проекты. Это тоже замечательная вещь! Элитам важен не эстетический, а идеологический критерий поддержки того или иного проекта. Это либо сказка, либо фантастика, что тоже сказка, либо такое героическое прошлое, которого не было. С вопросами, которые мы обсуждаем между собой, с актуальным содержанием жизни, на что кино должно реагировать, финансирование и поддержка не связаны никак. В театре современная драматургия системно практически не поддерживается государством. Средства получают театры академические, так называемые репертуарные театры. При этом некоторые из них действительно этого достойны, а какие-то по сути уже умерли и поддерживаются искусственно. И это ни к чему не ведет, за редчайшими исключениями. Зато художники грызутся между собой из-за этих денег.

Системный ответ на вопрос «зачем культура?» в мире давно найден. Она нужна для формирования ценностей, ценностной шкалы для поиска ответов на вопросы, которые мучают со-

временников, нужна для того, чтобы сознание было у людей современным, чтобы они были ориентированы на модернизацию. Все остальное вторично и третично. Но пока внятного ответа на этот вопрос у нас нет, мы финансируем формы, а не содержание. За редчайшими исключениями, как, например, эксперимент в Перми. Суть его проста: чтобы в Пермь пришли новые инвестиции, нужно, чтобы инвесторы отличали Пермь от Пензы. А все опросы показывали, что сколько-нибудь значимые инвесторы не могут отличить один край от другого. Как поступил бы нормальный советский или, что то же самое, постсоветский чиновник, если бы ему поручили продвижение образа Перми? Он позвал бы пиар-агентство, дал бы ему денег, поручил бы продвигать свою территорию. Пиар-агентство немедленно нарисовало бы план, появились бы ролики со счастливыми улыбающимися пермяками, и, может быть, создали бы какой-нибудь англоязычный канал вроде «Пермь-TV» или «Пермь-тудэй» и так далее. Опять пошли бы по пути финансирования формы, а не содержания, структуры, а не движения вперед, и деньги ушли бы, в общем-то, в никуда. Здесь поступили иначе. Те же деньги, не очень большие, не из областного бюджета — подчеркиваю это сразу, были вложены в культурные проекты, выходящие за пределы Пермского региона, про которые будут говорить за пределами Перми. То есть вложить деньги не в продвижение образа, а в сам образ — не в следствие, а в причину. Что было сделано? Был проведен первый, не очень удачный архитектурный конкурс на строительство нового здания Пермской художественной галереи, поскольку в городе художественная галерея расположена в здании храма, что нехорошо и для храма, и для галереи. Победил проект московского

молодого архитектора с итальянской фамилией Бернаскони. Он не был реализован, потому что оказался слишком дорог, но это другой разговор. К конкурсу внимание было привлечено бесплатно. Потом позвали галерейщика Марата Гельмана создавать Пермский музей современного искусства. Он согласился, потому что для него это самореализация. И выясняется, что Пермский музей современного искусства, предъявляющий не специфичность Перми, а европейское наполнение Перми, вызывает огромный отклик. Об этом начинают говорить, это опять же бесплатная пиар-кампания. Те деньги, которые можно было распылить на традиционную пиар-кампанию, потратили на закупку коллекции, на приглашение художников, на акции современного искусства, про которые все говорят. И деньги придут туда вслед за культурными проектами, и сознание людей будет меняться. Что самое существенное, начинает лечиться одна из главных российских болезней — цивилизационная: все пути лежат из регионов в Москву и никогда обратно. Есть страны, особенно постимперские, где действительно невозможно не пройти через столицу, если ты хочешь состояться. Во Франции, если ты художник, то изволь, нравится тебе, не нравится, через Париж пройти. Если ты бизнесмен крупный и хочешь играть по-крупному, ты все равно придешь в Париж. Но, придя в Париж, ты рано или поздно либо вернешься обратно, либо поедешь вообще в третий регион со своими деньгами, связями и своим опытом жизни, потому что невозможно всю жизнь прожить в Париже, если хо-

чешь совершенствоваться. Если у нас будет сломана эта модель, тогда можно сказать, что мирная революция состоялась. Эксперимент в Перми идет уже третий год и мне кажется очень

Либо вы создаете примитивного потребителя, либо сложное сознание, способное меняться вместе с условиями окружающей жизни, делаете ставку на культуру, которая развивает в человеке творческое начало, восприимчивость к переменам

удачным. Это пример того, как продуманная стратегия поддержки серьезных культурных проектов, усложнение культурной среды позволяют решать модернизационные задачи.

К сожалению, наша политическая система настроена именно на упрощенное массовое сознание: власти таким обществом легче управлять. Отсюда обилие бессмысленных и пошлых юмористических программ, шоу и иных зрелищ, облегченных литературы и кинематографа, рассчитанных на примитивную аудиторию. Однако эта же власть провозглашает задачу модернизации как стратегическую цель развития страны. Но эти два процесса исключают друг друга. Либо вы создаете примитивного потребителя, либо сложное сознание, способное меняться вместе с условиями окружающей жизни, делаете ставку на культуру, которая развивает в человеке творческое начало, восприимчивость к переменам. Либо усложненное сознание и соответственно очень сложные модели управления общественной жизнью. Либо примитивное сознание, примитивные культурные модели и никакой модернизации.

*Борис Дубин,
руководитель отдела
социально-политических
исследований
Левада-Центра*

Политика и культура сегодня

Внутреннее побуждение к рассмотрению взаимосвязи российской политики и социально-культурной сферы — глубокая неудовлетворенность тем, как эта проблематика описывается в официальных и официозных средствах массовой информации, а также в ходе дискуссий, выступлений, которые вроде бы противоположны в этом смысле официозу. Проблемные области, которые я считаю важными рассмотреть, можно свести к четырем-пяти.

Первая — это стабильность социального и политического порядка. Вторая — вертикаль и концентрация власти. Третья — возвращение советского, эффект дежавю. Четвертая — деполитизация социальной и политической сферы, а также связанная с нею, может быть, пятая сфера — это уход людей в частную жизнь.

В своих суждениях я опираюсь на огромный массив эмпирических данных, которые имеются в распоряжении нашего Центра, они публиковались и публикуются в журнале «Вестник общественного мнения», но я не стану злоупотреблять конкретными цифрами, они могут иногда затруднять понимание логического анализа.

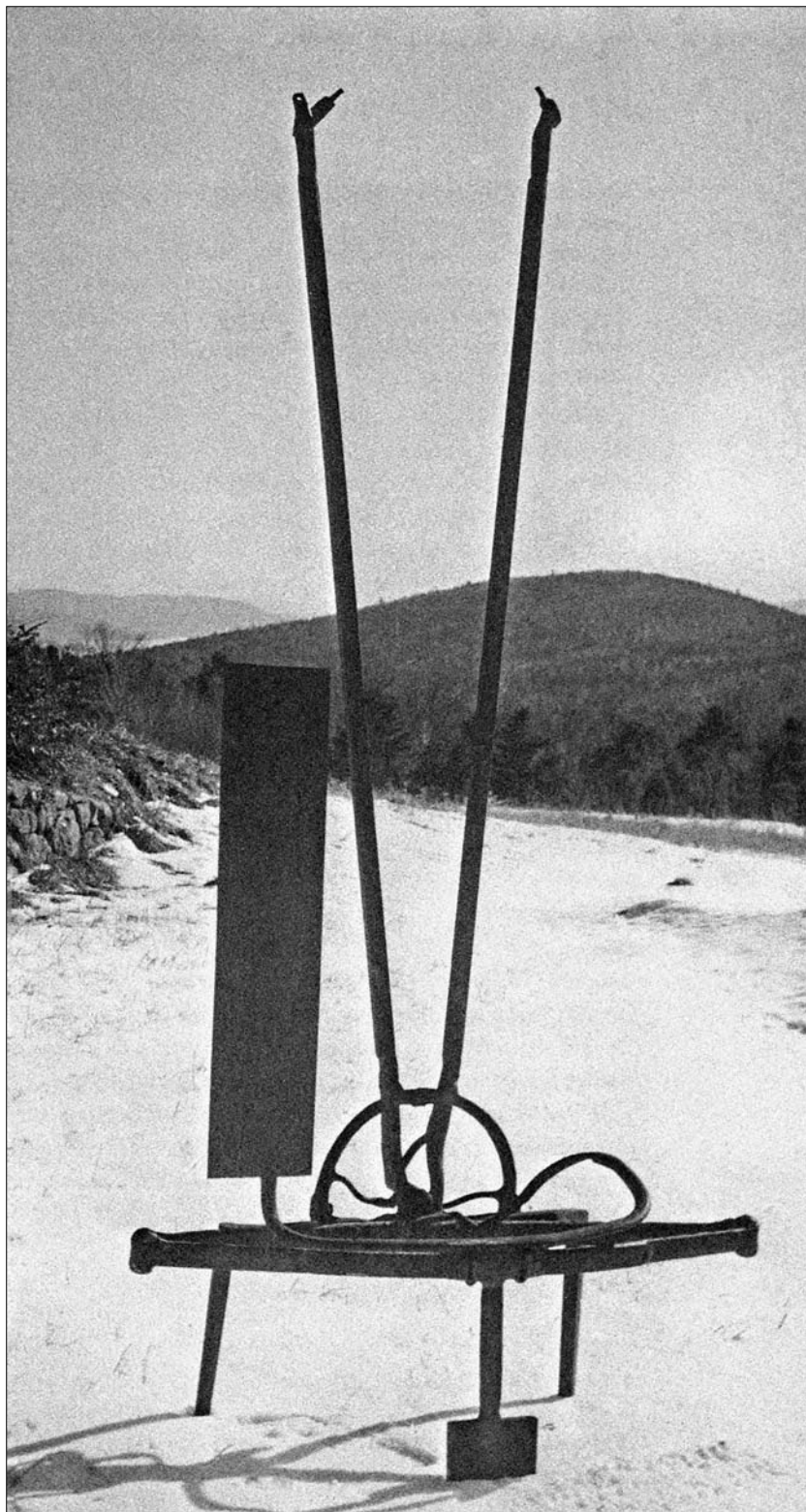
Итак, первое — политическая сфера. Как можно описать происходящее в ней с социологической точки зрения? Если говорить очень коротко, область политического за 2000-е годы была сведена к сфере власти, а власть — к кремлевской власти. Все, что находится или, точнее, было выведено за границы этого процесса, как бы теряется в средствах массовой коммуникации и почти не присутствует в общественном мнении на уровне общества в целом. Общественное мнение формируется сегодня почти исключительно телевидением, прежде всего первых двух каналов, которые, как мы знаем, либо чисто государственные, либо по сути государственные, как бы официально ни объявлялась их принадлежность. Но это слишком общая характеристика того, что произошло. Гораздо важнее другое. Прежде всего это изменения в самопонимании и идентификации массы населения. Какие характеристики за последние годы,

или, как их часто называют, нулевые, стали заметно более значимыми и выступили на первый план? Отмечу два момента. Во-первых, в конструкции коллективной идентичности «мы, россияне» стала главной земля, на которой мы живем, наша территория. И другой важнейшей характеристикой выступает прошлое, отношение к нему. Это две опоры, на которых держится наша коллективная идентичность. В сравнении с тем, что было, скажем, 10–15 лет назад, доля людей, которые ощущают себя советскими людьми, снижается постоянно, и сегодня это характерно лишь для нескольких процентов населения, в большинстве своем сосредоточенного в старших возрастных группах, отодвинутых на социальную и географическую периферию.

Вторая проблемная область – вертикаль власти. Какова бы ни была на этот счет риторика первых лиц государства, а также «говорящих голов», которые их обслуживают, официальных и официозных каналов информации, мы, социологи, наблюдаем не сосредоточение власти, а, напротив, скажем так, ее рассеяние. То есть для последних лет характерно не укрепление власти, а, напротив, все большая потеря управляемости. Это связано как с механизмами передачи властных сигналов, так и с состоянием умов тех, кто принимает решения. Все меньше и меньше в этом процессе и его результатах присутствуют идеи, еще меньше — программы, еще меньше — убедительные стратегии, и все больше — решения *ad hoc*, рассчитанные на короткое время, адаптация к конкретным событиям. При этом принятые решения по мере движения от вершины властной вертикали растворяются среди множества инстанций, чьи действия очень плохо согласуются друг с другом. Можно назвать эту ситуацию нарастанием хаоса, но даже не это сейчас главное. Важнее другое: ситуация неопределенности, судя по всему, весьма удобна для большинства нынешних властных структур и политических деятелей на разных уровнях власти. В известном смысле она хороша и для массы населения, которое может лавировать между различными инстанциями, принимающими решения и осуществляющими власть.

Каковы последствия рассеяния власти и установки на адаптацию? Идет процесс социальной фрагментации, дробления общества. Оно дробится и по вертикали власти, и на уровне горизонтальных отношений, которые все больше сводятся для россиян к связям в ближайшем круге родных людей. Даже не знакомых, не друзей, не коллег, а именно кровных родственников. Это так называемые аскриптивные (приписанные) отношения, которые в принципе не ориентированы на развитие и улучшение, так как предполагают только простое воспроизводство и сохранение статус-кво. Из адаптации логически следует фрагментация. Из фрагментации следует очень высокая роль процессов, связанных с демаркацией своей территории. И на уровне массы, и на уровне власти, и на уровне элит. Можно сказать, что более или менее осмысленные действия, которые предпринимают все в таких обстоятельствах, — обозначение своей территории и защита ее всеми возможными средствами. А это значит (следующий логический шаг), что мы имеем дело с процессом развивающейся изоляции частей, на которые фрагментируется целое. И это не только изоляция

Дэвид Смит. Пять источников. 1956

каждой отдельной части — семейного обихода, данной территории, сельской или городской, но это самоизоляция всей России, изоляция ее от большого мира.

Эти процессы последних лет легко наблюдать по данным наших опросов. Они показывают, в частности, что отношение россиян к Западу и западной культуре, к странам, которые лежат вокруг, к ближайшему зарубежью, к Соединенным Штатам Америки ухудшалось в последние три-четыре года, и сейчас оно худшее за все 20 лет, что мы занимаемся опросами общественного мнения. В принципе, сегодня у России хоть в какой-то мере союзники — Белоруссия и Казахстан (да и то отношения Белоруссии с Россией и массовые оценки этих отношений за последний год заметно ухудшились). Преобладающая часть населения числит среди непримиримых врагов России страны Балтии, Украину, Грузию, США, в меньшей мере, но тоже заметно — Польшу.

С процессом самоизоляции глубоко связана — и это следующий проблемный пункт, который позволит перейти к проблемам культуры, — такая картина мира, которая сложилась и укоренилась на протяжении «нулевых» годов в сознании населения, в сознании элиты, в сознании власти, которую я бы назвал старой поэтической метафорой «зеркало в зеркале». Я последовательно полемизирую с представлением о том, что мы живем сегодня будто бы во втором Советском Союзе. Будто бы наблюдаем эффект дежавю, возвращение советского. Мне кажется, ситуация гораздо сложнее. Советское в этой конструкции не является реальностью, к которой идет отсылка из собственной памяти, из собственного опыта, через обращение к каким-то историческим источникам и так далее. Советское — это очень интересный индуцированный виртуальный объект. Это способ смотреть на себя через специально придуманное мысленное зеркало, которое называется «советское». В нем мы, живущие сегодня, предстаем как бы лучше, чем мы есть на самом деле.

Этим восстанавливается разорванная связь времен. Ведь были, как известно, вполне осмысленные попытки ее разорвать — в конце 80-х — начале 90-х годов. А именно — отказ раннего Ельцина наследовать «советское» — экономическое, политическое, идеологическое, культурное и т.д. Тогда как в 2000-е годы мысленно эта связь времен восстановлена, и «мы» теперь сознаем себя наследниками советского. Поскольку те страхи, тревоги, неудовлетворенность, напряженность, которые в 90-е годы объяснялись потерей связи с советским опытом, как бы компенсированы и через воображаемый объект «советское», воспринимая его зеркальное отражение, мы успокаиваемся. А с другой стороны, через отражение в этом советском устраняются из коллективного сознания и определенные черты уже современной реальности. В частности, то, что связано с ограничением свобод, с чисто выставочным характером демократических институтов, с чрезвычайным упрощением и «уплощением» социальной и политической жизни. Таким образом, связь с, условно говоря, прошлым устанавливается через лицемерие зеркала в зеркале, через двойное отражение, в результате чего мир с самими собой, нынешняя реальность кажется вроде бы лучше, стабильнее, чем она есть на самом деле.

Промежуточный итог моих размышлений: мне представляется, что мы имеем дело в этом случае не с концентрацией политической власти, а, напротив, с рассеянными, слабыми формами политического, когда оно перестает быть мобилизационным и становится чем-то другим. Не случайно многие в России, включая исследователей, не узнают этого нового, непривычного для них политического и предпочитают говорить о деполитизации. Хотя, на мой взгляд, политика есть, и ее даже больше, чем было раньше, но она присутствует, говоря на языке социологической теории, в новых, отличных от классических, формах, предполагающих политическую мобилизацию, социальные движения, наличие политических институтов и т.д., она ушла в другие сферы. Произошло превращение российского социума из сообщества участников, или хотя бы их относительного участия в тех или иных социальных и политических действиях, в общество исключительно зрителей, в лучшем случае, болельщиков, подобных тем, что смотрят спортивные состязания по телевизору. Когда сколь бы ни были велики страсти, возможность их воздействия на ситуацию фактически нулевая. Правда, важно, что они хотя бы объединены неким общим интересом.

Таким образом, с одной стороны, происходит переход общества в стадию зрителей, а с другой стороны, если так можно выразиться, «церемониализация» политической власти. То есть сфера политики все больше становится сферой политического церемониала, поскольку население России отделено от реальной политики, которая, конечно, есть, только она делается за кулисами, и мы о ней ничего не знаем. Не знаем мы, не знают журналисты, которые «сливают» какую-то политическую информацию через «желтую» прессу или официальные телевизионные каналы, но политика, которую нам предъявляют, — это политика политических церемониалов одного типа: лицецерения власти и ритуалов символической солидарности с властью. Отсюда чрезвычайно заинтересованное и ревнивое отношение сегодняшней власти к сфере массовых коммуникаций, прежде всего к телевидению. Власть понимает, насколько она завязана сегодня на телевизор. Ведь от того, как ее показывают по телевизору, зависит в конечном счете, как к ней относится население. Поэтому я считаю, что телевизионная политика сегодня — это политика власти, рассчитанная на то, чтобы превратить людей в общество зрителей, это политика деполитизации масс населения.

Нельзя не заметить, однако, как то здесь, то там возникают протесты по поводу какого-то конкретного действия власти или иного политического лица. Но эти точечные протесты не системны, они никогда не сливаются в некое движение, не обладают лидерами, программами и механизмами повышения своей силы и собственного воспроизводства. Эти действия всегда реактивны и через некоторое время оказываются вытесненными из области чьего бы то ни было внимания.

И последний важный для меня пункт, который развивает предыдущий, — видоизменение форм политического, он связан с производством символических образцов, ценностей, композиций этих ценностей, форм поведения, форм мысли, форм чувства, которые проявля-

ются в культуре. В ситуации, когда официальная политика доминирует, а общество выключено из формирования политической повестки дня, сферы, казалось бы, максимально удаленные от политики, прежде всего сфера частного, повседневного, нагружаются политическим смыслом, и частное становится политическим. Поясню, что имеется в виду.

Есть такая авангардная американка, кинорежиссер Сью Фридрих, которая в одном из своих интервью интересно ответила на вопрос, почему она все время снимает про семью, про личные отношения? Ча-

ще всего это отношения «мать — дочь» или «возлюбленный — возлюбленная», или даже «возлюбленная — возлюбленная», однополюсные отношения, ведь это, мол, всего лишь индивидуальные моменты, лишь personal. Она сказала так: «Personal is political now» — «Сегодня частное — это политическое». То есть отстаивание прав частного в такой ситуации, если говорить о России, когда политика просачивается всюду, не оставляя тебе никакого места, кроме маргинального, исчезающего завтра же, превращает частное в политическое. Или, другими словами, поскольку речь идет о культуре, наше сегодняшнее кино, изобразительное искусство, сегодняшний театр, сегодняшняя литература (я имею в виду поисковое искусство) сосредоточены на проблематике частного как политического. А фоном для этого искусства и его работы с частным являются и доминируют в культуре гламур, глянец, глянецовые журналы, глянецовое телевидение. Поэтому можно говорить, на мой взгляд, об официальной политике как о глянцево-политике.

Чем важно обращение поискового или критического искусства к частному? Что такое частное в этих условиях? Во-первых, и это совершенно понятно, частное выталкивается из сферы рассмотрения как неважное или непристойное. Во-вторых, в условиях, когда россияне все больше определяют себя через ближайший родственный круг, через территорию, на которой они живут, частное выступает тем не менее универсальным, общечеловеческим и даже как бы более чем человеческим, почти природным. Не зря в этом искусстве и в этой культуре так важна тема искаленной природы. Любой: и природы человека, и экологической среды, и животных. Речь в данном случае идет о том всеобщем человеческом, которое составляет «слепое пятно» современной гламурной политики и гламурной культуры. В гламурной политике, а уж тем более в гламурной культуре, у человека не должно быть складок на лице, это исключено, у него не может быть морщин, не может быть складок на одежде, если они не задуманы дизайнером и если это не специальный бренд. Поисковое же искусство и культура предпочитают смотреть на лица, которые с морщинами, на одежды, которые помяты и не отглажены специаль-

Я считаю, что телевизионная политика сегодня — это политика власти, рассчитанная на то, чтобы превратить людей в общество зрителей, это политика деполитизации масс населения

но для нынешнего дня, какими очень хотели бы, кстати, в официальной культуре видеть отечественную историю, — без тех черных, красных и всяких других пятен, которыми она изобилует.

В-третьих: чем важно и чем становится в этих условиях частное. Частное — это не героическое. Героическое советское, «когда героем становится любой» или «в жизни всегда есть место подвигу». Частное же в этом смысле не героично, оно слабое, хрупкое. Из героической культуры хрупкое вытесняется как слабое, тогда как в культуре частного — оберегается, и это возможность для нового объединения и солидарности людей в непривычных для нас формах, в том числе — политических.

И к тому же частное, как уже сказано, в противоположность гламурному выступает как всеобщее, в смысле, человеческое, но не тотальное, оно не претендует на то, чтобы быть всеохватывающим и составляющим некий монолит. Напротив, оно всегда подчеркивает свой фрагментарный характер, не скрывает, а подчеркивает его, и в этом как бы находит новую силу — в своей слабости.

Частное никого не представляет. Люди привыкли относиться к сферам политического как к сферам репрезентативным, где та или иная партия, те или иные лидеры, те или иные институты выступают как представительские по отношению к большим массам населения. Частное же выступает как нерепрезентативное, оно представляет только себя и отстаивает право на самостоятельность, автономию, самодостаточность. И последнее. Частное нельзя церемониализировать, его нельзя повторить, как повторяются парады, салюты и так далее. Его нужно делать здесь и сейчас.

И в заключение. Как социолог, я думаю, если проблематика социального и проблематика политического спустилась на уровень частного и повседневного, то в некотором смысле процесс разложения советского, который составлял, по сути дела, и рамку, и структуру всего послесоветского существования, дошел до дна. Частное и повседневное есть некое своеобразное дно социального и политического. Поэтому я думаю, что в культурном плане, но и в политическом тоже, очень может быть, что (не знаю, какими единицами здесь измеряется время — месяцами, годами, может быть, десятилетиями) мы находимся накануне некоего перехода, очень серьезного изменения, и то, о чем я говорил, есть симптоматика не застоя, а именно возможность перехода или выхода в иное измерение. Будет ли реализована эта возможность, кем, в каких формах — сказать трудно, но аналитические материалы говорят о том, что этот переход логически просматривается. Конечно, мы живем в России, и в этом смысле феномены того или иного перехода у нас — это всегда не столько процесс, сколько состояние. Как российский ремонт, который не приводит к какому-то другому состоянию, он просто идет и идет, мы все время что-то ремонтируем. Это переходное состояние может быть не динамической характеристикой, а наоборот, характеристикой чего-то повторяющегося. Когда состояния накапливаются и появляется возможность выйти из круга повторений. Какие-то намеки на этот счет я и хотел показать.

Исповедание неверия

Милиционер остановил меня, потому что я проехал перекресток на мигающий желтый. Я вез родителей с дачи. Усталый капитан Егоров представился и, взяв мои документы в руки, тут же повеселел: он предвидел отличный улов — тут было не только нарушение, но и просроченный техосмотр. Осознание всей глубины положения, в котором я оказался, настроило его на благодушный лад, а меня превратило в благодарного слушателя. Отличный повод поговорить. Мы и стали говорить, точнее он, заполняя бумажки, взялся рассказать мне о своей системе ценностей.

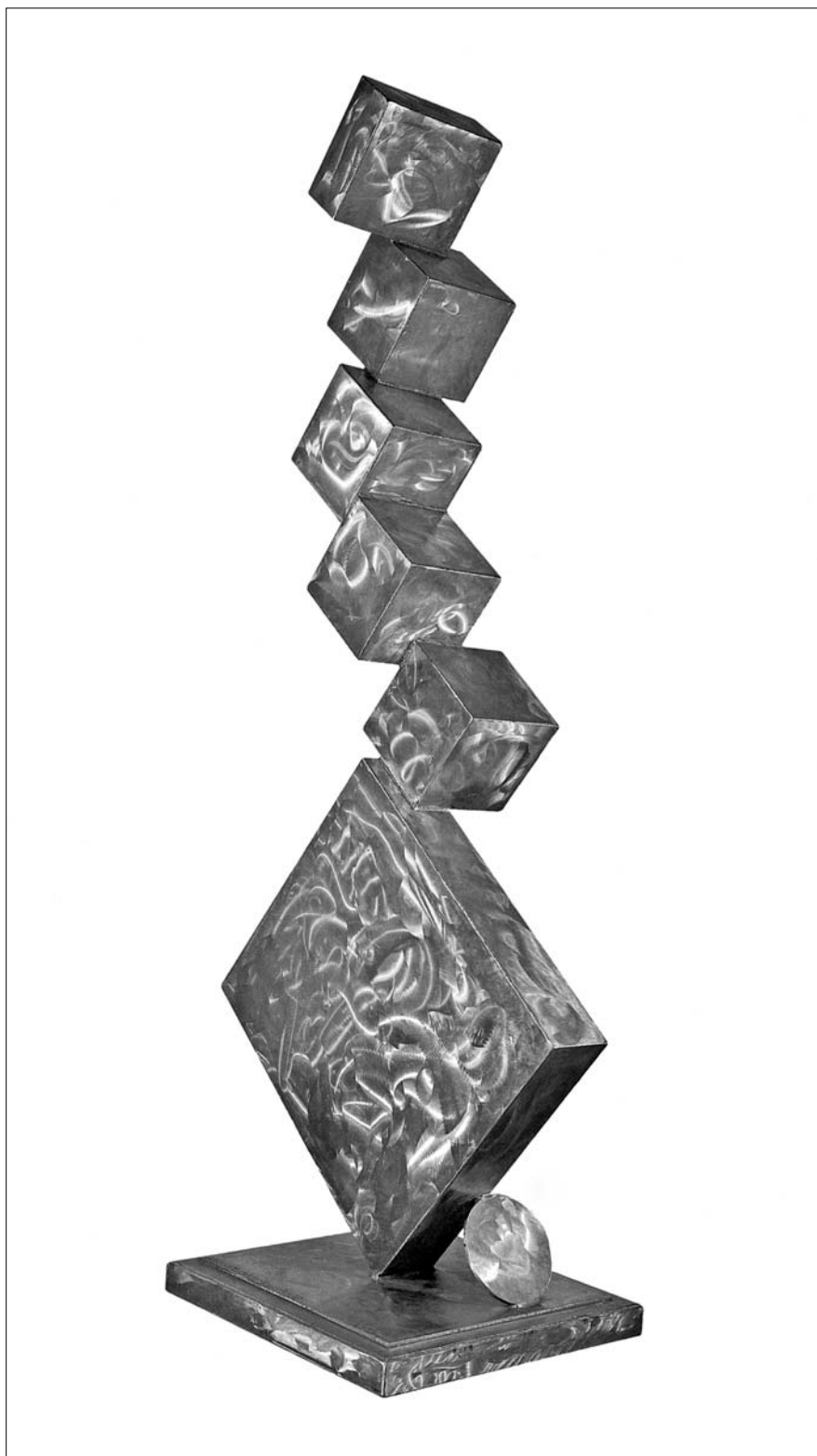
Бодро перечислив кары, которые меня ждут, капитан спросил, кто я по профессии. «Журналисты у нас не в авторитете, честно тебе скажу», — с почти искренней жалостью сообщил он. «Я родителей везу домой с дачи, мама плохо себя чувствует», — сказал я правду. И молодец, что сделал это, — мгновенно заработал очко. Уважение к родителям — редкое качество в стране, которая катится к чертям собачьим, начал объяснять капитан. Он, кажется, вышел на одну из важных для него тем. Рассказал о своих детях, о том, чем отличаются дети богатых и нечестных людей от детей бедных, но честных. Потом он сказал: «Ты ведь под начальством работаешь... Что скажет редактор, то и пишешь, я так понимаю». Я начал было возражать и объяснять ему, как устроена работа редакции в газете «Ведомости». Но он меня не слушал и хорошо, что не слушал.

Милицейский символ веры

Во-первых, он объяснил мне, кто у них «в авторитете». В авторитете у них служаки, которые, как и он, 45-летний трудяга-капитан, зарабатывают «своим горбом» — военные, фээсбешники, милиционеры — только средние, а не высшие чины. Во-

*Максим Трудолобов,
редактор отдела
комментариев
газеты «Ведомости»*

Дэвид Смит. Кубы, № 1. 1963

вторых, он рассказал, почему страна катится к черту. Потому что он и такие как он честные люди работают по приказу нечестных. Не может милиционер остановить нарушителя, который «на номерах и с ксивой». Милиционеру же хуже будет. Не может сотрудник, например, Госнарконтроля пойти и проверить ночной клуб, известный тем, что там свободно продаются наркотики, потому что ему же хуже.

Туда ходят дети «слуг государевых» и родители покрывают своих детей, неблагодарных и распущенных. «А приказ мы должны исполнять и только потом обжаловать, если так уж хочется». Вот, почему ему важно было знать, что я работаю под начальством и уважаю родителей. Другим таким же хорошим и подневольным он всегда поможет, а заработает «своим горбом» на тех, кого не жалко. А не жалко, объяснил капитан, того, кто на хорошей машине, но без ксивы, и не коллега — сотрудник органов. Это защита и оправдание милиционера. Он был очень щедр ко мне — я уехал с правами в кармане и небольшим штрафом. Я ему благодарен, потому что действительно нужно было везти родителей. Конечно, я нарушил правила, а он скостил мне наказание, потому что принял за своего. Ему важно было дать мне урок.

Урок в том, что лучше жить, как он, — без иллюзий и без ответственности. Он просто снимает с себя всякую ответственность за общее дело и работает только на себя и свою семью. Он не может выполнять свою основную функцию — контролировать соблюдение правил, т.е. работать на общее благо (а он осознает, что в идеальном

мире работа на общее благо была бы его функцией — он откуда-то это знает). Он, по сути, защищается — он понимает, что в идеале сотрудник милиции должен наказывать каждого, кто

Чем содержательнее критика, чем лучше анализ, чем точнее сравнение положения у нас с положением в других странах, тем лучше для развития

нарушает закон. Но это невозможно, потому что слишком много тех, кого нельзя наказывать. Из-за них, слуг государевых и их избалованных детей, считает капитан Егоров, правила и не соблюдаются, так что донкихотство тут неуместно и может дорого обойтись: «Могут даже дело повесить». Или еще хуже. Капитан напоследок рассказывает мне легенду или быль о том, что один знакомый ему майор был убит за то, что слишком много узнал о лице, охранять которое был поставлен.

Но есть те, кого можно наказывать и на ком не позорно и не страшно зарабатывать, применяя к ним закон как инструмент давления. Капитан становится строгим законником для тех, кто и не при власти, и не в авторитете, тех, кто и не «на номерах» и не «служит», т.е. находится вне системы. В другой ситуации этим человеком опять могу оказаться я и любой из моих друзей и вообще любой из тех, кто не хочет или не может «встать в строй». А ведь для капитана ГАИ и для многих других служивых людей вплоть до высшего чиновничества это не просто система-иерархия, это еще и система ценностей. И в другие системы они не верят.

Разные конфессии неверия

Капитан Егоров, его коллеги-силовики, которые в идеальном мире должны были бы быть слугами закона, и большинство чиновников слишком хорошо знают, что живут в неидеальном мире. Они не верят в закон как в общее правило, т.е. такое, которое применимо ко всем. Они знают, что закон применяется избирательно и от имени носителей власти, а не в их отношении. Александр Бенкендорф, «силовик» пушкинского времени, в свое время прекрасно сформулировал эту установку. «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться», — заявил граф Антону Дельвигу, имевшему неосторожность упомянуть в разговоре один из российских законов.

А что же те, кто не может пользоваться законом к своей пользе и является идеальным уловом для служивых людей? Они, конечно, тоже не верят в закон как в общее, применимое для всех правило. Это представители другой системы ценностей, являющейся, впрочем, другой формой неверия. Это тоже скептики, только мыслящие более независимо, чем капитан Егоров. Скептик, как правило, человек умный, компетентный в своей области, психически здоровый, только разочарованный, что называется, «в политике». Он все уже видел, он не ждет ничего нового и смеется над попытками разглядеть что-то многообещающее в словах и жестах очередного министра, премьер-министра, президента. Позиция эта вызывает симпатию. Именно такие люди, приходя в гости к моим родителям, рассказывали самые смешные анекдоты и декламировали стишки вроде «хочешь жни, а хочешь

куй...». Это были симпатичные люди с юмором и хорошим образованием. Многие из них перестали быть скептиками на короткое время в конце 1980-х, когда в журналах было что почитать. Позже они ушли в бизнес, занялись прочими делами или уехали за границу.

Похожую траекторию проходили и люди моего и других поколений — только ключевые даты были для них другие. У каждого было какое-то свое событие или цепочка событий, которые заставили его махнуть на все рукой: расстрел парламента в 1993 году, президентские выборы 1996 года, появление бывшего офицера КГБ во главе страны в 1999 году, разгром ЮКОСа, изгнание демократических сил из парламента в 2003 году, откровенная коррумпированность чиновников и т.д.

Скептик делает несколько правильных вещей: не смотрит федеральные телеканалы, не верит политическим комментаторам, громким фразам и обещаниям. Неправ скептик в одном — он или она становится частью безответного большинства, политическая позиция которого такова: я ни на что не могу повлиять, ничего не могу изменить. Даже самый продвинутый скептик становится в один ряд с тем среднестатистическим человеком, который, как мы знаем из опросов, бежит от свободы как черт от ладана.

Эти люди не потеряны безвозвратно. Конечно, они в разное время махнули на свою страну рукой и давно не верят обещаниям. Но они могли бы поверить действиям и отреагировать. Некоторые из публичных действий политической власти, на которые умные скептики могли бы отреагировать, — это, например, освобождение ученых Игоря Сулягина и Валентина Данилова, раскрытие громких нераскрытых

убийств, отказ от силового подавления уличных шествий и демонстраций, отказ от цензуры на телевидении, возвращение выборов на все уровни власти, облегчение визового режима для всех, кто желает приехать в Россию. Это были бы знаковые действия, не влияющие прямо ни на экономику, ни на массовую аудиторию. Но именно такие действия способны вызвать интерес у скептиков и вернуть их к активной позиции в политической жизни. А один образованный, компетентный человек, решивший вернуться (неважно — из-за границы или из внутренней эмиграции), это больше чем тысяча пассивных телезрителей, на которых государство опирается все последние годы.

Носители иллюзий

Но скептики не проснутся сами по себе. У них нет иллюзий, и поэтому они поверят в перемены только тогда, когда перемены уже начнутся. Действовать могут только носители веры, а не неверия — то есть те, кто, понимая, что живет в неидеальном мире, думает, что может когда-нибудь сделать его идеальным.

Так действуют, например, правозащитники. Законники, не верящие в закон, ненавидят правозащитников. Почему-то для законника правозащитник — бранное слово. И в общем понятно, почему: правозащитники хотят одинаковых прав для всех. Законники хотят избирательного применения права для нужных случаев. Есть и другое, более глубокое различие. Законничество — это все-таки обман. Это та самая целесообразность, которая произвольно

ставится над законом. В советское время так называемая социалистическая законность вся в том и состояла — в пользовании законом как инструментом. Правозащитная деятельность, при

Носители разных форм неверия — и чиновники, зарабатывающие на тех, кто вне системы, и те, на ком зарабатывают, — мешают восстановлению экономики

всем донкихотстве, безнадежности, иногда безумии — даже тогда не была обманом, а сейчас, в постсоветское время, — это вполне осмысленная деятельность. Стремление добиться равенства перед законом — ясная миссия. Вот писаное право — извольте исполнять. Но правозащитников не любят скептики — ни те, что у власти, ни те, что вне системы. Этим словом могут даже пользоваться расширительно — обозначая им идеалистов широкого профиля. Помню, как одна хорошая и умная знакомая отозвалась об общем приятеле, написавшем критическую статью: «Как он надоел со своим правозащитным пафосом». А речь шла о критике экономической политики. Подбирала слово и вот подвернулось как раз подходящее.

Недовольство, претензии к правительству, сомнения в правильности политического курса — все эти чувства вызывают недоверие у скептиков, ненависть у силовиков и опасения у российского правительства. И генералы сразу подсказывают правительству, что делать: конечно, заняться комплектованием внутренних войск. Но можно ведь рассуждать иначе. На самом деле чувство недовольства полезно, ведь оно вполне может быть двигателем развития. Разочарование, осоз-

нение отсталости своей страны, даже зависть к тому, как живут другие, — конструктивная и мобилизующая сила. Глубокое осознание необходимости модернизации было свойственно российскому обществу во второй половине 80-х гг. прошлого века, но благотворные иллюзии, вера в то, что можно что-то изменить, и рабочее настроение быстро исчезли.

Если политические лидеры действительно стремятся к модернизации экономики и государства, то они должны поощрять критическую дискуссию в своей стране. По сути — поощрять недовольство положением дел. Чем содержательнее критика, чем лучше анализ, чем точнее сравнение положения у нас с положением в других странах, тем лучше для развития. Верить в необходимость изменений должны не только члены правящего класса, но и те, кому предстоит выполнить всю работу, т.е. активная, работающая часть населения. Именно эта часть населения должна быть в курсе истинного положения дел. Если полной информацией обладает только верхушка, у представителей элиты есть стимулы только к имитации действий. В ситуации информационной асимметрии («мы все знаем лучше, чем они там внизу») начальники занимаются не модернизацией, а дорогими «модернизационными» государственными проектами, на которых сами и зарабатывают. Если же трезвое понимание глубины кризиса будет и у активных граждан, а действия властей будут прозрачными, люди не дадут разворовать деньги. Они будут лучше (а не хуже) работать, поскольку будут осознавать свою ответственность за положение в стране. Большинству из нас некуда бежать, так что у каждого есть стимул добиваться того, чтобы жить было комфортнее. Итак, трезвое понимание, кто мы и в какой стране

живем, может быть мобилизующим фактором.

Но власти об этом, наверное, не знают. Не догадываясь об огромном созидательном потенциале народного недовольства, власти недовольства боятся. Почему это так, понять сложно. Вместо того чтобы будить в людях здоровое желание изменить положение к лучшему, они показывают по телевизору безумцев, способных все только запутать. Дополняется это чудовищными «юмористическими» передачами и беспощадной «эстрадой», какой нет нигде в мире. Еще одно социальное лекарство — алкоголь бесплатно пока не поставляется, но доступность его всячески поддерживается. Недавние заявления президента о борьбе с алкоголизмом можно рассматривать как индикатор. Скорее всего, ничего за ними не последует, но если последует хоть что-то — значит намерения действовать есть. Алкоголь — средство ухода от осознанности, позволяющее жить в полусне. Но в полусне можно жить, только когда экономика растет сама и работать не приходится.

Нынешний экономический спад в России, один из самых глубоких в мире — следствие не кризиса мировой экономики, а собственного неверия в возможность развития. Гражданская вера, т.е. вера в возможность превращения сегодняшнего «неидеального» мира в «идеальный» — самый главный источник экономического роста. Все остальные являются производными от него. Носители разных форм неверия — и чиновники, зарабатывающие на тех, кто вне системы, и те, на ком зарабатывают, — мешают восстановлению экономики. Помогают ему те, у кого еще есть благотворные иллюзии, вера в то, что можно что-то изменить, и рабочее настроение.

Наука и инновационная деятельность

Очевидно, что в современном мире влияние науки на все сферы человеческой жизни чрезвычайно велико. Это касается быта, производства, экономики, политики, идеологии. Последнее столетие можно назвать «золотым веком технических наук», поскольку именно технические достижения коренным образом изменили жизнь людей и цивилизации в целом. В то же время перед человечеством сегодня стоят серьезные проблемы: глобальный экологический кризис, отчуждение человека от природы, дегуманизация общества. Появляется насущная необходимость пересмотра основ мировоззрения, понимания своего места в природе, своей цивилизационной парадигмы.

Что такое наука? Можно предложить следующее обобщение различных энциклопедических определений, исключив лишние слова, требующие дополнительного разъяснения.

Наука — это человеческая деятельность, направленная на производство новых знаний, систематизацию фактов, обобщение накопленных знаний, фактов и самих теоретических умопостроений.

Непосредственные цели науки — объяснение, описание и предсказание явлений и фактов на основе подходящего для этих целей языка (а также разработка новых языков, категорий, образов, представлений).

Средствами достижения этих целей являются методы научно-исследовательской работы, научные учреждения с экспериментальным и лабораторным оборудованием, информационные системы и средства коммуникации между исследователями, а также сумма знаний в различных областях человеческой деятельности и, конечно, духовная практика проведения научно-исследовательской работы.

Фундаментальная наука — весьма специфический вид деятельности. Рассуждая о науке, полезно обратиться к мыслям классиков естествознания. Уместно, в частности, вспомнить высказывание А. Эйнштейна о фундаментальной науке: «Как и Шопенгауэр, я прежде всего думаю, что одно из наиболее

*Антон Балдин,
доктор физико-
математических наук,
директор Института
перспективных исследований
Университета «Дубна»*

сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личного бытия вовне, в мир объективного видения и понимания».

Американский физик Е. Вигнер (1902–1995) в своих «Этюдах о симметрии» в свою очередь прекрасно сформулировал представления о законах природы и их осмыслении человеком: «Мир очень сложен, и человеческий разум явно не в состоянии полностью постичь его. Именно поэтому человек придумал искусственный прием — в сложной природе мира винить то, что принято называть случайным, — и таким образом смог выделить область, которую можно описать с помощью простых закономерностей. Сложности получили название начальных условий, а то, что абстрагировано от случайного, — законов природы. Каким бы искусственным ни казалось подобное разбиение структуры мира при самом беспристрастном подходе и даже вопреки тому, что возможность его осуществления имеет свои пределы, лежащая в основе такого разбиения абстракция принадлежит к числу наиболее плодотворных идей, выдвинутых человеческим разумом. Именно она позволила создать естественные науки».

Выдающийся французский физик и математик А. Пуанкаре (1854–1912) так сформулировал роль гипотезы в научной деятельности: «Без обобщения невозможно и предвидение. Условия произведенного опыта никогда не повторяются в точности. Наблюденный факт никогда не начнется сначала; единственное, что можно утверждать, — это что при аналогичных условиях произойдет аналогичное явление. Поэтому, чтобы предвидеть, надо по крайней мере опираться на аналогию, т.е. обобщать. ...Благодаря обобщению каждый наблюдаемый факт позволяет нам предвидеть множество других; однако не следует забывать, что из них только один первый достоверен, а все другие только вероятны. Как бы прочно обоснованными ни казалось нам наше предвидение, все же мы никогда не имеем абсолютной уверенности в том, что оно не будет опровергнуто опытом, предпринятым в целях его проверки. Однако вероятность часто бывает достаточно велика, чтобы практически мы могли ею удовлетвориться. Лучше предвидеть без абсолютной уверенности, чем не предвидеть вовсе».

И далее: «Всякое обобщение есть гипотеза. Поэтому гипотезе принадлежит необходимая, никем никогда не оспаривавшаяся роль. Она должна лишь как можно скорее подвергнуться и как можно чаще подвергаться проверке. Если она этого испытания не выдерживает, то, само собой разумеется, ее следует отбросить без всяких сожалений».

По словам американского социолога Дж. Плата, «...во всех областях и во всех лабораториях нам нужно стараться формулировать множественные альтернативные гипотезы, достаточно четко выраженные для того, чтобы их можно было опровергнуть. Когда “теория” ничего не исключает, — это вовсе не теория. Она предсказывает все, и поэтому не предсказывает ничего, тем самым превращается просто в словесную формулу... Это не наука, а вера, не теория, а теология».

Здесь следует подчеркнуть важную мысль К.Р. Поппера (1902–1994): «Каждая эмпирическая научная система должна содержать в себе возможность быть опровергнутой на основе эксперимента». Это принципиальное соображение полезно для определения различий научного и теологического (религиозного) подходов к рассмотрению проблем.

Отмечу, что я не являюсь сторонником идеи о возможности построения единой теории всех явлений окружающего мира, а также установления «объективных» законов, не зависящих от человека. Более того,

для описания и предсказания явления может быть использован, например, язык математики, дающий одинаковый результат, полученный на основе различных (противоречащих друг другу) начальных гипотез об описываемом явлении. С другой стороны, одна и та же математическая закономерность может быть пригодна для описания совершенно разных явлений и объектов.

Очевидно, что научный вид деятельности возможен только в высокоразвитом обществе, осознающем себя в качестве носителя культуры, включая научную составляющую. Ошибочно требовать только от науки решения экономических, социальных или иных задач, стоящих перед обществом.

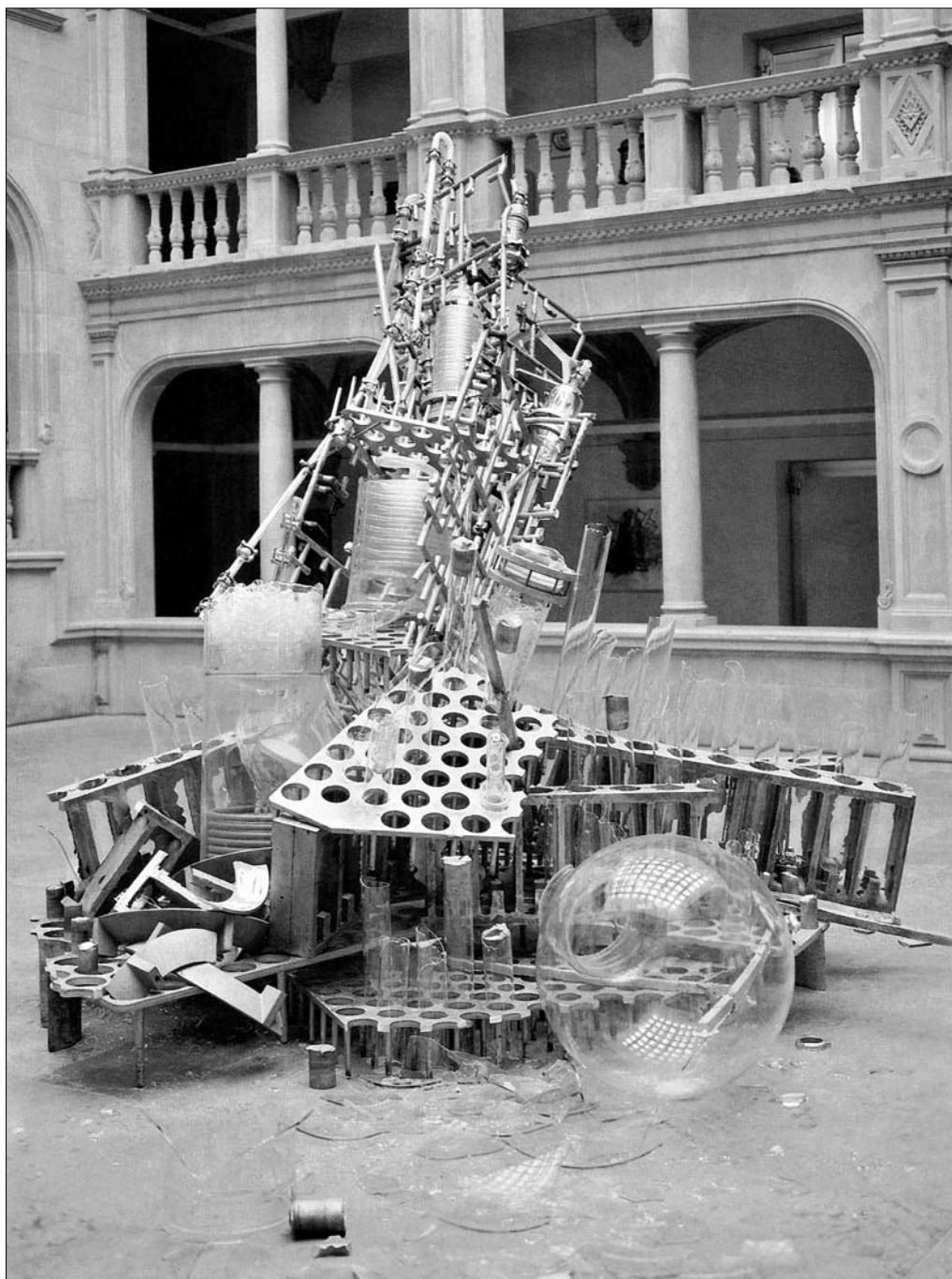
Ученых, занимающихся фундаментальными исследованиями, у нас в стране не так уж и много. Речь идет об исследователях, которые изучают новые явления, формулируют новые идеи. Эту малочисленную в масштабах страны группу представляют преимущественно индивидуумы и немногочисленные научные школы, которые в силу специфики своей работы и психической организации не приспособлены к созданию, например, промышленных объектов. Польза, которую можно и нужно от них получить, — это честные экспертные оценки, полезные советы и предостережения. Академик А. Прохоров (1916–2002) сравнил фундаментальную науку со скаковой лошастью: «Допустим, у вас есть скаковая лошадь, рекордсменка. Так вот, для того чтобы оправдать ее существование и кормить ее овсом, вы начинаете использовать ее для извоза. Через короткое время вы увидите, что ваша лошадь уже не может принимать участие в скачках...».

Фундаментальная наука является необходимой составной частью культуры в широком смысле этого слова, включая техническую, инженерную, производственно-технологическую, мировоззренческую и т.д. Трансляция культурных ценностей от поколения к поколению невозможна путем формальной передачи информации. Необходима духовная практика общения ученика и учителя.

Поэтому столь важны проектные формы образования, когда наряду с духовным взаимодействием ученика и учителя сам ученик проходит путь открытия и проверки закономерностей самостоятельно, пре-

*Научный вид деятельности возможен
только в высокоразвитом обществе,
осознающем себя в качестве носителя
культуры, включая научную составляющую*

Олаф Метцель. Лабораторные испытания. 1990

одолевая все сомнения и трудности научно-исследовательского поиска.

Разделение науки на фундаментальную и прикладную весьма условно, а зачастую просто невозможно. Условно можно определить фундаментальные и прикладные исследования следующим образом:

- Фундаментальные исследования — это исследования, направленные на выявление и изучение общих свойств, присущих качественно отличающимся объектам (явлениям), с целью создания общих моделей (теорий), являющихся, в свою очередь, базисом для создания научной картины мира.
- Прикладные исследования направлены на изучение характеристик (параметров) объекта (явления) с целью их эффективного практического использования.

В последнее время появилось некоторое количество терминов, смысл которых плохо определен. Это прежде всего инновация, технопарк, бизнес-инкубатор, центр трансферта технологий (ЦТТ), особая экономическая зона (ОЭЗ), венчур — слова-заклинания, которые неустанно повторяют некоторые именитые ученые, государственные чиновники и реформаторы-коммерциализаторы. Попробуем дать определение некоторых понятий.

Технопарк — специальная территория, отведенная для научно-исследовательских, производственных и учебных организаций, объединенных общим профилем деятельности с соответствующей инженерной, транспортной, социальной и жилой инфраструктурой и льготными арендными условиями.

Бизнес-инкубатор — весьма неопределенное понятие. Это структура для «выращивания новых компаний». Задача — создание благоприятных условий для старта молодых фирм, прежде всего малого и среднего бизнеса, путем предоставления консультационной, организационной, технической и финансовой поддержки.

Инновация: 1. Что-либо новое (нововведение); 2. Что-либо новое, что можно продать (имеющее платежеспособный спрос).

Инновация во втором ее значении (общепринятом на Западе) — это новые технологии, продукт, процесс, которые можно тиражировать и продавать, имеет иной горизонт планирования, чем фундаментальная наука и образование.

Вспомним ключевую рыночную формулу «спрос определяет предложение». В современном постиндустриальном обществе эта формула практически не работает. Информация овладела всеми сферами жизни индивида, вторгается в его внутренний мир посредством манипулятивных технологий (нейролингвистическое программирование и т.п.). Компании-гиганты игнорируют прежние рыночные принципы и руководствуются плановой системой, чтобы формировать спрос, а не следовать за ним. Планирование становится все более необходимым для эффективного функционирования техноструктур, для инноваций, для дальнейшего прогнозирования выпуска товаров, не говоря уже о долгосрочном планировании научных исследований. В любом сообществе оба эти типа взаимоотношений (плановый и рыночный)

представлены в определенных пропорциях, соответствующих данному общественному устройству с учетом конкретного рода деятельности.

Рассмотрим принцип взаимодействия государства с наукой на примере Японии. Одна и та же физическая установка, например циклотрон, используется в этой стране для проведения и фундаментальных, и коммерческих исследований, но эти исследования строятся на принципиально различных экономических взаимоотношениях с государством. Тем, кто проводит фундаментальные исследования, запрещено их внедрение и коммерциализация. Более того, ученые могут покупать оборудование и материалы для своих исследований в других странах только в том случае, если они не производятся на родине. Однажды мои российские коллеги, работающие в Японии, предложили купить для исследований значительно более дешевое, чем японское, российское (в 10 раз) или американское (в 3 раза) оборудование. Ответ: «Нельзя. Государство выделит столько денег, сколько надо на проведение этих исследований, и покупать в других странах можно только то, что не производится в Японии». Логика проста — государство эффективно развивает свои современные технологии, а наука дает лишь ориентиры. Такое впечатление, что любое научное исследование, проведенное в Японии, существенно дороже, чем в других странах и тем более в России, но это **их собственное исследование** и средства «крутятся» внутри страны, развивая и науку, и производство необходимого оборудования.

Допустим, государство выделило средства на деятельность научно-коммерческой структуры в России. Пусть опыт удался, и структура произвела опытный образец. По большому счету деятельность ученых на этом закончилась (так, кстати, было и с созданием ядерного оружия). Очевидно, что этот образец будет бессмысленно дорогим для массовой продажи. Коммерческая выгода может возникнуть лишь в результате совершенствования и удешевления технологий производства, но эта важнейшая составляющая человеческой деятельности, требующая и изобретательности, и знаний, не есть задача фундаментальной науки.

Когда Р. Уилсон (1936), знаменитый американский физик, докладывал в конгрессе США о проекте строительства самого крупного по тем временам ускорителя элементарных частиц, один конгрессмен спросил: «А какая экономическая выгода будет для США от этого проекта?» Уилсон ответил, что просит деньги не для того, чтобы их экономить, а для того, чтобы их тратить. Конгресс проголосовал «за». В рассуждениях о науке и инновационной деятельности, ее взаимосвязи с другими институтами общества наука, как правило, рассматривается прежде всего в качестве источника новых знаний и технологий, но важно и то, что именно наука — потребитель высокотехнологичной и наукоемкой продукции в виде научного оборудования и аппаратуры. Чтобы не быть голословными, рассмотрим некоторые любопытные цифры. По данным на 2002 год, экспорт научного оборудования из США составил 31,1 млрд долларов, то есть половину мирового (еще 30% — доля ЕС и Японии). Таким образом, междуна-

родный рынок научного оборудования превышает 60 млрд долларов. Следует иметь в виду, что здесь речь идет о поставках на внешний рынок. Внутренний рынок научного оборудования США наверняка не меньше, если исходить из затрат примерно 350 млрд долл. в год на исследования и разработки. Похожая пропорция и в странах ЕС и Японии. Чтобы оценить масштабы рынка научного оборудования, сравним его с экспортом вооружений: «В 2004 году США поставили своим иностранным партнерам оружия и военного снаряжения на сумму 18,6 млрд долл.; 53,4% от общемировых продаж»

*Подлинное научное творчество
невозможно без дорогостоящего
технического оснащения, которое
в ряде областей требует целенаправленной
государственной поддержки*

(8 сентября 2005, *Washington ProFile*). Таким образом, мировая торговля научным оборудованием как минимум более чем в полтора раза превосходит рынок вооружений!

Один из важнейших критериев оценки значимости того или иного научного направления, используемый при разработке стратегий развития фундаментальных исследований в США, — насколько заказы научного оборудования для данного научного исследования влияют на модернизацию и развитие фирм, производящих это научное оборудование. Современное производство и иные сферы деятельности не могут развиваться без решения сверхзадач, в то время как сами они не всегда способны такие сверхзадачи ставить. Например, банковский сектор экономики никогда не поставил бы задачу создания компьютерной техники, которую он в настоящее время использует.

Есть ряд основополагающих критериев, по которым можно оценивать деятельность научной структуры, занимающейся фундаментальными исследованиями. Во-первых, результат, приоритет которого признан и закреплён за исследователями этой структуры. Во-вторых, создание экспериментальной базы и условий, в которых такой результат может быть получен. В-третьих, подготовка кадров высшей квалификации, которая признается в мире. При этом понятно, что подлинное научное творчество невозможно без дорогостоящего технического оснащения, которое в ряде областей требует целенаправленной государственной поддержки.

Сейчас в стране продолжает обсуждаться и одновременно внедряется в жизнь реформа образования и науки. Поделюсь в этой связи некоторыми результатами опроса участников круглого стола, прошедшего несколько лет назад в Дубне, а также своими соображениями, основанными на личном опыте и приобретенными в результате дискуссий в рунете и других СМИ.

В ходе круглого стола участникам было предложено ответить на ряд вопросов об их отношении к происходящим и планируемым реформам науки и образования, например: нужна ли реформа школьного и

высшего образования в России? нужна ли России наука и какая? и ряд других. Свои ответы представили не только участники круглого стола, а также те, кто не смог принять в нем участие, но обеспокоен проблемами образования и науки в России.

Мы разделили респондентов на три возрастные группы: до 30 лет, от 30 до 55 и старше 55 лет с целью выявления различий в восприятии проблем науки и образования.

Прежде всего отмечу, что наибольшую информированность и заинтересованность в обсуждаемых вопросах проявило среднее поколение. Оно высказало наиболее категоричное отрицание предлагаемых реформ. Главный аргумент — «нынешние реформы являются частью общего стремления государственных чиновников снять с себя любые социальные обязательства». При этом среди ответов была четко сформулирована важная мысль о том, что фундаментальная наука и образование есть составляющая часть культуры общества.

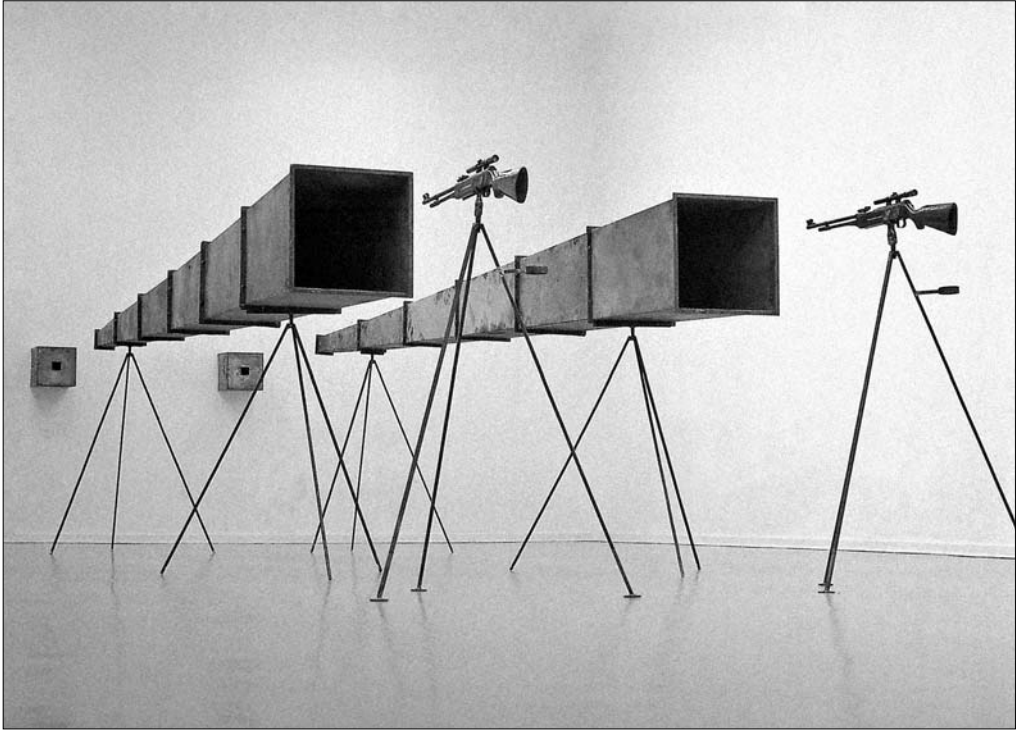
Молодое поколение в большей степени озабочено вопросами платности и недоступности качественного образования, а также взяточничества и блага. Большинство же представителей старшего поколения высказалось за крайне осторожные преобразования в области школьного и высшего образования. Примечательно также, что в их ответах был обозначен тот факт, что фундаментальная наука сегодня в России не востребована.

Одной из целей круглого стола было услышать какие-нибудь позитивные предложения. Наиболее отчетливо высказал по этому поводу свою точку зрения профессор В.А. Никитин: «Возрождение физико-математических школ в Дубне. Возрождение общества “Знание”».

Здесь уместно привести ответы на вопрос «Что следует предпринять гражданам России, которым безразличны вопросы реформирования образования и науки?». Приведу ответы в порядке их частоты: «Не молчать. Объединяться. Создавать гражданские объединения. Как можно громче протестовать и отстаивать свои интересы. Больше уделять внимания воспитанию детей. Активно участвовать в обсуждениях, конференциях, форумах, посвященных теме реформирования образования и науки. Добиваться открытого обсуждения и выработки прозрачных, контролируемых механизмов проведения реформ. Срочно поднять социальный статус педагога, ученого, образованного и порядочного гражданина...».

Всякая реформа должна проводиться в соответствии с интересами и потребностями людей (даже если это жертвы реформы). Когда особую роль играют такие «пустяки», как человеческие привычки и общие умонастроения. Это следует отметить потому, что реформаторы-теоретики игнорируют именно силу привычек основных участников реформ. Возможно ли быстрое внедрение «рыночных отношений» для множества людей, у которых не развиты (или подавлены) такие привычки и умонастроения как расчетливость, способность к конкурентной борьбе, стремление к независимости и т.п.? Являются ли такие качества врожденными, как это иногда пытаются представить?

Известно, что многие наши ученые, попадая в западные научные центры, быстро адаптируются и способны воспринять и эффективно ис-

Фрмиц Хайстеркамп. Тир. 1989

пользовать те блага организационных структур, которые там созданы. Однако далеко не всякий способен создавать такие структуры или хотя бы применять приобретенный опыт и усвоенные привычки у себя на родине. Знать, понимать, предложить пути и методы реализации зарубежных практик организации науки и образования и, наконец, практически реализовать намеченное — различные задачи, требующие различных подходов к их решению, и лидеров, обладающих определенным набором качеств. Прежде всего следует понять, как структурируются в группы научных исследователей ученые естественным путем и как их структурируют власти предрержащие от науки на основе своего понимания и своих интересов. Известно, что мясник классифицирует части животного иначе, чем ученый анатом. Те, кто имеет хоть отдаленное отношение к науке, прекрасно знают, что научная идея появляется на свет часто без особого шума. После ее зарождения мало кто может предположить, что из нее вырастет и какое влияние она окажет.

Одна из наиболее успешных научных структур в Европе — Общество Макса Планка, которое объединяет множество научно-исследовательских центров Германии. По мнению профессора Г. Йекле, секрет ее успеха в следовании нескольким базовым принципам. Прежде всего это поддержка лучших научных умов и привлечение талантливой молодежи. В институтах Макса Планка организуются школы молодых ученых по разным направлениям, в которых ежегодно принимают участие бо-

лее тысячи человек из разных стран. Практически все институты расположены рядом с крупными университетами. Многие институтские профессора преподают в университетах, а студенты и аспиранты выполняют свои дипломные и диссертационные исследования в лабораториях институтов. Правда, защищают свои магистерские и докторские диссертации они все же в университетах, поскольку Общество Макса Планка не наделено правом присуждать ученые степени.

Второй принцип — гибкая политика в выборе перспективных научных направлений. Она включает поддержку инновационных тем, еще недостаточно разработанных, чтобы войти в университетские научные планы, а также развитие междисциплинарных исследований, то есть тех, что ведутся на стыках наук. Институтам выделяется ровно столько денег, сколько нужно для обеспечения лабораторий всем необходимым. В тех случаях, когда требуется особо дорогостоящее оборудование, к сотрудничеству привлекают другие научные центры. Еще один важный принцип — постоянный контроль качества и эффективности исследований. Каждые шесть лет проводится сравнительная оценка работы научных групп с обязательным привлечением зарубежных ученых в качестве экспертов. Кстати, исследователи из других стран участвуют в работе институтов Макса Планка на самых разных уровнях. Среди научных сотрудников иностранных граждане составляют 26% (в том числе среди руководителей отделений — 27%), а среди аспирантов 40%.

Задача институтов, входящих в Общество Макса Планка, — фундаментальные исследования. Однако в ходе работы нередко возникают «побочные продукты», имеющие прикладное значение. Так, например, с 1999 по 2004 год Общество Макса Планка получило 96,5 млн евро дохода от продажи патентов.

Разумеется, нам не следует ожидать развития науки, образования и инновационной деятельности путем прямого копирования чужого опыта, принятия формальных решений и программ. «Наука сегодня, — провозгласил президент США Барак Обама, выступая 27 апреля этого года на ежегодном собрании американской Национальной академии наук, — больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения окружающей среды и нашего качества жизни». Эти слова в полной мере относятся и к нашей стране, учитывая, что Россия в настоящее время, ввиду почти полного отсутствия контактов между независимой мыслящей частью общества и властью, «пытается строить не креативное, а потребительское общество, опираясь на наиболее отсталые в политическом отношении слои и используя бешеную активность корыстной бюрократии»*. Следовательно, нужны консолидированные действия научной элиты, экспертного сообщества, гражданских институтов и государственных структур, включая парламентские механизмы, для объединения усилий, осознавая, что реальные плодотворные дела нам придется делать самим.

---

* Анатолий Вершик. Речь Обамы носит революционный характер. // Троицкий вариант (совместно с scientific.ru), № 10, 26 мая 2009 — С. 2.

После капитализма*

Начинающийся переходный период будет разрушительным, но может изменить мир так, что рынки в нем станут слугами, а не господами.

*Джеф Малган,
директор Фонда Янга
(Великобритания)*

В этом эссе я рассматриваю то, что может стать с капитализмом после кризиса. Я не предсказываю ни возрождения, ни коллапса. Вместо этого предлагаю провести аналогию с другими системами, которые когда-то выглядели такими же неизменными. В первые десятилетия XIX века казалось, что европейские монархии пережили революционеров, чьи мечты были похоронены в грязи Ватерлоо. Монархи и императоры доминировали на мировой арене и доказали свое невероятное умение адаптироваться. Как и адвокаты капитализма сегодня, их тогдашние сторонники могли убедительно доказывать, что сущность монархий основывается на естественных законах. Тогда естественным законом была иерархия, сегодня — индивидуальная алчность. Тогда экспериментировали с массовой демократией и доказали ее несостоятельность, сегодня — с социализмом, который в том же свете рассматривается как провалившийся эксперимент, проведенный с благими намерениями, но против естественной природы человека.

Я не думаю, что капитализм исчезнет, как не исчезли и войны. Сложные, взаимосвязанные рыночные экономики продолжают производить прибавочный продукт с помощью непрерывного потока новых научных знаний. Но так же, как монархия отошла с центра сцены на периферию, так и капитализм не будет больше доминировать в обществе и культуре в той степени, как сейчас. Короче говоря, капитализм может стать слугой, а не хозяином, а кризис может ускорить происходящие изменения. Промышленные экономические депрессии были жесткими, но они вбрасывали в мейнстрим бывшие ранее мар-

Geoff Mulgan. After Capitalism. // Prospect, 2009, April. — P. 32–38. Статья публикуется с небольшими сокращениями.

гинальными идеи, ускоряя их движение по трем стадиям, описанным Шопенгауэром для всех истин: сначала над ними смеются, потом с ними рьяно борются, а потом считают их самоочевидными.

Для того чтобы понять, во что может превратиться капитализм, мы должны понять, что он собой представляет. Это не так просто. Капитализм подразумевает рыночную экономику, но многие рыночные экономики некапиталистические. Его составной частью является торговля, но торговля появилась задолго до возникновения капитализма. Он характеризуется наличием капитала, но и египетские фараоны, и фашистские диктаторы распоряжались прибавочным продуктом.

Наверное, лучший образ капитализма предложил французский историк Фернан Бродель, когда представил его как ряд слоев повседневной рыночной экономики, где торгуют «луком и лесом, прокладывают водопровод, занимаются кулинарией». Эти слои, местные, региональные, национальные и глобальные, характеризуются чрезвычайной абстракцией, а на самой верхушке их находятся бестелесные финансы, стремящиеся повсюду к прибыли, независимо от конкретного места или отрасли, превращая в товар все и везде. Капитализм стал «измом», когда энергичные банкиры и торговцы Генуи и Венеции, Лондона и Брюгге объединились с изобретательным производством и создали мир, в котором владельцы абстрактного капитала стали играть центральную роль, вытеснив других претендентов, таких как воины и ученые, бюрократы и производители товаров.

По дороге к современному капитализму с его хедж-фондами и деривативами существовали и существуют менее явные формы капитализма. Они

включают тесные альянсы с государством (40% инвестиций в Силиконовой долине были государственными), управление крупными финансово-промышленными группами (как в Южной Корее), странные гибриды меркантилистско-коммунистического капитализма в Китае и капитализм под руководством магнатов в Юго-Восточной Азии. Были и есть разбойничий капитализм свободных рынков, как в США в XIX веке, и высоко-социальный капитализм в Швейцарии XX века.

Но, как и предрекал Карл Маркс, капитализм экспансивен: в XIX веке капиталисты покупали политиков, коллекции произведений искусства, земли и университеты с одинаковым наслаждением. Современный капитализм на «ты» с корпоративным спонсорством, бриллиантовыми черепами и произведениями старых мастеров, а также с компьютерными программами и путешествиями в космос. Капиталистические методы нашли применение в здравоохранении, управлении земельной собственностью и в благотворительности (хотя «филантрокапитализм» определяется как идея, когда богатые могут спасти мир, но не в состоянии одолеть кризис). Все может быть превращено в товар, покупаться и продаваться — от секса до искусства и религии, и разве в этом капитализм не был изобретательным? Даже изменение климата стало мощным источником обогащения для капитализма: налогоплательщики субсидируют новые научно-технические исследования, правительство идет на поддержку угольного рынка, что открывает трейдерам, брокерам и инвесторам еще один путь обогащения.

У капитализма сложные отношения с политикой: иногда политика ограничивает и контролирует его, а иногда капитализм пытается доминировать в ней. Как консервативная, так и лейбо-

ристкая партия в Великобритании в значительной степени зависимы от пожертвований со стороны хедж-фондов. Финансисты Сити внесли залог за лейбористов и те обратились к ним с просьбой, чтобы ряд банкиров возглавили комиссии, в которых решаются вопросы далекие от их компетенции, например реформа государственного здравоохранения и социального обеспечения. Борис Джонсон, став мэром Лондона, отдал комиссию мэрии по занятости и трудоустройству человеку, который ранее возглавлял хедж-фонд. То же самое можно увидеть и в США, где обе партии имеют запутанные связи с Уолл-стрит, что стало одной из причин их трудностей с ответными мерами на кризис, которые противоречили их представлениям. (Первые шаги Обамы иногда кажутся менее уверенными и менее радикальными, чем у Рузвельта, частично потому, что Ф.Д. Рузвельт в Великую депрессию использовал сравнительно больше независимых советников, Обама же предпочел инсайдеров, таких как Ларри Саммерс и Тим Гайтнер.)

Экспансивный и творческий характер капитализма позволил и участникам давосских форумов, и их радикальным критикам сделать предположение о том, что крупный капитализм неизбежно станет еще сильнее, теснее сплетаясь с политикой и культурой. В то время, когда семилетние дети зарабатывали комиссионные на продаже кукол Барби своим друзьям, такой взгляд казался убедительным. Во всем, начиная от медикаментов, способных изменять сознание, до компьютерных игр и экстремальных видов спорта, капитализм, казалось, отвечал самым сокровенным желанием человека, в прошлом это удавалось делать только религии.

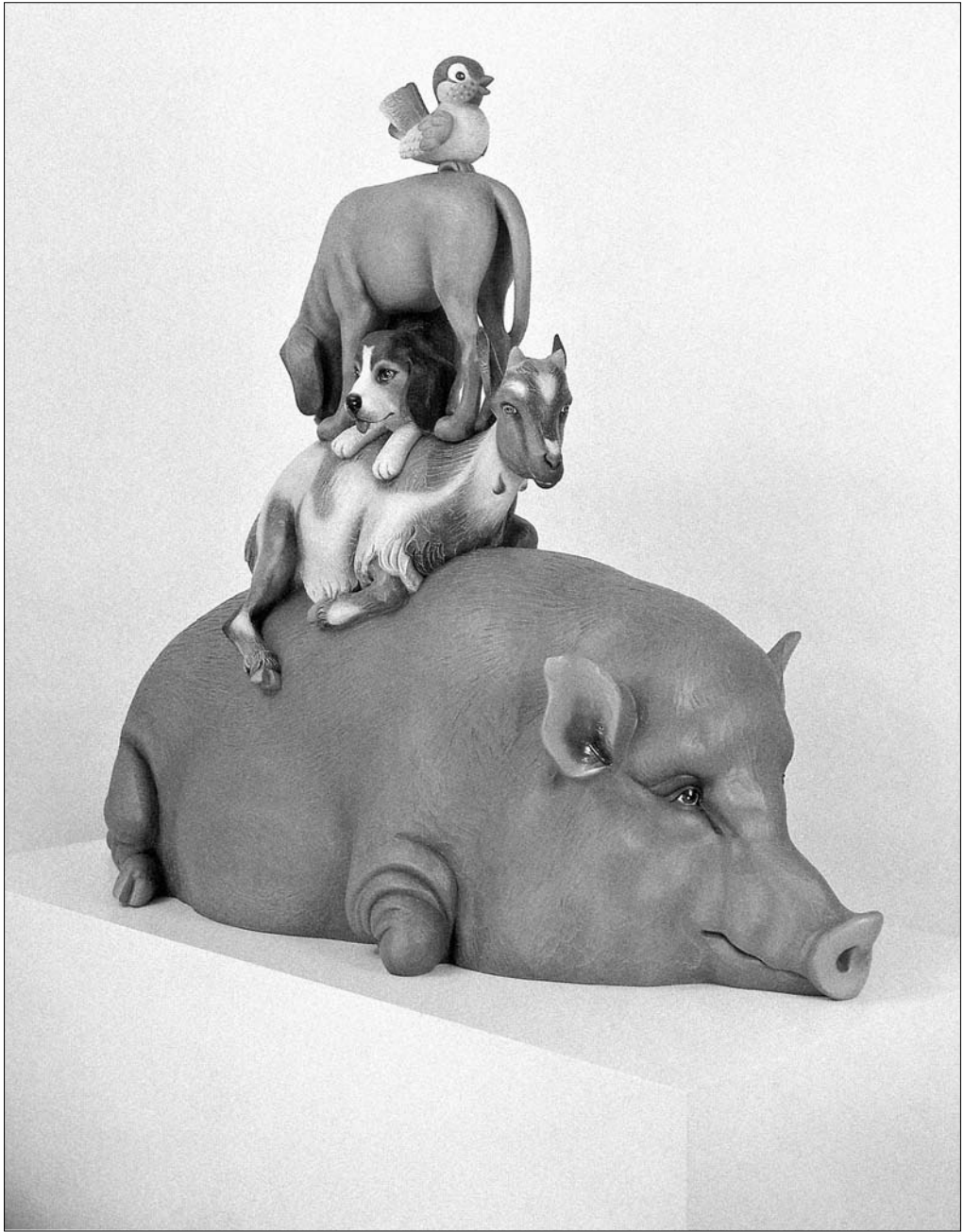
И всего лишь несколько десятилетий назад появился большой интерес к тому, что придет на смену капитализму. Ответы варьировались от коммунизма до менеджеризма, от надежд на

Как монархия отошла с центра сцены на периферию, так и капитализм не будет больше доминировать в обществе и культуре в той степени, как сейчас

«золотой век» праздности до мечтаний о возвращении к общине и экологической гармонии. Сегодня такие утопии исповедуют движения, близкие к Всемирному социальному форуму, возникшие на периферии всех мировых религий, в радикальных субкультурах всемирной паутины и в умеренных формах в тысячах гражданских организаций по всему миру. Они обязательно будут привлекать в свои ряды новых приверженцев. Но их слабость, как и слабость большей части антикапиталистической литературы (таких авторов, как Дэвид Кортен, Венделл Бери, Ален Липетц или Майкл Альберт), состоит в том, что они мало объясняют, как их идеи могут быть реализованы и как будут преодолены мощные укоренившиеся интересы.

Интеллектуальная сила Маркса состояла в его утверждении, что капитализм не был всемогущей системой, изображаемой сегодня такими писателями, как Майкл Хардт и Антонио Негри, а скорее системой, обреченной на саморазрушение. По мысли Маркса, технологическое развитие должно было стать мотором изменений, которые благодаря противоречию между производительными силами и производственными отношениями приобретут революционный характер. Предполагалось, что в XIX веке произойдет

Джефф Кунс. Пирамида. 1988

обнищание пролетариата, однако в XX веке появилась гипотеза возрастания политического веса высококвалифицированных рабочих. Так или иначе, капитализм должен был сам вырыть себе могилу.

Этого не произошло, напротив, капитализм позволил многим улучшить свое материальное благосостояние, что вытолкнуло марксизм на обочину, к протестным партиям, таким как французская новая антикапиталисти-

ческая партия, или к спокойным академическим спорам о марксизме как литературной теории.

Но неугомонный капитализм сам постоянно давал основания верить в то, что он сможет разрушить себя. Лет тридцать тому назад американский социолог Дэниел Белл писал о «культурных противоречиях капитализма», указывая, что капитализм разрушит традиционные нормы, на которых базируется: трудолюбие, передача традиций детям, отказ от гедонизма. Япония в 90-е годы была в этом смысле весьма показательна: ее лодыри-подростки напрочь отрицали трудовую этику своих родителей, ставшую мотором экономического чуда.

Соответствующие аргументы указывают на то, что демография является «ахиллесовой пятой» современных обществ. Капиталистический материализм подорвал стимулы у людей заводить детей, жертвуя доходами и удовольствиями (а меритократия еще дальше подталкивает к ограничению родительских амбиций одним-двумя детьми). В результате — резкое снижение уровня рождаемости в Европе и среди белых американцев. При достижении определенного уровня складывающиеся дисбалансы угрожают подорвать контракт между поколениями, на котором зиждется любое общество: растущая часть пожилого населения требует все больше и больше от сокращающейся части молодого работающего поколения. Катастрофическое падение нормы сбережений до нуля в 2007 году в США при необходимом уровне этого показателя приблизительно в 30% для решения проблем, связанных со старением населения, это острый симптом потери капитализмом способности защищать свое будущее. (Парадоксально, но Китай, несмотря на высокий уровень сбережений, подвергается еще большему риску, так как политика ограничения

рождаемости до 1 ребенка превращает страну из молодой в нацию стариков темпами, которые ранее не были известны истории.)

Другие критики подчеркивают относительность успехов капитализма. Необыкновенное увеличение производительности труда в промышленности снижает ее долю в ВВП, делая экономики все более зависимыми от сектора услуг, который по сути своей растет медленнее. Так же уязвим он и в сфере потребления. Успешно удовлетворив материальные потребности людей, капитализм боится, что они утратят трудолюбие и интерес к зарабатыванию денег, станут обращаться к практикующим эзотерические методики New Age, сосредоточатся на проблемах среднего возраста или захотят отдыхать три дня в неделю. Капитализм способен только на один ответ: инвестировать все больше и больше в создание потребностей, подпитываемых озабоченностью статусом или красотой и мышечной массой — убогий результат, который может принести развитым капиталистическим обществам более серьезные психологические проблемы, чем те, с которыми сталкиваются государства победнее.

Все критики в основном попадают в цель, но ни один из них не может внятно объяснить, каким образом можно было бы разрешить противоречия капитализма. Весьма обще они рассуждают и о беспорядочном характере развития самого капитала. Чтобы понять возможную связь между современным кризисом и этими долгосрочными тенденциями, нам нужно обращаться не к Марксу, Кейнсу или Хайеку, а к работе венесуэльского экономиста Карлоты Перес, чьи публикации привлекают все большее внимание.

Перес исследует долгосрочные модели технологических изменений. По ее

мнению, экономические циклы начинаются с появления новых технологий и инфраструктуры, обещающих крупные доходы, что вызывает лихорадку спекулятивных инвестиций и приводит к драматическому росту стоимости ценных бумаг и других цен. Во время этой фазы финансовая сфера испытывает подъем, а политика невмешательства государства становится нормой. Бум затем сменяется драматическим крахом, таким как, например, в 1797, 1847, 1893, 1929 или 2008 году. После краха и периода смятения потенциал новых технологий и инфраструктуры наконец-то становится ясным. И только тогда появляются новые институты, которые лучше отвечают характеристикам новой экономики. После того как это происходит, экономики достигают высот роста и социального прогресса; примерами здесь могут служить *belle époque* или послевоенное чудо.

И до Великой депрессии элементы новой экономики и нового общества уже существовали и способствовали появлению спекулятивных «пузырей» в 20-е годы прошлого века. Но их не понимали политики и они не были связаны с институтами. Затем, в 30-е гг. экономика превратилась, по словам Перес, из экономики, основанной на «стали, тяжелом электромашиностроении, сложных инженерных работах и химической индустрии... в систему массового производства, обслуживающего потребителей и крупные оборонно-промышленные рынки. Требовались радикальные инновации в сферах управления спросом и распределения доходов, из которых, наверное, самая важная была прямая экономическая роль государства». В результате выросли массовое потребление и экономика, поддерживаемая новой инфраструктурой — электричеством, дорогами и телекоммуникациями. В 30-е годы было неясно, какие из институциональных инноваций станут наиболее ус-

пешными (фашизм, коммунизм или корпоративизм — все они были претендентами на победу), но после Второй мировой войны появилась новая модель государственно-регулируемого капитализма, характеризующаяся возникновением жилых пригородов, сети автострад, социального государства и макроэкономического управления, которые поддержали послевоенный рост.

В этом свете Великая депрессия выглядит как несчастье и как ускоритель реформ. Она помогла ввести меры новой экономической и социальной политики в таких странах, как Новая Зеландия и Швеция, а позже эти меры получили широкое распространение во всех развитых странах. В США была проведена банковская реформа, был провозглашен Новый курс Рузвельта и введены льготы для бывших военнослужащих. Депрессия и война привели в Великобритании к созданию социального государства и службы здравоохранения.

Один из выводов работы Перес, а также до нее Йозефа Шумпетера: кое-что из старого разрушится, чтобы позволить новому обрести наиболее успешные формы. Поддержка убыточного производства в этом смысле выглядит как довольно рискованная политика. Перес полагает, что мы можем находиться на пороге очередного великого периода институциональных инноваций и эксперимента, которые приведут к новым компромиссам между требованиями капитала, общества и природы. В ретроспективе эти периоды приспособления являются такой же неотъемлемой частью развития, как и финансовые кризисы, — в самом деле, лишь через кризисы и институциональные реформы капитализм адаптируется к изменяющимся условиям и находит новые моральные ориентиры, которые так жизненно необходимы для нормальной работы рынков. В XIX веке период аккомодации был реакцией

на страх революции и дал нам государственные пенсии, всеобщее образование, профсоюзы и всеобщее избирательное право в качестве платы за сохранение идеалов либерализма. Второй период начался 50 лет спустя, после депрессии и войны, и превратил главные ценности социальной и христианской демократии в норму в любой богатой стране, увеличив долю государства в ВВП и введя «видимые руки» для управления «невидимой рукой» рынка.

Следующий период аккомодации капитализма будет формироваться под тройным давлением: экологии, глобализации и демографии. Предсказывать в деталях, как это будет происходить, бессмысленно, и, как всегда, существует множество разного рода возможностей — от возрождения милитаризма и автаркии до дискриминации меньшинств и ускорения экологической катастрофы. Но новые технологии — от высокоскоростных веб-сетей до новых энергетических систем, от производств со сниженным выбросом CO₂ до программного обеспечения с открытым исходным кодом и генетических лекарств — имеют в себе нечто общее: потенциально все они все более явно превращают капитализм из господина в слугу, будь то в мире денег, в сфере труда, в повседневной жизни или в государственных делах.

Начать разговор об этом лучше с капитала. Одна из странностей современной экономики в том, что системы распределения капитала стали слишком оторванными от реальной экономики. Большая часть средств на новые научные исследования выделяется правительством, а не рынками, а большая часть средств крупных компаний — производителей това-

ров, технологий и услуг — их собственные средства, а не деньги, привлеченные с фондового рынка. В то же время финансовые рынки подвергают сами себя рискам, хеджируя и

Следующий период аккомодации капитализма будет формироваться под тройным давлением: экологии, глобализации и демографии

применяя еще более непрозрачные инструменты.

Еще до кризиса предпринимались разные усилия, направленные на возвращение капиталу роли слуги реальной экономики и накладывающие на него обязательства по большей прозрачности. Они имели практическое обоснование (рыночный риск увеличивается в зависимости от разницы в цене финансового актива и базового актива), а также моральное содержание (чем больше разрыв между этими активами, тем меньше возможность для ответственного поведения рынков). Многочисленные меры включали попытки заставить пенсионные фонды вести себя более ответственно в плане социальных последствий (например, такие фонды США, как CalPERS или Calvert); аргументы в пользу того, чтобы фондовые биржи следили за прозрачностью и честностью инвесторов; планы по серьезным законодательным ограничениям в отношении налоговых «гаваней»; медленный, но уверенный подъем в сфере социальных инвестиций (на которую приходится 1/10 всех инвестиций в США); рост по-настоящему венчурного капитала, который принимает на себя риски, развивая новые идеи и технологии (к сожалению, большая часть британской промышленности не отвечает этому критерию). Мы также

Марк ди Суверо. Страстный защитник. 1960

снова слышим доводы о необходимости государственного финансирования жилищного строительства, развития инфраструктуры и инноваций, необходимости введения налога Тобина на международные операции с валютой, налога на сверхдоходы для краткосрочных инвестиций. Когда правительству Великобритании надоест владеть банками, оно может решить, что они скорее выживут, если примут форму паевых вместо обществ с ограниченной ответственностью.

Другая тема в сфере финансов — рост капитала в трастах и благотворительных организациях, которые в настоящее время столкнулись с дилеммой, использовать ли их весьма существенные активы (50 млрд ф. ст. в Великобритании), чтобы лишь выплачивать ежегодные дивиденды, или служить основному их предназначению. Билл Гейтс оказался в эпицентре этой дилеммы, когда критики указали на то,

что огромные активы его фонда были инвестированы так, что работали на цели, прямо противоположные тому, для чего выделялись.

Возможно, будет переосмыслена даже сама категория денег. Привилегии, которые сопровождают умение создавать деньги, в будущем будут связаны с большей ответственностью, и мы, возможно, также почувствуем больший энтузиазм в отношении альтернативных платежных средств, более встроенных в реальную жизнь, как, например, региональные валюты в Германии или «банки времени».

В другой сфере — потреблении — изменения так же очевидны. В странах с высоким уровнем долга (включая США и Великобританию) он просто должен быть ниже, а уровень сбережений — выше. Парадоксально, что такое количество мер, предпринятых для борьбы с рецессией, например снижение НДС и принятие пакета мер по налоговому

стимулированию экономики, ведет в противоположном направлении от того, что необходимо в долгосрочной перспективе. Но уже появилось сильное движение против излишнего массового потребления: медленное питание, движение за добровольное самоограничение и многочисленные меры по борьбе с ожирением. Все это симптомы того, что массовый консьюмеризм начинают рассматривать не как что-то безобидно положительное, а скорее как нечто вредное. Мэр Сан-Паоло Джильберто Кассаб запретил в 2006 году всю наружную рекламу. Лидер британских консерваторов Дэвид Камерон обличал «токсичный» капитализм, развращающий молодых людей, и обыгрывал идею личных «углекислых счетов» с целью сокращения выбросов парниковых газов.

Эти тенденции усиливаются сдвигами в экономическом балансе от продуктов и услуг к так называемой поддерживающей экономике, основанной на социальных отношениях и заботе (от услуг сиделок и терапии до еженедельной доставки на дом продуктов питания). Этим тенденциям оказывают поддержку интернет-технологии; в этом рыночном сегменте появилась растущая клубная субкультура, объединяющая потребителей и производителей (примером может служить футбольный клуб «Эбсфлит юнайтед» в Великобритании, который теперь принадлежит около 20 000 фанатов, объединившихся в сети Интернет. В прошлом году этот клуб стал победителем кубка Футбольной ассоциации).

Отражением этих изменений являются сдвиги в процессе производства, так как капитализм движется от разрушения природы, приближаясь к какой-то форме гармонии с ней. Сходите на заводы БМВ в Германии и вы увидите новый образ капитализма, который пытается использовать переработанные материалы для изготовле-

ния автомобиля. Эти производственные системы в промышленности будут демонстрироваться на Всемирной выставке в 2010 году в Шанхае. Там самая быстрорастущая экономика мира представит видение капитализма в эпоху необходимости сокращения выбросов парниковых газов, разительно отличающееся от той версии капитализма, которую Китай исповедовал последние два десятилетия.

Знания также развиваются согласно капиталистической модели и ее кооперативной альтернативе. Десятилетие назад любая версия государственной промышленной политики предусматривала льготы для создания и защиты интеллектуальной собственности. Университеты заставляли коммерциализировать свои идеи на том основании, что кроме финансовой заинтересованности другого пути оживить исследования, например, в области биотехнологий и искусственного интеллекта нет. Вопреки ожиданиям успешно развиваются модели познания. В Интернете растет доля программного обеспечения с открытым исходным кодом. Творческий народный подход все больше завоевывает место в культуре как альтернатива традиционного авторского права, а Википедия неожиданно стала символом посткапитализма.

Наконец, происходят изменения в сфере труда. Разнообразие характера работы чрезвычайно широко, огромны диапазоны зарплаты, обязанностей и полномочий. В ряде отраслей кризис придаст новый импульс идее, что рабочие должны эксплуатировать капитал, а не наоборот.

Такие кооперативы, как испанская группа «Мондрагон» (где работают более 100 тыс. человек, число которых удваивается каждое десятилетие), а также фирмы, принадлежащие сотрудникам, как, например, британская торговая сеть «Джон Льюис», успешно развива-

ются. В других отраслях также присутствует устойчивая тенденция к тому, что все больше работников хотят быть как целью, так и средством производства, источником как производства, так и заработка. Важнейшая проблема здесь, однако, состоит в том, сможет ли капитализм найти формы адаптации к институту семьи. Капитализм как никогда ощутимо затронул семейную жизнь, поскольку большая часть серьезных возможностей карьерного роста связана с институтом семьи, здравоохранением и образованием. В то же время с возрастанием числа работников, особенно женщин, которым одновременно приходится растить детей и ухаживать за стариками-родителями, становится очевидным конфликт между работой и семьей. Существует масса доказательств того, что семья играет ключевую роль в воспитании навыков и взглядов будущих граждан, но у нас все еще нет новой, столь необходимой гибкой системы обеспечения прав семейных людей.

Многие из этих изменений заставляют государства думать над тем, как управлять новыми социальными рисками. В центре внимания правительств в два предыдущих периода аккомодации — конца XIX и середины XX века — была задача защиты людей от бедности в старости, болезней и безработицы. Кажется, Китай начал догонять Запад в этом смысле; там жизненно необходимо создать эффективное социальное государство и систему здравоохранения, если, конечно, китайская коммунистическая партия хочет оставаться легитимной и найти достойный политический ответ капиталистическим крайностям. Система социальной защиты всюду будет полем битвы. В принципе, можно застраховать себя на старость и даже сделать так, чтобы страховка учитывала результаты анализа ДНК и особенности образа жизни. А вот создать систему рыночного соцобеспечения,

которая была бы и эффективной и справедливой, трудно. Для большинства людей разрыв между их потребностями и тем, что предлагается, становится все большим, в то время как средняя продолжительность жизни растет, а старческие недуги становятся нормой. Уже через поколение мы можем встать перед неизбежностью серьезного пересмотра системы социального обеспечения из-за нашей уязвимости к болезням, одиночеству, оказавшись без помощи детей, супруги или супруга, которые могли бы позаботиться о нас. Конечно, на эту систему окажут влияние более точная информация об индивидуальных особенностях людей или эффективность лечения, она также, без сомнения, использует возможности бизнеса. Но почти наверняка она не будет капиталистической.

Государство еще глубже может войти в рынок финансовых услуг. До сих пор финансовые компании заметно отставали в предложении продуктов, больше соответствующих современным потребностям, — таких, например, как гибкие схемы ипотеки, позволяющие не производить платежи во время отсутствия работы. В некоторых странах (таких как Дания и Сингапур) для граждан созданы личные бюджетные счета, предоставляются кредиты на время переподготовки, ухода за детьми или отсутствия работы, которые могут быть возвращены через налоговую систему за 20–30 лет, или на оплату жилья, но с транзакционными издержками ниже, чем у банков.

Личные социальные счета, личные бюджеты на лечение, личная денежная компенсация выбросов углекислого газа могут стать отличительными чертами архитектуры реформированного государства, которое коллективизирует риски и индивидуализирует услуги, и войти в новое соглашение, сочетающее новые права с большими обязательства-

ми по сбережению, оплате лечения и образования, а также с расходами на более гибкую организацию труда.

Центральное место в прошлые периоды аккомодации занимало государство, которое с появлением негативных последствий рецессии было вынуждено играть гораздо более активную роль. Но некоторые самые важные гарантии защищенности лежат вне пределов прямой компетенции правительства. В США

доля взрослых людей, которые утверждают, что им не с кем даже поговорить о чем-то важном, выросла с 10 до 25% за 20 лет. Биология и социология сегодня подтверждают, что мы во многом социальные животные: наши счастье, самоуважение, самооценка и даже жизнь зависят от других людей. Не существует внутреннего противоречия между капитализмом и обществом. Но мы знаем, что связи между ними не возникают автоматически: их нужно создавать и поддерживать, а общества, тратящие огромные суммы на рекламу, которая доказывает людям, что индивидуальное потребление — наилучшая дорога к счастью, платят в конечном счете за это огромную цену.

Признание того факта, что наши социальные отношения имеют такое же значение как и наш доход, может изменить привычное мышление о политике. Краткосрочный эффект экономического спада заставляет сосредоточиться на досадном снижении ВВП. Но в долгосрочном плане ВВП не кажется таким важным по сравнению с другими показателями социального развития. В прошлом году ОЭСР мобилизовала группу блестящих лауреатов Нобелевской премии, чтобы они предложили более широкий критерий благосостояния ВВП. Президент Саркози заявил о своей готовности принять не-

которые их идеи, а Обама считает, что критерии успеха должны отражать улучшения в сферах здравоохранения, озеленения городов и образования, а не сколько потратили люди.

Общества, тратящие огромные суммы на рекламу, которая доказывает людям, что индивидуальное потребление — наилучшая дорога к счастью, платят в конечном счете за это огромную цену

ВВП также не принимает в расчет многообразие форм управления компаниями. Десятилетия нормой были котируемые на бирже частные компании с ограниченной ответственностью. Но нынешний кризис является напоминанием о том, что более разнообразные формы бизнеса могут сделать его более устойчивым. Строительные компании, которые не были приватизированы, лучше переживают кризис, чем приватизированные. Благотворительные общества также переживают рецессию лучше, чем обычный бизнес, и примерно 55 тысяч британских социальных организаций могут выйти из кризиса быстрее компаний без социальной миссии. Не удивительно, что консерваторы обкатывают идеи укрепления кредитных союзов, местных инвестиционных фондов, продовольственных кооперативов и энергосбытовых компаний в поисках нового экономического подхода, способного прийти на смену старым идеям 80-х годов прошлого века: экономический бум и приватизация общественной инфраструктуры.

Кризис капитализма носит, безусловно, глобальный характер, и он выявил ограниченность глобальных институтов, которые были созданы полвека тому назад. Китай становится все более крупным игроком в укрепившихся

МВФ и Всемирном банке, за ним следуют Индия и Бразилия. «Большая двадцатка» начинает по значимости теснить «Большую восьмерку». Возможно, ждут своего часа новые институты по вопросам выбросов углекислого газа или для решения иных проблем — от глобальной миграции до биотехнологий, а наряду с ними менее формальные институты, помогающие мировому сообществу участвовать и в электронных парламентах, и в глобальных площадках, таких как индийский онлайн-канал «Awaaz».

Никто не знает, какие из этих проектов окажутся успешными. В принципе существует неограниченное количество направлений, которым может следовать развитие социальных систем. Но мы знаем из истории, что в ключевые моменты эволюция становится весьма разборчивой. Лишь некоторые модели, связанные с доминирующими технологиями, ценностями и структурами власти, оказываются устойчивыми.

В первой фазе кризиса самыми успешными просителями финансовой помощи были большие разваливающиеся (и влиятельные) компании капитализма прошлой эры. Однако продолжаются дебаты о том, какие меры по спасению экономики способны обеспечить рост рабочих мест, оказать позитивное влияние на будущее (например, инфраструктура для электромобилей в Сан-Франциско или Новый «зеленый» курс политики Южной Кореи массового создания рабочих мест), а не пытаться лишь слегка подправить прошлые ошибки. Неясно еще, кто из политиков сможет выдвинуть видение капитализма-слуги, более соответствующего реалиям XXI века. Дэвид Камерон сделал несколько попыток, однако неловких, какие иногда получаются у этого выходца из династии биржевых брокеров. Гордон Браун — сын пастора, но и он глубоко увяз в кризисе. Обама вроде бы идеально подходит, чтобы предложить

новое видение, но он окружил себя лучшими представителями все той же системы, что трещит по швам.

В результате сегодня открывается огромное политическое пространство, которое пока заполняется злостью, страхом и смятением. Затем оно откроет новые подходы в капитализме и в его отношениях с обществом и экологией, в видении того, чего мы хотим или не хотим достичь. Демократии в прошлом много раз сдерживали, направляли и обновляли капитализм. Они запретили продажу людей, голосов, должностей, детского труда и человеческих органов, заставили соблюдать права и правила, щедро выделяли средства на нужды капитализма для проведения научных исследований и профессионального обучения; именно благодаря сочетанию конфликтов и сотрудничества мир достиг в прошлом столетии необыкновенного прогресса.

Для того чтобы узнать, что же придет на смену, возможно, нужно взглянуть вверх. Городские силуэты предоставляют простейший способ узнать о ценностях общества и распределении доходов. Несколько столетий назад самыми грандиозными зданиями в городах по всему миру были форты, церкви и храмы; через некоторое время их сменили дворцы. На короткое время в XIX веке стали выделяться общественные здания, железнодорожные вокзалы и музеи. В конце XX века лучшие здания принадлежали банкам. Сейчас лишь немногие верят, что так будет и впредь. Но что придет на смену — огромные дворцы отдыха и стадионы, университеты и картинные галереи, водонапорные башни, всяческие сады или офисы биотехнологических империй? Нам нужно пробудить способность мечтать и видеть сквозь успокаивающийся шторм, что же находится там, дальше...

Перевод с английского
Игоря Маскаева

Верить и действовать сообща*

Начну с короткого рассказа о своей работе последних лет. В 2003 году я создала организацию, похожую на Московскую школу политических исследований. До этого возглавляла Фонд Сороса в Югославии, а затем в Сербии. По мере того как страна распадалась, Фонд становился все меньше с точки зрения охвата территории. И в 2003 году, когда мы избавились от тоталитарного режима, я решила, что мне следует заняться чем-то еще. Хотелось реализовать собственный проект, чтобы передать все то, что мне довелось узнать о гражданском обществе. Я уже знала, что хочу делать, а именно — создать институт, который был бы похож на школу Лены Немировской. Причина — в том огромном впечатлении, под которым я нахожусь от ее работы.

Почему мне хотелось сделать это в Сербии? Потому что я пришла к выводу: единственный путь, на котором можно найти ответы на вопросы государственного управления и демократии — это работа в направлении наращивания человеческого потенциала и человеческого капитала, как это сегодня модно называть, а в более традиционном ключе — наращивания базы знаний и этической составляющей тех людей, которые призваны строить государственные и негосударственные институты, правительственные и неправительственные учреждения. Поэтому я решила скопировать школу Лены Немировской и положить начало инициативе, которую в настоящее время поддерживает Совет Европы; подобно 15 другим школам, созданным по образцу Московской школы, мы (то есть представители всех школ) ежегодно в июле под эгидой Совета Европы становимся слушателями летнего Университета демократии.

Известно, что проблемы гражданского общества стали серьезно обсуждаться в конце XVIII — начале XIX столетия европейскими философами и просветителями. Тогда это была концепция, совершенно отличная

*Соня Лихт,
основатель и президент
Белградского фонда
успешных лидеров*

* Публикация подготовлена на основе выступления автора на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 13 июня 2009 г.

от сегодняшней. Другим был мир, другим было состояние дел внутри государств. По мере того как менялись страны европейского континента, менялись сущность и практика гражданского общества. Например, всего лишь 30 лет назад было невозможно даже представить себе (не только в бывших социалистических странах, но даже в развитых демократиях), что организации гражданского общества будут заниматься образованием политиков. Даже сегодня, когда я говорю с рядовыми гражданами о том, что слушателями моей школы являются политики и люди, работающие в государственной сфере, собеседники поражаются. Обычно они задают один и тот же вопрос: возможно ли вообще чему-то научить политиков? Хотят ли они этого? Люди просто не верят в политику и политикам, что они хотят чему-то учиться.

Полагаю все же, что наши школы доказывают наличие такого желания, хотя в высшей степени сложно усадить за один стол людей с различными взглядами и политическими пристрастиями. И все-таки это происходит. Даже те, кто в других обстоятельствах никогда не сядут за один стол, делают это в моей школе.

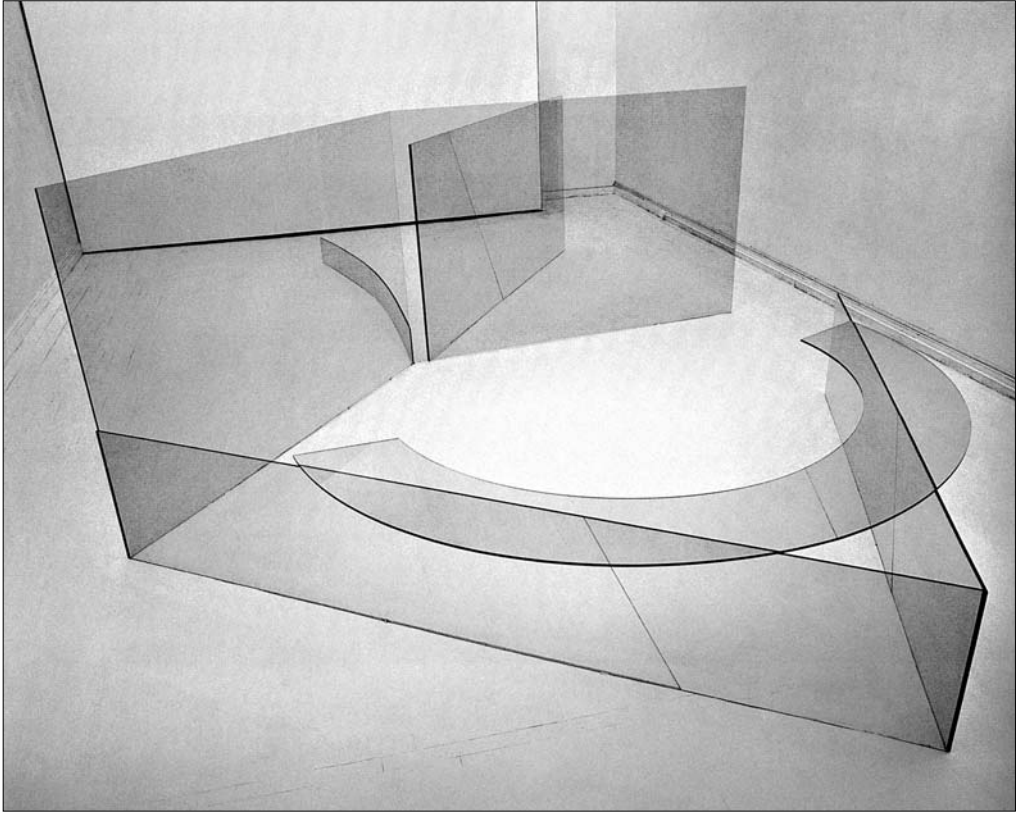
В наших обществах (я говорю сейчас о странах переходного периода), по сути, нет культурного диалога: когда мы участвуем в дискуссиях, мы в первую очередь слушаем самих себя, а не собеседника. И ввиду того, что мы не участвуем в равноправном диалоге, нам становится все сложнее учиться, потому что невозможно чему-то научиться у оппонента, если вы слышите только себя. Сильная сторона наших школ состоит, я считаю, как раз в развитии культуры диалога, в попытках научиться слушать и понимать, что вам хочет сказать собеседник.

Белградская школа, как и другие школы, занимается просвещением и одновременно стремится влиять на действия политиков с точки зрения их открытости альтернативным мнениям, и, я надеюсь, с точки зрения развития их профессиональных качеств, учитывая, что это напрямую связано с развитием современного гражданского общества в меняющемся мире.

В двадцатом веке, который завершился девять лет назад, было сделано 95 процентов всех открытий за всю историю человечества. Минувший век открыл «ящик Пандоры» — новых знаний, новых возможностей, но и новых угроз для населения планеты, о которых мы часто не задумываемся.

Очевидно, что компьютеры и иные формы технологий развиваются гораздо быстрее, чем наши социальные навыки. Например, сегодня я приземлилась в Шереметьево ровно по расписанию, хотя летела самолетом компании, аббревиатура которой иронически расшифровывается как «издевательство над расписанием». Тем не менее мой рейс прибыл вовремя, и я вошла в здание аэропорта, где не работали кондиционеры, где тысячи людей скучились в большом зале и задыхались от жары и духоты... И я задала себе вопрос: почему в погоне за новыми технологиями люди часто не проявляют элементарной заботы о других людях. Напомню о трех событиях, которые произошли в прошлом году и показали, насколько быстро меняется наш мир.

Первое — это финансовый кризис, который на самом деле есть нечто гораздо большее, чем финансово-экономический феномен. Извест-

Сильвия Стоун. Другое место. 1972

но, что начался он в развитых странах и не так уж неожиданно, как порой пытаются представить. Было немало предостережений, что этот кризис произойдет. В частности, Джордж Сорос написал две книги, одна из них вышла еще десять лет назад, в которых предупреждал о перегреве рынков и нарастающем финансовом пузыре, об опасности того, что этот пузырь лопнет.

Речь в этой связи, конечно, идет не только об Америке, но вообще о парадигме либерального капитализма, которая подвергается серьезной критике, включая так называемый Вашингтонский консенсус, т.е. тип макроэкономической политики, которую ряд неоконсервативных экономистов рекомендует к применению в странах, испытывающих финансовый или экономический кризис. (Термин «Вашингтонский консенсус» введен в оборот в 1990 году и включает набор из 10 рекомендаций. — *Прим. ред.*) Не поймите меня превратно, я не против рыночной экономики и частного капитала, я выступаю против того, чтобы подобные финансово-экономические процессы рассматривались исключительно в доктринальном ключе. К сожалению, после распада коммунистических режимов мир погрузился в пучину рыночного фундаментализма. И сегодня, судя по всему, он переживает последние дни, с точки зрения роли финансовых институтов, которые играли с несуществующими финансовыми средствами.

Второе важное событие заставило нас впервые осознать с такой ясностью, насколько мы зависим от энергоносителей. Я имею в виду Европу и зимний кризис с поставками газа из-за разногласий между Россией и Украиной, когда не только российский газ, но и газ из Средней Азии не проходил через украинские трубопроводы. Ресурсов в нашем распоряжении все меньше, не говоря уже о ценах на продовольствие, которые накануне наступления кризиса снова выросли, и стало понятно, что в мире больше не будет дешевых продуктов питания.

И, конечно, эти кризисы тесно связаны с другим серьезнейшим явлением — изменением климата. Как бы ни пытаться подвергнуть это сомнению, мы должны признать, что, к сожалению, климат действительно меняется, и притом намного быстрее, чем многие думают. Речь идет не о каком-то далеком будущем, которое бог весть когда наступит. Если наши страны не перестанут вести себя так, как сейчас, то спустя 20 лет, вероятнее всего, перед миром встанут невообразимые проблемы. Или проще сказать — разразится катастрофа. Возможно, через 20 лет Гольфстрим перестанет приносить тепло всей Европе.

Третье, о чем я хочу сказать, явление другого изменения. Оно зовется Барак Обама. Если еще 10 лет назад кто-то сказал бы мне, что афро-американец будет избран президентом США, я бы спросила: вы шутите?.. Это хорошая новость.

Все это заставляет думать, что роль гражданского общества в мире будет возрастать. Прежде всего экономический кризис побуждает людей к осознанию того, что экономика является проблемой для всех нас, когда мы не можем оставаться пассивными в отношении мер, предпринимаемых государством и бизнесом. Я могу привести много примеров того, как люди в разных странах организуются, берутся за решение проблем бедности и других социально-экономических вопросов и даже находят средства воздействия на правительственные решения. Не говоря уже о росте числа волонтеров, спросе на консультации по трудоустройству и т.д. Но всегда ли мы готовы конструктивно участвовать в социальных движениях? При этом я имею в виду не участие в политических партиях, а вовлечение гражданских организаций в работу на общее благо. Скажем, есть люди, которых не пугает глобализация, а есть те, и их немало, чьи протесты бывают насильственными, которые вредят движению антиглобалистов, учитывая что мы не можем остановить процесс глобализации. Вопрос состоит в том, как пойдет этот процесс. И вот здесь, как мне представляется, все мы как граждане имеем что сказать, знаем, как можно обратить его на пользу людям и смягчить негативные последствия.

Вернусь к энергетическому кризису и сошлюсь на пример участия граждан в использовании альтернативных источников энергии. Известен проект, который реализуется в Германии и называется «Фрейбург». Его участники считают, что они лично отвечают за спасение планеты. Они начали совершенно иной образ жизни. Отказались от автомобильного транспорта и от использования традиционных источников энергии. На домах у них солнечные батареи, которые, кстати, производят больше электроэнергии, чем могут потребить, и жители продают эти излишки.

В Сербии, которая гораздо беднее России и где нет таких запасов энергоносителей, мы направо и налево транжирим электроэнергию. По оценкам экспертов, 40–50 процентов ее просто теряется. Кто, как не сами граждане, должен реагировать на это?

Сеть школ, созданных в Албании, Македонии, Сербии, Хорватии, в Боснии и Герцеговине, в Черногории не так давно провела в Белграде семинар, посвященный проблемам энергоэффективности и защите окружающей среды. Перед участниками семинара выступил в том числе и специалист МАГАТЭ, который говорил о необходимости вновь начать использование атомных электростанций. Почему? Потому что в странах бывшей Югославии действует законодательство, запрещающее даже дискуссии о применении атомной энергии; в начале 80-х годов сильное гражданское движение добилося запрета на постройку АЭС. А потом, в 86-м году, случился Чернобыль. Но теперь перед нами совершенно другие вызовы, связанные с изменением климата и недостаточностью ресурсов. Я не исключаю, что вскоре на Балканах появятся гражданские движения, которые будут выступать за строительство атомных электростанций. В мире сейчас их 436, и, как считают специалисты, они гораздо безопаснее, нежели во времена Чернобыля. Понятно, что совершенно безопасного ничего нет. Но когда проблема дефицита энергоносителей станет критической, возможно, возникнет «обратное» гражданское движение — за разрешение применения атомной энергии.

В заключение снова вернусь к США и выборам Барака Обамы. Уже накануне второго президентского срока Буша, когда он проводил избирательную кампанию, в Америке началось движение, которое называлось «Движемся вперед». Люди были готовы уже тогда поддержать любого рода мероприятия, чтобы не допустить прихода к власти Буша второй раз. Америка демократическая страна, и пришлось ждать четыре года, чтобы прошли новые выборы и Обаме удалось выиграть избирательную кампанию не только потому, что он замечательный оратор и стремился к переменам, но и потому, что были сотни тысяч добровольцев, которые активно работали во время его кампании бесплатно. Началось гражданское движение, которое стремилось привести к власти человека совершенно иного типа, чем прежде. Этого урока еще никто толком не проанализировал, но я полагаю, что все эти и многие другие примеры говорят о новых возможностях гражданских движений. О том, например, что им по плечу установить со временем в том числе и демократический контроль над вооруженными силами.

На мой взгляд, важнейшим условием успеха гражданского общества являются люди, которым не безразличны их жизненные интересы, которые способны самоорганизоваться и готовы предпринять реальные действия. Орудием организации может быть Интернет. Но в действительности для решения крупных проблем Интернета недостаточно. Вначале нужно убедиться в том, что вы готовы бороться за то, во что верите. Именно в этом будущее гражданского общества.

*Регина Султанова,
директор Ассоциации
благотворительных
организаций
Республики Башкортостан*

Стиль жизни во имя...

Хотелось бы поделиться своими мыслями на тему гражданской ответственности в контексте таких ее важных аспектов, как благотворительность, филантропия, меценатство. А более конкретно — благотворительности в том ее виде, которым я занимаюсь. Именно благодаря работе в некоммерческих организациях правозащитной и благотворительной направленности я начала остро чувствовать жизнь, язык и проблематику гражданского общества, хотя, признаюсь, были боль и разочарования, и порой мне казалось, что ничего нельзя изменить в лучшую сторону.

Разрабатывая и реализуя различные проекты в сфере гражданского просвещения и благотворительности и размышляя над тем, что такое собственно благотворительность, я пришла к выводу, что в самом этом понятии заключено определенное противоречие. Ведь понимание того, что ты являешься неким благодетелем, оказывая безвозмездную помощь тем, кто в ней нуждается, как бы возвеличивает тебя над другими, заставляет думать, что ты не такой (или не такая) как все, а лучше. Что едва ли этично. Поэтому я начала искать ответы на вопросы, связанные с мотивацией благотворительности. Изучая международный опыт в этой сфере и проживая опыт собственной деятельности, я пришла к выводу, что было бы ошибочно считать совершенными инструменты стимулирования благотворительности и филантропии с помощью только финансового и материального поощрения доноров. Во многих странах корпоративная филантропия вовсе не обязательно поощряется налоговым послаблением, чего непременно ждут в России. Развивать благотворительность путем использования преимущественно налоговых инструментов, на мой взгляд, ошибочно, потому что мы уходим от самой идеи добровольного и безвозмездного уча-

ствия граждан в решении актуальных проблем общества, особенно тех, которые касаются социально незащищенных людей.

Тем самым я хочу сказать, что именно осознание нравственной природы благотворительности лежит в основе социальной ответственности общества. Приведу в этой связи запомнившиеся мне слова, сказанные депутатом шведского парламента Урбаном Алином на школьном семинаре в Стокгольме в ноябре 2008 года, во время сессии, посвященной политике добрососедства: «Моя страна заинтересована в том, чтобы наши соседи жили благополучно, и мы стараемся для этого делать все возможное». Не правда ли, просто и мудро — сосед должен жить благополучно! На мой взгляд, в этом и состоит смысл и цель построения в стране гражданского общества, в котором отдельный гражданин озабочен не только улучшением качества собственной жизни, но и благополучием своего соседа. Ибо в таком подходе заключено, я считаю, не только нравственное содержание, он несет и вполне прагматический смысл, потому что служит решению задачи создания более комфортной социальной среды для всех.

А для этого необходима, конечно, не просто благотворительность, но и развитие гражданской *филантропии* (в переводе с греч. — человеколюбие) как института.

Насколько созрело для этого наше общество? Постараюсь, опираясь на свой личный опыт работы в благотворительной сфере, ответить на этот вопрос.

Как я уже сказала, поначалу во время проведения благотворительных акций и реализации соответствующих проектов я воспринимала благотворительность как форму пожертвования или дар отдельных физических и юридических лиц и считала, что моя задача сводится просто к продвижению самой идеи необходимости благотворительной деятельности. Так в 2006 году родился проект «Школа гражданского образования», когда в основном я занималась именно этим. Затем через год мне стало ясно, что смысл этой деятельности, как, впрочем, и любой общественно значимой работы, заключается прежде всего в эффективном межсекторном взаимодействии и партнерстве. Тогда родился второй проект — «Народный институт социального партнерства», в рамках которого обсуждались идеи и инструменты взаимодействия различных участников процесса оказания помощи нуждающимся. Как ни странно, а может быть, напротив, логично, оба моих проекта получили отклик на общероссийском уровне и финансовую поддержку, и это было здорово! Однако после завершения проектов, которые напрямую были связаны с благотворительностью, меня озадачила итоговая ситуация, которая казалась тупиковой. Мы так и не придумали мотивационный инструментальный для распространения идеи благотворительности. Стало очевидно, что благотворительность остается все же в рамках частной инициативы, частной филантропии. Возник вопрос: почему ею не может заниматься каждый человек? Конечно, не все могут

себе это позволить, когда речь идет о деньгах, о чем-то материальном. Но ведь есть еще свободное время, это тоже немалый ресурс. И тогда же, в 2008 году, в Швеции я впервые услышала о понятии «гражданская филантропия», подразумевающим взаимоподдержку и взаимопомощь как институциональную функцию общества, которое стремится стать и быть социально мудрым. В таком обществе считается нравственной нормой дарить свое время для достойной жизни соседа независимо от его социального статуса, вероисповедания, культуры.

Мировой финансовый и экономический кризис диктует необходимость смены неэффективных форм и методов управления общественно-экономическими процессами. Опыт доказывает, что наличие именно неблагополучных локальных проблемных мест может привести к выходу из строя общего «организма». И я считаю, что «проживание» всеобщего экономического кризиса как раз и дает нам возможность сегодня мыслить глобально, а действовать локально и менять стереотипное мышление потребителя на позицию «гражданина созидającego и творящего». Так что для меня сейчас не существует той тупиковой ситуации, о которой я упомянула выше. Я многое поняла и хорошо представляю, что делать дальше. Это, конечно же, в первую очередь — заниматься просвещением, распространением накопленного мною собственного опыта, а также демонстрацией и тиражированием удачных практик «политики добрососедства» на местном уровне. Если я способна оказать «услугу» тем, кто находится рядом, и смогу реализовать свои способности, опыт и знания в том формате, который необходим «соседу», я буду считать это самыми значимыми собственными результатами. И уверена, что гражданский механизм системы «всеобщего блага», в которой благотворительность становится нормой жизни, появится тогда, когда мы будем оказывать посильную помощь соседу, неважно, в какой форме.

В этой связи хотелось бы отметить, что в первую очередь должны распространяться и тиражироваться такие проекты, как «Банк времени» в Нижнем Новгороде, о чем нам рассказывал на последнем семинаре Школы в июле Вячеслав Бахмин, или благотворительные магазины в Англии и США, подробно описанные англичанкой Леттис Уилкинсон в книге «Добродетельная экономика», и многие другие. Цель подобных проектов — «Стиль жизни как жизнь во имя...».

Дорогие друзья, возможно, мои размышления покажутся вам наивными и несбыточными, прошу не судить меня строго. Разумеется, я поняла и осознала лишь что-то малое в глобальном масштабе. Но в одном вы можете быть уверены — я была искренна и поделилась с вами сокровенно-личным. Спасибо вам, спасибо Школе!

*Климат и энергетика – европейская перспектива**

Проблемы климата стали одной из центральных тем международной повестки дня. В дальнейшем значение климатических вопросов будет, скорее всего, только возрастать. Поэтому все страны вынуждены думать о национальной климатической политике, о том, как согласовать национальные интересы с необходимостью сокращения выбросов парниковых газов.

Как известно, концентрация двуокиси углерода в атмосфере повышалась постепенно и сегодня составляет около 430 частей на миллион. Концентрация увеличивается примерно на 2,5 миллионной доли в год. Тенденцию к увеличению концентрации необходимо переломить в ближайшие десять-двадцать лет как в промышленно развитых странах, так и в основных развивающихся странах. В противном случае стабилизация уровня выбросов ниже отметки 500 частей на миллион будет невозможной. А превышение этого предела, по оценкам экспертов, сопряжено с существенным увеличением риска катастрофических изменений климата. Поскольку климат не признаёт границ, цель является глобальной и может быть достигнута только совместными усилиями.

Задача огромная, требующая полного переосмысления механизмов экономического развития. Нынешняя модель, основанная на постоянном росте потребления ископаемых видов топлива, перестала быть жизнеспособной. В настоящее время выбросы парниковых газов на душу населения Земли составляют примерно 8 тонн эквивалента двуокиси углерода в год. Чтобы не допустить увеличения концентрации углекислого газа в атмосфере выше упомянутой отметки 500 частей на миллион, к 2050 году необходимо сократить подушевые выбросы до 2 тонн эквивалента двуокиси углерода. В промышленно развитых странах сокращения должны быть еще больше, в

*Матти Анттонен,
Посол Финляндии в
Российской Федерации*

* *Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 9 июня 2009 г.*

частности, мы, финны, как и жители других стран Евросоюза и России, имеем показатели выбросов, намного превышающие 8 тонн в год.

Из всего этого следует, что климатическая политика должна быть ориентирована на долгосрочную перспективу. Если в решении других политических вопросов счет идет на годы, то в данном случае речь идет о десятилетиях. Но это никоим образом не умаляет необходимость срочного принятия решительных мер.

Рассмотрим следующие вопросы: как добиваться достижения названных целей в глобальном контексте, какие шаги делают основные игроки, какая роль отведена техническому развитию, как все это отразится на энергетическом секторе и в итоге на отношениях между Евросоюзом и Россией.

В Финляндии, как и в других странах Евросоюза, обсуждение вопросов климата стало важной частью общественных дискуссий. О климате говорят все: политики и топ-менеджеры, рядовые граждане и специалисты. Одни думают над тем, как решить проблему на глобальном или европейском уровне. Других заботит влияние сокращения выбросов на конкурентоспособность собственного бизнеса. Третьи задаются вопросом: что я лично могу сделать для сокращения выбросов? При этом центральной темой в обсуждениях является выбор источников энергии для обеспечения жизнедеятельности человеческих сообществ. Подавляющее большинство выбросов парниковых газов приходится на отопление и кондиционирование жилых помещений, транспорт и промышленное энергопотребление.

Евросоюз и его члены являются участниками Киотского протокола (1997 г.), действующего до 2012 года. Но этот протокол — только начало больших преобразований. Поэтому Евросоюз

уже несколько лет тому назад начал готовиться к посткиотскому периоду. Важной вехой при этом стало принятое два с лишним года назад решение, которое сводится к принципу «трех двадцаток». Этим решением Евросоюз обязался в одностороннем порядке сократить выбросы парниковых газов на 20 процентов к 2020 году по сравнению с базовым 1990 годом. При этом было заявлено, что мы готовы идти и на 30-процентное сокращение, если остальные основные игроки возьмут на себя аналогичные обязательства.

Для заявленного сокращения выбросов страны — члены Евросоюза обязались повысить эффективность использования энергоресурсов на 20 процентов и увеличить долю возобновляемых источников в своем энергобалансе также до 20 процентов. Было также оговорено, что в рамках выполнения обязательств по возобновляемым энергоисточникам доля биологических видов топлива в общем топливном балансе транспорта будет доведена до 10 процентов. Все перечисленные цели планируется достичь к 2020 году.

Европейский союз также принял решение о повышении эффективности работы внутреннего рынка энергоносителей путем стимулирования конкуренции и разграничения передачи электроэнергии и газа от их генерации и добычи. Это позволит избежать возникновения региональных монополий, вызывающих перекося цен. В целях недопущения обхода положений соответствующих нормативно-правовых актов они применяются как в отношении компаний — резидентов Евросоюза, так и в отношении компаний третьих стран, например американских и российских, работающих на территории Евросоюза. Опыт ряда стран — членов Евросоюза по разделению генерации и передачи оказался настолько успеш-

ным, что в итоге это решение было поддержано всеми странами-членами.

Очередной кульминацией переговоров по климату станет саммит на уровне глав государств и правительств в Копенгагене, намеченный на декабрь 2009 года. Там будет предпринята попытка договориться об основных принципах глобального климатического режима на пост-киотский период, то есть

о способах сокращения выбросов после 2012 года. Ситуация на продолжающихся переговорах во многом остается открытой. Только Евросоюз заявил о намерении сократить выбросы на указанные 20 процентов. Но односторонними действиями проблему изменения климата не решить: даже в случае сведения выбросов ЕС к нулю их мировой объем уменьшился бы лишь на 10 с небольшим процентов. Значит, в процесс сокращения выбросов должны быть вовлечены и остальные из основных промышленно развитых стран, такие как США и Россия, а также крупнейшие развивающиеся экономики: Китай, Индия, Бразилия и Индонезия. Объемы и сроки сокращения выбросов пока неопределенны.

С точки зрения переговоров также безразлично, на какие источники приходятся выбросы парниковых газов. Выбросы, генерируемые Китаем и США, занимающими первые места по совокупному объему выбросов, в большей части связаны с производством энергии и могут быть сокращены только активными действиями и с помощью внедрения новых технологий. Зато выбросы Индонезии и Бразилии, занимающих третье и четвертое места в списке, обусловлены прежде всего выжиганием торфяников и уничтоже-

нием лесов, поглощающих углекислый газ.

В ходе переговоров необходимо разработать механизмы, с помощью которых можно бороться с уничтожени-

*Отрицательные последствия
изменения климата больше всего ударят
по развивающимся странам, поэтому
сокращение выбросов отвечает и их
интересам*

ем лесов. Нужно также думать о том, какими преимуществами могут пользоваться страны, на территории которых расположено много лесов, поглощающих углерод. В этом отношении в потенциально выигрышном положении находится и Россия, которая, наряду с Бразилией, обладает крупнейшими запасами леса в мире. Все крупные экономики мира должны в течение ближайших двадцати лет создать тенденцию к понижению выбросов. Иначе о цели в 500 частей двуокиси углерода на миллион можно забыть.

Самым значительным изменением в конфигурации переговоров за последние месяцы стала смена администрации в США. Когда я работал в США в начале текущего десятилетия, чиновникам администрации не позволялось даже на словах признавать, что между выбросами парниковых газов и изменением климата существует причинная связь. США принимали участие в переговорах о Киотском протоколе, но так и не приняли его и не участвуют в нем. Теперь ситуация изменилась, и новая администрация США твердо привержена переговорному процессу и сокращению выбросов. Проблема заключается в том, что десятилетие для них уже потеряно, и даже достижение уровня 1990 года к 2020

году представляется сложной задачей. Это осложняет усилия, направленные на то, чтобы остальные крупные игроки обязались осуществить масштабные сокращения выбросов.

Администрация США уже приступила к работе по ограничению выбросов. Несколько недель тому назад она приняла решение о повышении энергоэффективности продаваемых на американском рынке автомашин на треть к 2016 году. Естественно, требуется время, пока автомобильный парк в большинстве своем будет состоять из машин с низким уровнем выбросов. Эти меры имеют глобальное значение, учитывая, что сегодня треть мирового потребления бензина приходится на долю США. Вероятным представляется и то, что в США будет введена в действие система торговли выбросами, охватывающая все штаты. В планах есть также повышение доли возобновляемых источников энергии до 20 процентов подобно Евросоюзу. В диалоге властей с гражданами такие мероприятия обосновываются климатическими аргументами, но не только ими. Для большого числа американцев одинаково важным, если не более важным аргументом является укрепление национальной безопасности. Есть желание избавиться от зависимости от зарубежных поставок нефти и заодно — от авторитарных режимов.

Не так давно я отдыхал на восточном побережье США. Каждый раз, когда я заправлял машину, я видел на бензоколонке наклейку, указывающую на то, что топливо содержит 10 процентов этилового спирта. Уже те решения, которые приняты в США, позволят повысить долю биотоплива в топливном балансе транспорта более чем вдвое по сравнению с нынешней ситуацией.

Развивающиеся страны считают, что ответственность лежит в первую очередь на промышленно развитых странах, по вине которых произошел на-

блюдавшийся на протяжении полутора столетий рост выбросов парниковых газов. Теперь, когда акцент экономического развития переместился на развивающиеся страны, они имеют такие же права на развитие, как и страны, ранее прошедшие тот же путь. Такая аргументация сильна и во многом верна. Но, с другой стороны, отрицательные последствия изменения климата больше всего ударят именно по развивающимся странам, поэтому сокращение выбросов отвечает и их интересам.

Выбросы наименее развитых стран, по крайней мере те, которые обусловлены использованием ископаемого топлива, настолько незначительны, что здесь позволительно даже определенное их увеличение. Зато крупные промышленно развивающиеся страны, такие как Китай, должны переломить тенденцию роста выбросов не позднее чем в 2020-х годах, иначе глобальные цели не будут достигнуты, что бы ни сделали промышленно развитые страны. Ситуация еще усугубляется тем, что, несмотря на кажущееся единообразие, развивающиеся страны существенно отличаются друг от друга по объему выбросов на душу населения. Они также имеют очень разные интересы.

США однозначно заявили, что их участие в международных программах снижения выбросов предполагает взятие Китаем соответствующих обязательств. Такая позиция частично обусловлена тем, что Китай воспринимается как один из основных экономических конкурентов США, поэтому получить одобрение конгресса будет нелегко. Россия также считает, что все основные игроки должны стать участниками новых договоренностей.

Россия и страны СНГ играют особую роль в переговорах по климату. Очевидно, что в глазах развивающихся стран Россия и другие благополучные члены СНГ являются прежде всего

промышленно развитыми странами, которые должны быть в числе первых при принятии обязательств по сокращению выбросов. Недавно Россия обнародовала свою климатическую доктрину. На деле Россия могла бы взять на себя те же обязательства, что и Евросоюз, то есть сократить выбросы на 20 процентов к 2020 году. Таким образом она могла бы позиционировать себя в первых рядах экологически сознательных государств.

Выполнение обязательств не представляло бы никаких трудностей: необходимо было бы добиться лишь небольшого повышения эффективности использования энергии. Россия в состоянии и более значительно сократить выбросы, если заявленная ее правительством цель — повышение энергоэффективности на 40 процентов — будет реализована.

Пока китайцы не желают принимать на себя количественные обязательства по сокращению выбросов из-за опасений негативного воздействия на экономический рост. С другой стороны, Китай начинает отдавать себе отчет в том, что в силу резкого роста потребления ископаемых видов топлива суммарный объем его выбросов уже превысил показатель США, а в расчете на душу населения выбросы парниковых газов в Китае многократно превышают выбросы Индии.

Остается посмотреть, может ли из описанных элементов быть сконструировано достаточно объемлющее, достаточно амбициозное и достаточно справедливое международное соглашение. Изменение климата представляет настолько реальную угрозу, что я уверен в том, что рано или поздно новое международное соглашение будет достигнуто.

Некоторые здесь в России спрашивают, почему изменение климата вообще должно их беспокоить. Разве потепление климата не принесет, скорее всего,

пользу стране? Ясно, что потепление улучшит условия сельского хозяйства в северных частях России. Следует, однако, иметь в виду, что для плодородных угодий южной России повышение температуры может означать, что из-за засухи неурожайных годов станет больше. На севере таяние вечной мерзлоты осложнило бы и так непростые условия строительства инфраструктуры. Из-за более коротких зим использование некоторых природных ресурсов стало бы более трудным, потому что из-за бездорожья мороз и зима являются необходимыми условиями, в частности, для лесозаготовок. В прошлом декабре я посетил Сыктывкар в Коми, и к тому времени там еще не могли начать вывоз из леса заготовленной древесины на заводы. Обычно древесина начинает поступать на заводы к середине ноября. Растет потребность в складировании древесины, необходимо также иметь больше грузовой и лесозаготовительной техники, и все это увеличивает расходы. Потребность в отоплении зимой действительно уменьшится при потеплении, но одновременно возрастет потребность в охлаждении летом. По этой причине в США, например, пик потребления электроэнергии приходится как раз на лето, а не на самые холодные месяцы в середине зимы. В южных регионах России, в Средней Азии потепление климата способно обострить и так тяжелую проблему с нехваткой воды и привести к вынужденным миграциям населения и конфликтам.

Активное участие России в переговорах усилило бы ее позиции в международной политике и укрепило бы ее престиж как среди индустриальных, так и среди развивающихся стран. Как страна — обладательница самых обширных лесных площадей Россия также имеет решающий голос в переговорах о том, как будет учитываться роль лесов как поглотителя углерода.

Выше были отмечены некоторые технические решения, с помощью которых можно уменьшить выбросы парниковых газов. Многие из них оказывают прямое влияние на мировые энергетические рынки. Ясно, что ископаемое топливо — нефть, уголь и газ — будет являться основой производства энергии еще много десятилетий. Но столь же очевидно, что те решения, которые уже приняты в США, ЕС и Японии, в ближайшие годы приведут к неуклонному сокращению потребления ископаемых энергоносителей. Насколько быстро будут внедрены новые, энергосберегающие технологии и новые источники энергии в развивающихся странах зависит от развития глобального баланса спроса и предложения горючих полезных ископаемых.

Лучшей и самой незатратной политикой в области климата и энергетики является энергосбережение. Упомянутое решение администрации США повысить энергоэффективность автомобилей на треть к 2016 году — хороший тому пример. Уже сейчас несомненно то, что помимо традиционных двигателей внутреннего сгорания развитие получают альтернативные технологии. В Японии поставлена цель, чтобы к 2020 году половина продаваемых автомобилей были электрическими. Где-то между традиционным автомобилем с двигателем внутреннего сгорания и электромобилем находятся гибридные автомобили, в которых электродвигатель работает в паре с двигателем внутреннего сгорания. В Японии разработкой гибридов занимаются уже свыше десяти лет, и в данный момент на рынок выводится уже их третье поколение. Гибридные технологии сами по себе не новинка — локомотивы уже много десятилетий работают на основе дизельных двигателей, обеспечивающих тяговые электродвигатели локомотива электроэнергией. Кроме того, существуют предпосылки значи-

тельного повышения эффективности традиционных двигателей внутреннего сгорания. В Финляндии при налогообложении продаваемых автомобилей в прошлом году перешли к расчету налога на основе производимых автомобилями выбросов двуокиси углерода. С 2011 года основой налогообложения для транспортного топлива станут производимые при его сгорании выбросы парниковых газов и прочих загрязнителей воздуха. Добавим сюда еще и то, что доля биотоплива достигнет к 2020 году 10 процентов, из чего следует, что сокращение потребления транспортного топлива из природного сырья произойдет неизбежно.

Итак, автомобильная промышленность весьма заинтересована в выпуске автомобилей с минимальным объемом выбросов. На практике ответственность за выбросы ложится также на производителей электроэнергии или водорода, хотя последняя альтернатива выглядит пока маловероятной, так как развитие водородных автомобилей и необходимой для этого инфраструктуры заметно более медленное, чем развитие электрических автомобилей и аккумуляторных технологий.

По-прежнему в центре внимания повышение энергоэффективности строений. В Финляндии намереваются в начале следующего десятилетия ужесточить на треть нормы энергоэффективности новых жилых помещений. В нашей стране построено несколько многоэтажных домов, в которых, кроме нескольких недель в году, обходятся без отдельного отопления. Необходимую энергию для отопления помещений получают из тепла, отдаваемого людьми, освещением и бытовой техникой. Здесь в России также есть громадный потенциал для уменьшения энергопотребления в жилых помещениях. Многого можно достичь уже с помощью использования термо-

статических клапанов на радиаторах отопления и поквартирного измерения потребления энергии. Дополнительную экономию принесли бы улучшенная термоизоляция стен зданий и окна с улучшенной теплоизоляцией.

Во многих странах уже принято решение о переходе на энергосберегающие лампы. Люминесцентные и светодиодные технологии позволяют достичь в светильниках с мощностью несколько ватт того же освещения что и с лампами накаливания в 40 или 60 ватт. В результате потребление электроэнергии для освещения сокращается в разы. Эффективные технологии позволяют также распространять электрическое освещение в развивающихся странах, например, с помощью солнечной энергии. Таким образом можно улучшить условия жизни, особенно в сельской местности и, возможно, предотвратить миграцию населения в города и последующее превращение городов в трущобы.

Огромное количество энергии сэкономит вторичное использование материалов. Утилизация металлолома позволяет сэкономить до 90 процентов той энергии, которая была бы необходима при производстве металла из руды. То же касается пластмасс и бумаги. Количество макулатуры, которое можно было бы собрать в городе такого масштаба, как Москва, обеспечило бы сырьем по крайней мере пару крупных бумажных заводов.

Выделяющийся при разложении бытовых органических отходов метан тоже можно использовать для производства тепла и электричества и сократить таким образом выбросы в атмосферу метана, который является намного более опасным парниковым газом, чем двуокись углерода.

Альтернативными источниками с наименьшим количеством выбросов в производстве электроэнергии являются ядерная, ветряная, гидроэнергия, солнечная энергия и энергия

Изменение климата представляет настолько реальную угрозу, что я уверен в том, что рано или поздно новое международное соглашение будет достигнуто

приливов. Создание ядерной энергетики — относительно медленный процесс. Кроме того, во многих странах на нее смотрят косо. У тех же стран, которые используют ядерную энергию, опыт в основном положительный. Например, во Франции, где доля ядерной энергии от производства электроэнергии составляет примерно 80 процентов, выбросы двуокиси углерода на душу населения заметно ниже, чем, например, в Германии, которая больше использует в производстве электроэнергии газ и уголь. Однако ядерная энергия будет играть роль и в дальнейшем, как основной энергоисточник для промышленности и крупных городов.

Предпосылки для использования гидроэнергии зависят от географии каждой страны. В некоторых странах, таких как, например, Норвегия, почти все электричество вырабатывается с помощью гидроэнергии. Строительство гидросооружений продолжается в разных концах земного шара, но доля гидроэнергии не является решающей.

Из всех источников энергии с минимальным объемом выбросов ветряная энергетика, наоборот, переживает в данный момент самый большой рост. В США, например, из всех мощностей по производству электроэнергии, вве-

денных в эксплуатацию в 2007 году, доля ветряной энергии составляла 35 процентов. Примечательно также то, что такие электростанции не строятся только в штатах восточного и западного побережья, где отношение к охране окружающей среды традиционно положительное. Ведущим штатом по использованию ветряной энергии в США является Техас, который больше известен в мире как центр нефтяной промышленности. Доля ветряной энергии будет расти быстро во всем мире, и строительство ветряных сооружений стало крупным бизнесом. Хорошим примером здесь является Дания, которая среди первых в Европе начала широкомасштабное использование ветряной энергии. Экспорт ветряной энергии стал в Дании промышленностью, обеспечивающей работой тысячи людей.

Использование солнечной энергии растет более медленными темпами, но и в этой области развитие неоспоримо.

Таким образом, в нашем распоряжении уже сейчас имеются технологии, с помощью которых можно взяться за дело и с помощью которых можно было бы уже сегодня значительно сократить выбросы парниковых газов. Однако этого недостаточно, и разным государствам и предприятиям необходимо вкладывать гораздо больше ресурсов в исследования и конструкторские разработки. Только так мы сможем сделать практические шаги на пути реализации международных соглашений по климату.

Как все упомянутое сказывается на отношениях между Евросоюзом и Россией? Евросоюз представляет собой основной рынок российских энергоносителей, и для Евросоюза Россия является важнейшим поставщиком энергоносителей. Ситуация быстро не меняется и будет такой же и в 2020 году. Вместе с тем в силу решений, принятых в области климатиче-

ской политики, европейский рынок ископаемого топлива будет сокращаться. Добыча нефти и газа на территории Евросоюза будет сокращаться еще быстрее, чем потребление, так что доля импорта в потреблении будет расти.

Потребление некоторых видов энергоносителей, в особенности газа, может еще расти в ближайшие годы в связи с замещением ими других видов топлива, например угля. Но в долгосрочной перспективе и потребление газа пойдет на убыль. У многих важных для Евросоюза стран — поставщиков газа, таких как Норвегия и Алжир, нет альтернативных рынков сбыта, и они будут бороться за свои доли рынка. Россия и страны Каспийского бассейна могут поставлять газ и на восток.

С учетом сказанного планы России по поиску новых рынков в Восточной Азии и Северной Америке вполне разумны. Однако перемены в географии поставок не могут быть быстрыми, потому что для прокладки новых линий трубопроводов и строительства заводов по сжижению газа потребуются годы. Новая инфраструктура требует также масштабных инвестиций.

Добыча, транспортировка и сбыт нефти и газа относятся к задачам отдельных компаний, но межгосударственные соглашения могут содействовать развитию энергетического сектора. Договор к Энергетической хартии одобрен большинством стран Европы. Он подписан, но не ратифицирован Россией. Она выдвинула предложения по заключению нового энергетического соглашения. В настоящее время эти предложения изучаются в Евросоюзе. Может быть, здесь требуется не новый договор, а внесение изменений в существующий путем включения в него предложений России. Однако пока дело до этого не дошло, и обсуждения продолжаются.

17 июня в Германии скончался известный социолог и политик, эксперт Школы Ральф Дарендорф. Публикуемая с небольшими сокращениями статья английской журналистки Хеллы Пик (Hella Pick) была напечатана 19 июня в газете «Гардиан».

Лорд Дарендорф

(1.V.1929–17.VI.2009)

Ученый, ушедший в политику, и политический активист, никогда не забывавший о той интеллектуальной и моральной основе, на которую обязан опираться повседневный демократический процесс, — Ральф Дарендорф, умерший в возрасте 80 лет, был одним из крупнейших социологов своего поколения. Но и помимо этого он был многогранным человеком, который начал жизнь немцем (глубокий отпечаток на его личность наложило недолгое заключение в нацистском концентрационном лагере), а закончил пожизненным членом британской палаты лордов. Он с ошеломительной скоростью переходил с одной профессорской должности на другую, стал первым иностранцем на посту директора Лондонской школы экономики и получил британское гражданство в 1988 году вскоре после того, как был назначен ректором Колледжа святого Антония в Оксфорде.

Как радикалу ему были ближе британские либеральные демократы, нежели германская Свободная демократическая партия, которая ненадолго выдвинула его в правительство Вилли Брандта; как администратор он стал резким критиком бюрократии Европейского союза после того, как четыре года пробыл в составе Европейской комиссии. И все же он был еще и романтиком, твердо преданным идее ЕС как гаранта прав и свобод человека. Идея необходимости подвести под демократию фундамент в виде обширных, конституционно закрепленных прав личности сквозит во всем, что Дарендорф написал и сказал за свою публичную карьеру.

Пока он жил в Германии, в его работах отражался страх того, что послевоенные институты этой страны окажутся недостаточно прочны, чтобы не допустить возврата к диктатуре. В 1970-х, поселившись в Британии, он сосредоточился на классовой системе, однако пришел

к заключению, что экономический прогресс размыл многие старые деления и сформировал, с одной стороны, «класс граждан», а с другой — маргинализированный «низший класс». Задолго до того, как правительство Блэра стало поощрять волонтерство, Дарендорф утверждал, что добровольческому сектору предстоит взять на себя важнейшую роль по отношению к тем, кто оказался выключен из социальных и экономических связей.

После падения Берлинской стены в 1989 году и краха коммунизма его еще более увлекла необходимость сформулировать концепцию гражданства, призванную обойти ловушки национализма и способную поддержать широко распространенный феномен полиэтнических обществ.

Будучи озабочен тем, что он рассматривал как кризис демократии в конце XX века, Дарендорф стал подчеркивать, что основные гражданские права, в том числе равенство перед законом и свобода слова, должны быть узаконены конституционно. Впрочем, он пошел еще дальше, доказывая, что современный статус гражданина должен подразумевать четкие социальные права, дабы избавить людей от незащищенности и обеспечить получение ими образования, а также что нельзя допускать падения их доходов ниже определенного уровня.

Такие права должны быть исключены из партийной политики и конституционно закреплены. Для этой цели, считал он, Британии необходимы билль о правах и писанный основной закон. Соглашаясь с тем, что идеал гражданства до сих пор бывал реализован лишь в пределах национального государства, Дарендорф в то же время пытался нащупать определение гражданства и основных прав вне рамок национального государства — для более крупных и сложных образований.

Дарендорф родился в Гамбурге (городе, к которому он всю жизнь сохранял духовную привязанность), в семье Лины и Густава Дарендорфов. Его отец был замечательным человеком, который от поначалу скромных достижений дорос до депутата от социал-демократов в рейхстаг 1932 года, где нацистская партия получила большинство. Спустя несколько месяцев, в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, Густава арестовали вместе с другими ненацистами из числа членов парламента. После освобождения он перевез семью в Берлин, но на компромиссы с нацистами не шел. В октябре 1944 года он был приговорен к семи годам каторги за участие в провалившемся заговоре против Гитлера.

Тем временем Ральф вступил в нелегальную организацию школьни-ков и писал антиэсэсовские памфлеты, которые раздавал своим ровесникам, обслуживавшим зенитные орудия. Всего через несколько недель после того, как Густава посадили в тюрьму, 16-летний Ральф был арестован и отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд; к моменту своего освобождения в январе 1945 года Ральф был на грани голодной смерти.

В конце войны Густав тоже вышел из тюрьмы, и семья отправилась обратно в Гамбург. Ральф изучал античную культуру и философию в Гамбургском университете, но затем переключился на социологию и получил свою первую ученую степень в 1952 году за диссертацию об идее справедливости в работах Карла Маркса. Далее он перебрался в

Лондонскую школу экономики, где получил леверхьюмовскую стипендию и в 1954 году защитил докторскую диссертацию — «Неквалифицированный труд в британской промышленности».

Ненадолго вернувшись в Германию, Дарендорф получил право читать лекции в германских университетах — за одно из своих самых значимых исследований — «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе». Следующие несколько лет он мотался между США и Германией. В 1958 году он был назначен профессором социологии в Академии экономики и политики в Гамбурге. В 1960 году был приглашенным профессором социологии в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В Тюбингенском университете в 1960 году стал директором социологического института; в 1962 году он снова пересек Атлантику, когда его сделали приглашенным профессором в ванкуверском Университете Британской Колумбии. В 1968 году завязалось его сотрудничество с Гарвардом, кроме того он успел побывать приглашенным профессором в нескольких других британских, голландских и швейцарских университетах.

Самое продолжительное его сотрудничество с германским университетом имело место в Констанце, где он был профессором социологии со времени основания университета в 1966 году. К тому времени он издал целый ряд исследований, включая две из его важнейших книг: «Homo Sociologicus» (1959) и «Общество и демократия в Германии» (1965). Его работы прочно закрепили за ним статус влиятельного и всеми уважаемого ученого. Темы, которыми он занимался, отражали его озабоченность основами демократии и опасения относительно необратимости демократического выбора Германии.

Как и его отец, Дарендорф вступил в СДПГ в день своего 18-летия. В середине 1950-х он увлекся идеей создания проевропейской либеральной партии в противовес сформировавшимся в Германии ультра-националистическим группам.

К 1966 году тревоги Дарендорфа за политическую стабильность в Германии усилились. Он решил вступить в маленькую Свободную демократическую партию (СвДП), в которой видел платформу для защиты демократии. Цели у партии были здравыми. Но он абсолютно неверно оценил ее способность к расширению собственной базы. Он рассчитывал на коренное изменение в расстановке политических сил, при котором СвДП стала бы крупным игроком на политической сцене, однако эти надежды не реализовались.

Тем не менее в 1969 году, когда Брандт формировал свое первое правительство на основе коалиции СДПГ и СвДП, Дарендорф стал депутатом бундестага. Он был назначен парламентским секретарем министра иностранных дел, но этим опытом остался неудовлетворен. Он критически относился к проводимой Брандтом восточной политике и был недоволен, что его назначили на третью позицию в иерархии министерства иностранных дел. Дарендорф был освобожден от должности, когда германское правительство выдвинуло его кандидатуру в качестве одного из своих представителей в ЕЭС (ныне ЕС) в Брюсселе. С 1970 по 1973 год он отвечал за внешние сношения и внешнюю торговлю, а в середине 1973 года его поставили курировать исследовательскую деятельность, науку и образование.

Однако к тому времени Дарендорф и брюссельская комиссия уже устали друг от друга. Воспользовавшись псевдонимом, Дарендорф написал цикл резко критических эссе об институтах ЕЭС, ставя под сомнение направленность и скорость европейской интеграции. Подлинная личность автора вскоре раскрылась. Поэтому когда в сентябре 1973 года Дарендорфу пришло предложение на 10-летний срок занять должность директора Лондонской школы экономики, он с готовностью согласился, хотя знал, что ему придется сильно потрудиться, чтобы упрочить свой авторитет и добиться признания как со стороны «звездных» преподавателей ЛШЭ, так и со стороны радикального студенчества.

Когда следующей весной он занял свой пост, Би-би-си пригласила его прочесть цикл Ритовских лекций того года. Он выбрал тему «Выживание и справедливость в меняющемся мире». Это давало ему возможность уточнить свои идеи по поводу сохранения свободы перед лицом сильной турбулентности в международных делах и в такое время, когда мир представляется отданным на милость таких труднодостижимых сил, как перенаселение, загрязнение окружающей среды и нехватка ресурсов. Он предвосхищал тот комплекс проблем, который впоследствии станут связываться с глобализацией.

Дарендорф настаивал на необходимости установить новые взаимоотношения между властью, экономикой и обществом. Он также доказывал, что в то время, когда демократия и свобода нуждаются в укреплении, близорукость в выработке политики контрпродуктивна и что правительства должны действовать на основе среднесрочного планирования, которое вполне могло бы выходить за рамки парламентских сроков. Ритовские лекции определили тематику многих его последующих работ.

Десятилетие, которое Дарендорф провел в Лондонской школе экономики, оказалось обоюдно плодотворным. Когда срок его директорства там закончился, он вернулся заведовать своей прежней кафедрой социологии в Констанце, а в 1986 году принял приглашение американского Фонда Рассела Сейджа на годичную исследовательскую работу в Нью-Йорке. Потом появилась возможность возглавить еще одно университетское учреждение в Великобритании в качестве ректора Колледжа святого Антония (Оксфорд), этот пост он занимал до 1997 года.

В 1993 году он получил звание пожизненного пэра. Из Колледжа святого Антония перебрался в Лондон, регулярно посещал дебаты в палате лордов (с 2004 года в качестве «независимого») и продолжал читать лекции, писать и заниматься общественной деятельностью. Он подвел итог всех своих раздумий о социологии в книге «Современный социальный конфликт» (1988). Его «Размышления о революции в Восточной Европе» (1990)* заслужили широкое признание, а в 1995 году он выпустил свою «Историю Лондонской школы экономики».

Перевод с английского
Александра Шмелева

---

* Эта книга была издана на русском языке Московской школой политических исследований в 1998 г.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

СВОБОДА И ПОРЯДОК

Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. - М.: Московская школа политических исследований, 2009. — 248 с.

В этой книге известного российского философа и политолога А. Кара-Мурзы исследуется классическая для отечественной мысли проблема: можно ли в русском контексте органично совместить «свободу» и «порядок»? Сборник написан в жанре «интеллектуальных портретов», и его персонажами (русскими либералами по преимуществу) стали политические мыслители XIX–XX вв., которые не только предельно обострили исследуемую проблематику, но и предложили практические модели, призванные обеспечить «русскую свободу» как надежную основу «русского порядка».

Алексей Алексеевич Кара-Мурза — один из самых известных историков отечественного либерализма. Именно под его редакцией и при его определяющем авторском участии вышли уже два издания фундаментальной энциклопедии русского либерализма. В эту книгу вошли статьи автора, в которых исследуется классическая для отечественной мысли проблема: можно ли в русском контексте органично совместить «свободу» и «порядок»? Сборник написан в жанре «интеллектуальных портретов», и его персонажами (русскими либералами по преимуществу) стали политические мыслители XIX–XX вв., которые не только предельно обострили исследуемую проблематику, но и предложили практические модели, при-

званные обеспечить «русскую свободу» как надежную основу «русского порядка».

Обычно принято считать, что либерализм — учение о свободном индивиде, проявляющем себя в экономике, политике, духовной сфере. При таком подходе проблематика «социального порядка» сводится к тому, как из этих свободных индивидов создать устойчивое гармоничное общество. А. Кара-Мурза считает такую позицию «уклоном в интеллигентское морализаторство» и предлагает существенно иной подход. По его мнению, проблема «порядка» является не производной функцией, а *имманентным свойством* любого ответственного политического течения. Еще в 1994 г. в нашу мемуарную статью «Либерализм против

хаоса» А. Кара-Мурза писал: «В том непрекращающемся споре различных идей и концепций, который представляет собой история политической мысли, единственным допустимым критерием может служить лишь практический ответ на вопрос, какая форма политической организации эффективнее противостоит общественному хаосу. Прочность политических систем, так же как устойчивость цивилизаций или культур, проявляется не в их непосредственном противостоянии друг другу, но в способности сдерживать внутренний энтропийный процесс. Поэтому генезис политической науки и философии один — ощущение опасности политического и социального небытия. Из этого же ощущения рождается либерализм — определенный тип решения все той же “экзистенциальной проблемы”».

Значение либерализма, по мнению А. Кара-Мурзы, заключается в том, что он дает *собственные* ответы на вполне *универсальные* вопросы: «Универсальный вопрос политической мысли (которым задается в т.ч. и либерализм), по моему мнению, таков: как возможен социальный порядок, если он в данный момент отсутствует или находится под угрозой? А собственно либеральный ответ на этот вопрос состоит в следующем: общественный порядок возможен тогда и постольку, когда и поскольку допущена свобода человеческой личности». Итак, для А. Кара-Мурзы либерализм — не как просто умонастроение, а именно как общественно-политический проект (сентиментализм или скептицизм, например, тоже умонастроения, но не претендуют на роль политических моделей) — обязан встроить в себя проблематику социального порядка.

Согласно А. Кара-Мурзе, история становления либерального проекта на

Западе с очевидностью показывает: системный либерализм конституируется не столько на почве интеллигентского морализаторства, сколько на основе жестко-политологической констатации деградации и перспективы краха традиционалистских моделей порядка. Так, появление в России первых либеральных проектов (конституционно-реформаторских, просветительских и т.д.) явилось в первую очередь результатом осмысления причин и последствий всплесков «русской смуты» середины XVIII и рубежа XVIII—XIX столетий, связанных с крайней неустойчивостью самодержавно-бюрократического строя и его уязвимостью перед лицом «внутреннего варварства». А это означает, что Россия, с некоторой задержкой, пришла к общеевропейскому выводу, лежащему в основе либерального проекта так такового: человеческой цивилизации угрожает не только «варварство снизу» (Пушкин отчеканил формулу: «бунта бессмысленного и беспощадного»), но и «варварство сверху», ибо самовольная, неправовая власть оборачивается в конечном счете главным врагом не только искомого гражданского строя, но и самой государственности.

Либеральный социокультурный (и в этом контексте — политический) проект, таким образом, состоит в том, чтобы промыслить и реализовать срединный путь между деспотизмом и хаосом, между Сциллой неправовой «Власти» и Харибдой неправовой «Антивласти». Либерализация при таком подходе есть способ социального упорядочивания, а индивидуальная свобода и гражданские права становятся надежной основой нового более эффективного социального порядка.

Из этой общей посылки вытекает и подбор персонажей для новой книги

А. Кара-Мурзы. Сборник открывается «интеллектуальным портретом» А.И. Герцена, который, несмотря на все коловращения социальных обстоятельств, всегда отслеживал состояние и перспективы «русской личности»: даже сельская община в интерпретации позднего Герцена — это спасительное место именно для индивидуальности, субстрат ее дальнейшего культивирования.

«Земскую линию» русского либерализма, идущую от Герцена, продолжили развивать умеренные «провинциальные» земцы, фигуры которых представлены в настоящем сборнике: князь Н.С. Волконский, Н.А. Хомяков, М.А. Стахович. Эти фигуры роднит с Герценом упор на региональное и местное самоуправление. Закономерно и то, что эти люди составили со временем костяк умеренно-либерального направления в русской политике начала XX в. — таких политических организаций, как «Союз 17 октября» (его либеральное крыло) и Партия мирного обновления.

Классический кадетский либерализм представлен в книге именами двух лидеров Конституционно-демократической партии и одновременно крупнейших русских историков — П.Н. Милюкова и А.А. Корнилова. Взяв за некий образец русского развития эпоху Великих реформ Александра II, эти выдающиеся либералы были уверены: устойчивый и справедливый «русский порядок» возможен только на условиях приоритетного развития политической культуры, непременным атрибутом которой является не только местное самоуправление, но и развитый парламентаризм, основанный на закреплённой в праве свободной политической конкуренции.

Анализ либеральных поисков, имевших место в русской эмиграции, ста-

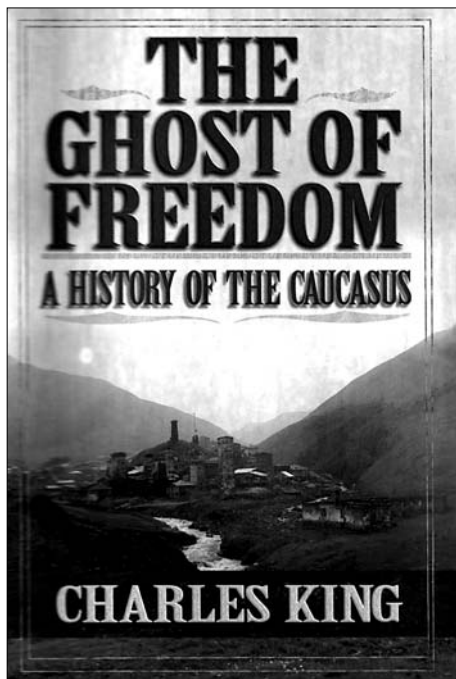
рающей осмыслить не только пути развития исторической России, но и причины большевистского срыва, и — главное — перспективы России после-большевистской, читатель найдет в главах, посвященных Г.П. Федотову и В.В. Вейдле.

В книгу вошли также биографические эссе, посвященные двум малоизвестным фигурам, чье высвобождение из забвения А. Кара-Мурза относит к своим заслугам. Уникальна фигура В.А. Караулова, стремящегося положить в основу будущего порядка не только кадетский социальный реформизм (в этом чувствуются отголоски народнического прошлого Караулова), но и глубокую христианскую религиозность, несвойственную большинству кадетов. Не менее примечательна эволюция взглядов И.П. Алексинского, начинавшего как радикальный критик самодержавно-приказной бюрократии (абсолютно «антигосударственной», по его мнению, корпорации) и ставшего впоследствии (по тем же основаниям!) одним из лидеров анти-большевистской борьбы и Белого движения.

В отдельном разделе представлены в книге и внутрилиберальные интеллектуальные «дуэли», центрирующиеся вокруг проблемы соотношения свободы и порядка: Б.Н. Чичерин — И.С. Аксаков и П.Б. Струве — М.А. Осоргин.

В «Предисловии» к своей новой книге А. Кара-Мурза пишет: «Сегодняшней России, как никогда, нужна *реабилитация либерального проекта* — не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. Это подразумевает в том числе и вывод из небытия и предъявление общественному сознанию подлинных русских либералов — истинных патриотов России».

История Кавказа

Charles King. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. — Oxford University Press, 2008. — 291 p.

Конец 1980 — начало 1990-х годов прошли на Кавказе под знаменами этнонационального возрождения и обретения свободы. Стремление лидеров неформальных общественных движений союзных и автономных республик к освобождению из-под власти КПСС было воспринято как российскими демократами, так и западными интеллектуалами как общедемократическое движение против советского тоталитаризма. В победе этих движений виделся залог достижения как личной свободы армян, азербайджанцев, грузин, абхазов, чеченцев и ингушей, так и освобождение национально-государственных образований разного уровня от опеки Кремля.

Демонстрация 9 апреля 1989 года в Тбилиси,

многочисленные митинги на Театральной площади в Ереване (самый крупный по численности митинг в республике с трехмиллионным населением собрал 1 млн человек) и на площади «Азадлыг» (Свободы) в Баку. Кстати сказать, популярное ныне слово «майдан» стало впервые символом гражданской и политической активности не в Украине, а в Азербайджане в период 18-дневного митинга (17 ноября — 8 декабря 1988 года). Позже день 17 ноября объявят «Днем пробуждения» («Дирчелиш»). Под лозунгами борьбы за свободу и национальное «возрождение» прошли также массовые акции армян Нагорного Карабаха (февраль 1988 года), 30-тысячный сход абхазского народа в селе Лыхны Гудаутского района (14 марта 1989 года), «поющая революция» в Грозном в августе — сентябре 1991 года.

Однако на практике борьба за освобождение карабахских армян привела к затяжному и неразрешенному до сих пор армяно-азербайджанскому конфликту, свобода и независимость Грузии была оплачена грузино-абхазским и грузино-осетинским конфликтами, внутригрузинской гражданской войной 1993 года, а самоопределение народов Северного Кавказа — серией военных кампаний в Чечне и осетино-ингушским конфликтом.

Так почему же регион Большого Кавказа в последние два десятилетия превратился в очаг нестабильности не только для государств региона, но и для всего мира? Почему свобода оказалась для этого региона призрачной? Ответ на этот вопрос пытаются дать и в России, и на Западе.

Но, к сожалению, количество написанного мало влияет на качество понимания того, что произошло в течение последних двух десятилетий в турбулентном регионе Евразии. Причина этого очевидна. Обсуждение кавказских проблем по большей части происходит в формате нескольких монологов. Первый — это монолог о «всемирно-исторической миссии» России в регионе, ее исключительно позитивном влиянии на кавказские народы, второй — о перманентной борьбе этих самых народов против российской «имперской агрессии», и третий — о преобразующей роли Запада в приобщении народов Кавказа к «ценностям демократии». Зачастую эти три диалога ведутся без должного понимания кавказской истории, знания исторических источников и хотя бы робких попыток понять мотивацию оппонента.

В этой связи появление серьезных исследований, посвященных «евразийским Балканам» (как уже успели окрестить Кавказ на рубеже веков), можно только приветствовать. К числу таковых можно отнести работу профессора Джорджтаунского университета Чарльза Кинга «Призрак свободы. История Кавказа». Название для своего труда автор позаимствовал из известной поэмы Александра Пушкина «Кавказский пленник», главный герой которой, оставив свою родину, отправился на Кавказ «с веселым призраком свободы». Книга, состоящая из пяти глав, охватывает историю Кавказского региона начиная с XVIII века до настоящего времени. Выбор автором именно этого хронологического периода представляется оправданным. Именно в XVIII веке постепенно, шаг за шагом Кавказ превращается в приоритетный регион для России. Выиграв геополитическую конкуренцию у Персидской державы и Османской империи, империя Романовых начинает «освоение» Большого Кавказа, процесс сложный и противоречивый, включивший в себя государственный триумф и многочисленные личные трагедии. В политическом же смысле Кавказский регион был в наибольшей степени объединен под властью российского государства (в различных формах его существования: Российская империя, СССР). Сегодня на территории российского Северного Кавказа, превышающей по площади три независимые и признанные международным сообществом страны Южного Кавказа (Армения, Азербайджан и Грузия), находятся 7 субъектов РФ полностью и два частично. Именно Россия, как гегемон Кавказского региона, в первую очередь столкнулась с формированием кавказских национализмов и попытками формирования в этой части мира государств-наций.

Основной части своего исследования Чарльз Кинг предпослал обстоятельное теоретико-методологическое введение, названное им «Бастион природы». Здесь автор делает принципиально важный вывод о Кавказе, как регионе с подвижными идентичностями, границами, лояльностями, которые «появлялись и исчезали и снова появлялись в другой форме часто в течение короткого промежутка времени» (р. 14.). Кинг приводит несколько иллюстрирующих примеров: «Армяне были, вероятно, наиболее привилегированной немусульманской группой в Османской империи. Их признание в качестве особо защищенной общины уходило своими корнями в самый начальный период Османской имперской системы. Но уже к 1890-м годам они стали мишенью для страшного государственного насилия и геноцида в период Первой мировой войны... В период

позднего Средневековья территория, называемая Грузией, исчезла с карты, замененная массой противостоящих друг другу феодальных царств, княжеств. Потребовалось много десятилетий, начиная с 1801 года, чтобы Российская империя собрала их снова воедино... Этноним «азербайджанцы» не имел четкого этнического наполнения до XX века. Сегодня — это основа для сильного национального сознания, не говоря уже о государстве. Во время Кавказских войн XIX века адыги (черкесы) были теми, кто вел наиболее длительное по времени сопротивление против российской власти. Сегодня адыги — один из самых политически лояльных компонентов среди народов российского Северного Кавказа, даже во время поднятой чеченцами герильи середины 1990-х годов» (р. 14). Добавим, что после признания Россией независимости Абхазии даже представители адыго-абхазской диаспоры (потомки махаджиров), настроенные по отношению к России жестко и критически, стали высказывать позитивные суждения о российской политике на Кавказе. В то же время Грузия, считавшаяся в течение всего XIX века форпостом влияния Российской империи на Кавказе, стала для современной РФ самым неудобным государством всего постсоветского пространства.

К теме перманентной «смены вех» («стабильной нестабильности») на Кавказе Чарльз Кинг обращается на протяжении всего своего труда неоднократно. Он делает это, рассматривая историю кавказского сопротивления российской гегемонии (глава 2), особенности формирования государств-наций в первой четверти XX века (глава 4) и на рубеже XX—XXI столетий (глава 5). Говоря о неоднозначной роли кавказских переселенцев в этнических конфликтах внутри Османской империи в конце XIX — начале XX столетия, Кинг замечает: «Как это не раз случалось в Кавказской истории, жертвы одной эпохи становились в другое время злоумышленниками» (р. 98).

В первой главе («Империи и границы») своего труда автор рассматривает Кавказ как пространство для различных имперских дискурсов (персидского, турецкого, российского). Вторым фокусом его внимания в этой главе является «пограничное размежевание» на Большом Кавказе в результате установления российской политической гегемонии. С его точки зрения, «империалисты всегда являются природженными оптимистами. Они постоянно переоценивают свою силу и недооценивают тех, кого поставили своей целью завоевать. Со временем они начинают верить в напыщенные титулы, которыми жалуют себя и своих подданных» (р. 20).

Достоинством работы Кинга является то, что он пытается выйти за рамки дилеммы «российский колониализм — справедливая культуртрегерская миссия России». Завоевание Кавказа «войной и договором», с одной стороны, принесло стабильность («солдаты стабилизировали рубеж», «картографы нанесли на карты побережья и горы», «администраторы построили новые политические и социальные институты по всей территории». Добавлю к этому «списку» европеизацию, модернизацию, прекращение разбойных нападений и безопасность для местных жителей). Но, с другой стороны, перечисленный позитив сопровождался «исключением определенных традиций жизни, которые в течение веков обеспечивали выживание людей и процветание культур» в имперском «смешении» (р. 63).

Вторая глава, «Владычество и сопротивление», посвящена такой сложной и противоречивой теме истории, актуализированной накануне и в процессе распада СССР, как сопротивление народов Кавказа российской гегемонии. Здесь дан качественный обзор различных движений, ставивших своей целью сопротивление Российской империи (от мюридизма в восточной части Кавказа до черкесской борьбы в западной части региона). Чарльз Кинг рассматривает нарратив Кавказской войны как часть национальной памяти кавказских народов внутри России и в диаспоре (Турция, страны Ближнего Востока).

Именно эта глава сочинения американского профессора представляется в наибольшей степени отстраненной от эмоциональных оценок, выдержанной в позитивистском ключе (согласно формуле немецкого историка Леопольда фон Ранке *es eigentlich gewesen* — «как действительно было»).

Третья глава, «Воображаемый Кавказ», посвящена осмыслению Кавказа в русской культуре (художественной литературе, произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого), историографии (труды Броневского). В ней же автор показывает постепенный (но неуклонный) рост интереса к Кавказу со стороны западных правительств и интеллектуалов. Фактически Кинг описывает два специфических образа региона, сложившихся в России и в Европе (с присущими любым процессам «воображения» романтизмом и в то же время упрощенчеством). По мнению Кинга, в течение XIX века Кавказ существенно изменил свою роль. Из места поэтических мечтаний (Кавказ как заповедная территория свободы) он превратился в территорию политической конкуренции, пространство «практической политики» (р. 141).

Четвертая и пятая главы, соответственно «Нации и революции» и «Время тревог», посвящены проблеме формирования государств-наций на Большом Кавказе в начале XX и на рубеже XX–XXI столетий. Если первый опыт постимперского национального строительства закончился неудачей (Армения, Азербайджан и Грузия были включены в орбиту большевистской России, став впоследствии союзными республиками), то второй завершился успехом, учитывая сам факт существования национальных государств, признаваемых международным сообществом. Автор описывает неудачу федералистского проекта в Закавказье (Закавказская федерация), сравнивает черты политического устройства и идеологию трех республик в период их первой независимости (1918–1920 гг. в Армении и в Азербайджане, 1918–1921 гг. в Грузии), показывает предпосылки для советизации «Большого Кавказа». В советский период, по мнению Кинга, Кавказ пережил период «относительного спокойствия и изоляции», а западные чиновники, которые посещали этот регион в период железного занавеса, составляли отчеты, напоминавшие по своему стилю впечатления «путешественников XVIII столетия» (р. 199). Но именно в этот внешне стабильный период в регионе происходили процессы сложнейшей трансформации. По мнению автора, новое послесталинское поколение кавказских управленцев создавало предпосылки для превращения союзных советских республик «в независимые нации-государства». Автор пишет о «техниках», которые для этого использовались (мобилизация исторической памяти, защита национального языка, «историзация» политики, этническая гомогенизация). Кинг также отмечает

важные особенности диссидентского движения в республиках Кавказа, говоря о том, что главной их мотивацией была борьба за «национальное процветание против того, что воспринималось как антинациональное государство с русским доминированием» (р. 209).

Крайне важная тема, поднятая Кингом, — отношение мирового сообщества к сецессии на Большом Кавказе в период и после распада СССР. Автор справедливо полагает, что «постсоветский порядок на Кавказе был не естественным итогом стремления отдельных наций к независимости, но скорее отражением способности мирового сообщества терпеть один вид сецессии, но отвергать другой. В конце концов, история успешной сецессии в случае с Арменией, Азербайджаном и Грузией стала легитимной посредством международного признания и членства в многосторонних организациях. Сецессия же непризнанных режимов Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии рассматривались извне как бесперспективные попытки рационализировать капризы сепаратистов» (р. 220). При этом Кинг замечает, что такие черты, как «государственная слабость, произвол власти, экономическая неопределенность имеют мало отношения к территориальному статусу. Эти болезни были выражены одинаково повсюду на Кавказе вне зависимости от того, где живут граждане, в настоящем или вымышленном государстве» (р. 220).

Добротная книга Чарльза Кинга, однако, не является идеальным исследованием. В ней есть определенные изъяны. Думается, что сочинение по истории Кавказа только выиграло, если бы в нем содержалась специальная историографическая глава. Глава «Воображаемый Кавказ» касается этой проблемы лишь фрагментарно. Между тем очевидно, что какими бы достоинствами исследование американского профессора ни обладало, у него были предшественники (российская, советская историческая наука, западное кавказоведение, национальные исторические школы). Спору нет, историография — это большая самостоятельная проблема. Но зафиксировать основные историографические тренды, объяснить их динамику автор не просто мог, а должен был сделать. Не слишком понятны взгляды автора на перспективы развития проблемного региона. Обретет ли плоть «призрак свободы» на Кавказе? На этот вопрос автор отвечает пунктирно в заключении («Континентальный сдвиг», pp. 243–250). Впрочем, и перспективы «европеизации» здесь только прорисованы. Между тем иногда ловишь себя на мысли, что хорошая и качественная констатация лучше, чем оторванные от знания материала «практические рекомендации». Работа же Кинга ценна не только собранными фактами, но точными наблюдениями и принципиально важными обобщениями. И самое главное, она лишена характерного (что греха таить) для многих американских работ дидактизма. Автор не учит своих читателей, он приглашает их к полемике и делится тем, что другие не увидели или рассмотрели через искаженное зеркало стереотипов, фобий и национальной ангажированности.

Сергей Маркедонов,
заведующий отделом проблем межнациональных отношений
Института политического и военного анализа

Региональное книжное обозрение

В поисках гражданского общества. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. — 400 с. (Серия «Научные доклады»; вып. 5)

Сегодня стало модой, признаком осведомленности сказать: «В России гражданского общества нет!». Говорят это политики, ученые — исследователи, эксперты. Легко сказать. Нет — и все. И не нужно разбираться в сложностях общественного устройства, взаимоотношениях граждан и институтов, во многом другом. А в России, как известно, для красного словца не пожалеют и отца, и вот слышим мы это многократное повторение: гражданского общества в России нет, нет, нет и так до бесконечности. Что это? Какая-то наша особенная национальная лень, которая выражается в игнорировании общественных сложностей? Боязнь затронуть запретную тему? Опасение ошибиться в разговоре о сложной и многогранной теме? Что-то еще? Наверное, всего понемногу. Мы живем в политической реальности, где свободно можно сказать: демократии нет, свободы слова нет, гражданского общества нет. И ничего за это не будет. Ну, нет и нет. Человек, говорящий так, лишает себя права апеллировать к ценностям свободы и демократии. За что его наказывать? Действительно, не за что. А вот заявить, что демократия есть, что она

требует того-то и того-то, что демократию надо защищать, что гражданское общество нужно строить и развивать — это шаг. Это ответственность. Ответственность одновременно перед властью и оппозицией (у нас, как это ни парадоксально, доказывать наличие гражданского общества надо и той и другой. Оценки властью и оппозицией гражданского сознания россиян негативны и поразительным образом совпадают), перед теми, кто ищет этого самого гражданского общества.

Здесь легко можно понять и власть, и оппозицию. Власть убеждает граждан, что нет никаких перспектив для изменений. Она выставляет оппозицию в нарочито клоунском виде, твердит об отсутствии гражданского общества и демократии, чтобы убедить граждан — бесполезно что-то делать, ничего нет и, стало быть, ничего не получится. Трудно понять оппонентов власти, или, скорей, не хочется оказаться правым в их оценках; ведь сегодняшняя оппозиция, будучи самой заинтересованной в гражданском обществе стороной, яростнее всех твердит о его отсутствии. За этим, как мне кажется, прячется нежелание серьезно и «в долгую» работать, ожидание того, что все решится само собой, как-нибудь кризис все решит, власть сама упадет в руки и волна народной любви на своем гребне занесет оппозиционеров прямиком в Кремль. А для этого нужно не

гражданское общество, создаваемое кропотливой и долгой работой, а бунт и хаос. Но повторяюсь, хотел бы ошибиться и с удовольствием признаю ошибку, увидев обратное.

Что является основой гражданского общества? Как оно возникает? Почему в одних странах оно развивается успешно, а в других нет? И наконец, гражданское общество в России все-таки есть или нет? На эти и другие вопросы, связанные с жизнью гражданского общества, пытаются ответить авторы коллективной монографии «В поисках гражданского общества». Она представляет собой результат сотрудничества исследователей этой темы из девяти регионов России и США в рамках проекта «Символические проекции гражданского общества», программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОМ» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Монография состоит из трех разделов; первый и второй разделы представляют собой глубокие теоретические построения и размышления. Их результат — комплексное представление гражданского общества.

«Альтернативы концептуализации гражданского общества» — первый раздел монографии, в котором авторы сосредоточились на описании дискурса и генезиса, взаимозависимости гражданского общества и цивилизованного государства. Ученые: М.В. Ильин (Москва), Л.Е. Бляхер (Хабаровск), К.Ф. Завершинский (Великий Новгород), Н.А. Кашей (Великий Новгород), М.В. Гаврилова (Санкт-Петербург), Н.Г. Федотова (Великий Новгород), С.Н. Большаков (Великий Новгород).

«Дилеммы институирования гражданского общества в России» — название второго раздела, где представили работы авторы В.А. Ачкасов (Санкт-Петербург), О.Ю. Малинова (Москва), И.Ф. Ярулин (Хабаровск), А.Ю. Сунгуров (Санкт-Петербург), А.В. Дука (Санкт-Петербург), А.В. Алейников (Санкт-Петербург), М.В. Гуреев (Великий Новгород), В.А. Смирнов (Великий Новгород), дающие интерпретацию процесса институционализации гражданского общества.

«Специфика практик современных гражданских сообществ» — третий раздел, посвященный практике гражданских организаций и гражданских инициатив. Этот аспект анализируют В.Г. Ледяев (Москва), А.Н. Соловьева (Архангельск), Д.В. Козлов (Иркутск), Е.В. Бродовская (Тула), М.Е. Жихаревич (Псков), Н.А. Романович (Воронеж), Н.В. Осташова (Великий Новгород), Николай Петро (США)

Для меня особый интерес представляет третий раздел — посвященный гражданской общественной практике. Так получилось, что я участвовал в движении протеста против строительства нефтепровода по берегу Байкала. Этот случай анализирует в своей работе Д.В. Козлов. На мой взгляд, это идеальный пример гражданского протеста, который не просто был организован, проведен, но и дал конкретный результат. Хотя ситуация для протеста (как и всегда в нашей стране) была очень не подходящей. Все федеральные и региональные органы власти единодушно поддержали проект строительства трубы. Никакие доводы рассудка властями предрержащими не принимались. Но протестующие добились своего. Как только президент России нарисовал свои три знаменитые стрелочки (кстати, после выступления тогдашнего президента Бурятии По-

тапова, заверившего Путина в единодушной поддержке строительства трубопровода всем населением и оскорблений в адрес протестующих), тут же на место гражданского общества власть подставила себя, нимало не смущаясь, заявив, что это именно она добилась результата. И рождается миф, что, мол, и Единая Россия, и губернатор были против, а гражданское общество, оно, мол, ни причем, ну кто на него обращал внимание, спасли Байкал — спасибо власти! Другой пример — выступления автомобилистов против повышения пошлин. Власть вынуждена была реагировать и принимать срочные меры, но опять как бы сама по себе, ни разу не упомянув побудительным мотивом своих мер активные протесты граждан.

Может, здесь есть и еще одна причина мнения о гражданском обществе в России как о слабом и ни на что не способном. Бюрократия умело присваивает себе все плюсы от общественного действия; если общество чего-то добивается, то тут же результат приписывается власти, чиновникам, кому угодно, только не гражданским организациям, на них как раз списываются все проблемы и ошибки. Но хочется верить, что это явление временное.

Книга наверняка будет интересна как для ученых и исследователей, так и для людей, работающих в некоммерческом общественном секторе. Много полезного в ней найдут политические лидеры, представители власти. В ней собраны и прекрасные теоретические построения на тему общественного устройства и эффективная практика гражданской деятельности.

Игорь Князев,
директор по развитию МШПИ,
кандидат политических наук

Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Дмитрия Медведева / Под общ. ред. М.М. Плотниковой. — Иркутск: Типография «На Чехова», 2008. — 218 с.

Целью рецензируемой книги стало изучение деятельности Иркутской городской думы как составной части городского общественного управления и создание целостной картины ее развития как института управления городским хозяйством. Кроме того, авторы представили точки зрения иркутских общественных деятелей на развитие местного самоуправления в целом.

Книга разделена на три главы: «Городское общественное самоуправление по мысли законодателей и на практике», «Городское общественное самоуправление: дела текущие» и «Иркутская городская дума: от политической нестабильности до современного положения». В первой главе показано, каким образом представлялось местное самоуправление законодателям XVIII—XIX веков и как на практике реализовывались тогда положения закона. Во второй главе рассказывается, как Иркутская городская дума и управа справлялись со своими непосредственными обязанностями, как принимались и исполнялись решения, а в качестве примеров взяты три вопроса — принятие плана города, вопросы содержания дорог и практика налогообложения постоянных дворов Иркутска. В третьей главе рассматриваются два полярных периода XX века — 1917–1920 годы и 1990-е годы. Авторы показывают, как городская дума из органа, занимавшегося исключительно хозяйственными вопросами, превратилась в площадку для политических баталий. Большое внимание уделено также современной политике Иркутской городской

думы и основным тенденциям ее нынешнего развития.

В книге есть приложение, включающее в себя тексты законодательных актов, ставших основой для работы думы с XVIII века до настоящего времени, а также архивные документы, характеризующие работу думы.

По мнению авторов, многие проблемы современного местного самоуправления достались нам из прошлого. Например, отношения «город — губерния — столица» даже сто лет назад были не всегда доброжелательными. Например, иркутские гласные показали себя прагматиками во время русско-японской войны 1904—1905 годов, когда отказались принять в пятидесяти-тысячный город такое же количество раненых. Они понимали, что реализация подобных планов царского правительства могла привести к продовольственной катастрофе.

Другой пример — низкая явка избирателей на выборы. Сто лет назад в Иркутске она редко поднималась выше 10%, а в 1917 году, когда было введено всеобщее избирательное право, достигла лишь 26%. Кроме того, в царском Иркутске многие заседания думы отменялись из-за отсутствия кворума. Городской голова В. Сукачев с 1887 года стал публиковать сведения о числе заседаний и их посещаемости в «Известиях городской думы», из которых мы узнаем, что все 40 заседаний за 1886 год не посетил ни один гласный.

К сожалению, до нашего времени не дожила традиция, в соответствии с которой иркутские генерал-губернаторы после утверждения императором встречались с городским сообществом. Любопытной особенностью того времени было и то, что не все предложения губернатора принимались гласными Иркутска. Так, например, в 1886 году генерал-губернатор А.П. Игнатьев просил городскую думу принять театр в ведение города, на что получил категорический отказ, поскольку гласные признали это нецелесообразным.

Дума сыграла большую роль в развитии города, и это мы ощущаем до сих пор. Так, она стремилась приблизить к городскому центру великую сибирскую магистраль, и ее усилия увенчались успехом. Благодаря этому Иркутск не повторил ошибку Томска, оставшегося в стороне от железной дороги. По мере активизации дальневосточной политики правительства именно городские депутаты добились того, чтобы Иркутск становился центром ее реализации.

Выход подобных книг — явление крайне отрадное. В конце концов, российская жизнь — это то, что происходит не в столицах, а на местах. И поэтому практика местного самоуправления в прошлом и настоящем заслуживает самого пристального внимания.

Алексей Петров

Воспоминания о

*Михаил Коваль,
председатель региональной общественной организации «Свобода выбора»
(Новосибирск), выпускник Школы 2008 г.*

Часть первая

Путешествовать в моем положении, да еще без машины, занятие хлопотное. Во-первых, инвалидная коляска пройдет не везде, во-вторых, на костылях много не пройти, в-третьих, при всех комбинациях средств доставки тела все равно многое остается недоступным, в-пятых, и то и другое плюс дорожную сумку надо тащить с собой, в-двадцатых, состояние унижительной беспомощности может наступить совершенно неожиданно в любом месте. Поэтому, когда мне предложили слетать на семинар в Страсбург от Московской школы политических исследований, неоднозначные чувства посетили меня. С одной стороны, первая в жизни заграница, более того, Франция, с мушкетерами, королями и прочими героями, с которыми прошли детство и юность. С другой — вне машины я полностью терял автономность и становился фактически грузом. Но попробовать по крайней мере стоило. Я ответил, что готов, и принялся ждать, предаваясь поочередно мечтам и сомнениям. Последних было больше. Даже созерцание французской визы и собственного изображения в ней не прибавляло уверенности в сбыте мечт. Напротив, уверенность, что найдется обстоятельство, которое собьет меня с предначертанного пути, даже как будто крепла. Да, хотел давно, да, в нужную сторону двигался, да, у других это все прекрасно получалось миллион раз. Но альтер эго продолжало стелать, причитать и призывать препятствия стать на моем пути. «Как?!» — твердило оно мне. «Как ты себе это представляешь? Во французской стороне, на чужой планете, с хорошим знанием пяти слов местного языка и средним знанием языка аглицкого, без разговорной практики. Без машины! Без возможности самостоятельно передвигаться на расстояние более 50 метров. На положении ручной клади. Ты хорошо подумал?» — вопрошало оно меня. Резонные соображения, что из нескольких десятков здоровых людей, летящих вместе со мной в качестве группы экспертов, всегда найдется пара мужиков на подмогу, утешали слабо. Но как бы ни мучили страхи и сомнения, отказываться в последний момент было свинством и подлой подставой; я выкинул из головы лишние мысли, собрал остатки любопытства и решил посмотреть, что из этого выйдет.

Сомнения, волнения и прочие чувства закончились в аэропорту. Процесс пошел. Меня же занимала задача минимизировать трудности с

моей доставкой. Ангел мой Аннушка был всегда то за спиной, то рядом, то впереди, спасая от непонятных вопросов, заполнения бланков и поиска информации. Если бы не она... Меня везли, регистрировали, доставляли, кормили и поили. На специальной узкой коляске служащие доставили меня на борт, провезли между креслами в хвост и разместили у окошка. Там и просидел всю дорогу, разглядывая попеременно облака и бесконечную очередь в туалет. Летели мы не сразу в Страсбург. Сначала Париж и переезд на автобусе в другой аэропорт для пересадки. Конечно, наши люди смириться с этим не могли. Группа подговорила водителя проехать через центр Парижа. Кстати, здесь и далее в процессе всевозможных перемещений я открыл для себя возможность поездок в автобусе, подтягиваясь по поручням на место рядом с водителем. Встречающая нашу группу мадам русского происхождения рассказала, что это за места и какие тут царят обычаи и нравы. Славный традициями автоподжогов и бунтов пригород Сен-Дени выглядел мирно и даже вполне симпатично. Когда начался центр — площадь Звезды, Триумфальная арка, Дом инвалидов, Монмартр и проч., я вновь почувствовал раздвоение сознания. Почти то же чувство, когда впервые оказывался в Москве, Ленинграде, Великом Новгороде. Я был в Париже, это было вполне реально и даже чем-то похоже на уже виденное и осязаемое где-то, но сюрреалистичное ощущение от попадания в то, что было историей и литературой, не проходило. Водитель сделал остановку на площади Трокадеро. Группа высыпала из автобуса и прошла по парижскому асфальту. Неподалеку стояла Эйфелева башня, знакомая и не такая уж высокая. Подошли негры со связками сувениров в виде этой самой башни и на ломаном русском предлагали три по цене одного. Мы тронулись в сторону елисейских полей, и я наконец поверил, что я тут, в самом центре Парижа и ничего удивительного здесь нет.

Дальше было как-то вполне привычно. Аэропорт Орли, где отобрали совсем новый дезодорант, уже привычно вежливые и улыбающиеся французы и француженки, взлет-посадка, чуть попроще, но такой же вежливый и доброжелательный Страсбург, поездка на автобусе на месте гида, отель с запахом кофе, на 99 процентов совпавший с моими ожиданиями, булыжные мостовые с пробивающейся травкой, чужие странные растения. Другой мир, другие люди и даже другие собаки, совершенно спокойные и толерантные. Опускался вечер. Я смотрел на дом через улочку, на окна в крыше, внимал непонятной, но явно французской речи. Оставалось поверить, что это первая ночь во Франции.

Часть вторая

А вечером мы пошли гулять. Проезжали редкие и очень спокойные, особенно после Москвы, автомобили, шли, под стать им, такие же спокойные граждане. Хорошо освещенные улицы и площади, магазины и лавки, кафе, памятники, соборы, мосты, башни, фонари и скульптуры. Ходи и любуйся. Немного поплутав, заглянув даже на окраину местно-

В зале Совета Европы

го Гарлема, мы вернулись по одному из многочисленных мостиков в центр. Темнело, на мой взгляд, рановато, но, видимо, естественно для этих широт. Впечатляющие храмы ночью выглядели еще более строго и величественно. Вертя головами, мы продвигались куда-то в направлении колокольного звона. И совершенно вдруг увидели это. Из-за поворота. И остановились, задирая голову выше и выше. Нотр-Дам де Страсбур. Какое-то время даже не было слов от восторга и величия увиденного. Медленно мы обошли его кругом, устроились за столиком быстро тут же на площади. И только когда местное белое вино начало оказывать действие, междометия уступили место осмысленным предложениям.

Все-таки ехали мы сюда не для отдыха. Сессии и дискуссии в стенах Совета Европы, то, что называлось Летним университетом для школ политических исследований из стран восточной Европы, были нашим основным занятием. Соответственно, подъем был ранний. Открыл глаза и забыл про желание еще поспать. Ничего не исчезло. Тот же номер, соседний дом с балкончиками и цветами, утренний шум. В душе царил покой. Все было удобно, доступно, комфортно. Поплескался, оделся, сел в коляску и на лифте спустился к завтраку. Совершенно мелкая и совершенно бытовая подробность. Но как же приятно, что она именно в таком качестве и ничуть не вырастает до проблемы. После совершенно французского завтрака с круассанами, кофе, фруктовым салатом, сыром и много чем еще выкатился на улицу отдышаться

и заодно уж посмотреть, на чем нас повезут в Совет Европы. Тут выяснилось, что неразбериха — штука интернациональная. Приглашенных групп было много, где стоял наш автобус, было неизвестно, и про спецтранспорт для доставки моей персоны тоже забыли. Впрочем, достаточно быстро все утряслось, автобус нашли, а я уже привычно устроился рядом с водителем. К чести организаторов это был единственный случай, когда мне пришлось таким образом ехать на сессию. Он же положил начало частному исследованию всевозможных маршрутов «дом — работа», «работа — дом». Забегая вперед, специальный микроавтобус из категории социального такси с опускающейся задней подвеской, пандусом и фиксаторами коляски был всегда другой. Получается, что только я насчитал их с десятков на маленький Страсбург. В Новосибирске таких не встречал. Интересно, сколько их в огромной Москве? Разные водители ехали разными маршрутами, что приятно, всегда привозя в нужное место.

Совет Европы оказался вполне официальным не самым внушительным зданием. Только развевающиеся флаги указывали на особую значимость объекта. Не успел я додумать мысль об историческом значении события и моей роли в истории, как оказался внутри здания. На этом месте способность думать меня в принципе покинула. Я отдался исключительно созерцанию. Двери, лифты, переходы — все современно, практично, удобно. Зал заседаний дворца Европы узнал. Много раз видел в телевизоре. Возможность попасть сюда лично приравнивал к межпланетному путешествию. И тут краем сознания я отметил и злорадно ухмыльнулся: в эпицентре европейской демократии не было пандусов. Пришлось прыгать на коляске по ступенькам. «Не забыть бы подать на них в суд по правам человека, — попытался я сделать зарубку в сознании, — благо недалеко ходить». Ну и, конечно, забыл. Гимн, председатель Совета Европы товарищ Терри Дэвис открыл заседание. Четвертый летний университет начался. Все внимательно слушали. Некоторые что-то писали в выданных блокнотах. Написал и я.

*Обитель права и свободы,
Амфитеатр, ложи, своды.
Демократичные слова,
Привычно внемлют им народы,
Не изменившие природы
И либеральные едва.*

Часть третья

Во множестве конференций, проходивших в залах Совета Европы, главное было определиться с тем, что ты хочешь. Глобальные вызовы демократии шли со всех сторон. Разноцветные залы предлагали слушателям самые разные темы. Но самым интересным, как обычно, оказывались не темы, скорее типичные и банальные, а выступавшие, которые делали это либо с личностным отношением, заинтересованно, либо нет. Что-то хотелось поддержать, чему-то оппонировать,

поэтому спать на вот таких лекциях не хотелось. Зато с вопросами не задалось. Или слушатели не подготовились, или просто мне не повезло. По настоящему серьезной дискуссии почти нигде не получалось. На вопрос ни о чем докладчики повторялись. А на острые и неудобные вопросы из зала упорно не желали отвечать. Чего тут больше, особой чиновничьей культуры, разности менталитетов или гипертрофированной политкорректности, трудно сказать. Наиболее искренне прошла встреча с судьей от РФ и уже под занавес мероприятия встреча наших и грузинских товарищей, напомнившая о родственных узах и о том, что у политиков и народов интересы не всегда совпадают.

А еще мы там обедали. По расписанию. В ресторане Европарламента! Предвкушал. Не впечатлился. Ни в первый день, ни в дальнейшем. Но ведь и не жрать сюда приехали. Поэтому по возможности мы с Аннушкой обедали и само собой ужинали в местных кафе и рестораниках. Вечера проходили в странствиях по бульварам, улочкам и дворикам среди многочисленных заведений французской, немецкой, итальянской и турецкой кухонь. Географические и кулинарные познания быстро росли. А если в компании оказывался прилетевший вместе с нами вице-президент Центра политических технологий, приятный собеседник и невероятный эрудит Алексей Макаркин, то мы получали к тому же развернутую справку об истории, культуре, архитектуре и известных личностях всех прилегающих и далеко отстоящих местностей.

Здания Совета Европы, Европарламента и Европейского суда расположены в непосредственной близости друг от друга, но разделены речкой Иль и каналом, так что каждое стоит на своем берегу. Мы передвигались по коридорам вдоль стеклянных стен, ходили на обед по застекленному мостику, катались в стеклянных лифтах. Только курильщики могли выходить на специальные открытые площадки, где по стеклянным колоннам струилась вода. Вообще, вода — это часть облика Страсбурга. Центр города — это остров. Река Иль, каналы, шлюзы, плотины... В былые годы в целях обороны предусматривалось даже затопление части города. Десятка два мостов соединяют центральную часть города по периметру с остальной городской территорией. Вокруг центра и дальше до Совета Европы курсируют речные трамвайчики. Кстати, о последних. В жизни на них не катался. Но старший группы, худой и очень хозяйственный Лев помог с билетами и посадкой на кораблик. Выглянуло солнце и сопровождало нас почти всю дорогу. Голос в наушниках рассказывал на русском. Проплывали берега, вздымались башни, спускались к воде дома. Удивительный город в неожиданном ракурсе. Люди в окнах и просто на берегу махали нам как родным. Мы отвечали взаимностью. Когда поездка заканчивалась, поднялся ветер, а когда мы добрались до сувенирных лавок вблизи собора, полил дождь. Даже природа на время экскурсии была к нам благожелательна.

Я бы сказал, что Страсбург очень удобный. В том числе и размерами. Жить и передвигаться в нем одно удовольствие. За неделю странствий по городу не встретилось ни одного серьезного препятствия. Оказалось, что можно от привокзального отеля, где мы жили, добраться до «рабо-

ты» через весь город пешим образом, что и было проделано в два приема. Я проехал даже на обычном страсбургском трамвае, без чьей либо помощи вкатившись в него на коляске. Просто перроны общественного транспорта устроены вровень с его полом и внутри тоже все ровно и без ступенек. Как они это сделали, ума не приложу! Велосипеды, инвалидные и детские коляски — привилегированный вид транспорта. Когда я спускался от здания Совета Европы по специальной дорожке под шлагбаумом к остановке, где меня ждало социальное такси, навстречу въехали машины с дипломатическими номерами в сопровождении мотоэскорта с мигалками. Я по привычке подумал, что сейчас переедут и как звать не спросят, и прижался в сторонку. Ан нет. Они меня пропустили и даже махали из машины. Странные люди, однозначно

Часть четвертая

Не стать ли мне католиком? С православными храмами как-то не задалось. Уж больно лестницы круты. Не для всех. Первым из подвернувшихся культовых учреждений, оказавшимся вполне доступным для меня, стал вышеупомянутый Нотр-Дам де Страсбур. Его строительство началось в 12-м веке и продолжалось несколько столетий. Вот уж где старались люди не напрасно. Как обычно, я стал напрягать воображение, пытаясь представить, что там внутри, что могло бы явиться глазам моим, если бы оказался там. Вышло, однако, что не было нужды вызывать в памяти чужие впечатления и фотографии. На выбор были обычный вход с двумя широкими и невысокими, вполне преодолимыми ступенями, а также специальный совершенно ровный — для колясок. Десять секунд и мы внутри. Под картинами витражей, под скульптурами на вечные библейские темы, притихшие под величественными сводами, уходящими в невероятную высоту, звучащими миллионами молитв, вознесенных здесь за века. Вместе с другими посетителями мы двигались по проходам между скамьями, ставили свечки, покупали сувениры. Бросили монетки в щели решетки, закрывавшей подземелье, на груды других монет. Молчавший орган мрачно возвышался над нами. И глядя вверх, туда, где наверняка еще висели отголоски последних нот, я гадал, как?! Как возводились в то время и по сию пору держатся там над нами еще несколько таких же этажей, куда мы не смогли попасть? Славные времена королей, отважных рыцарей и прекрасных дам, крестовых походов и инквизиции.

Великие идеи чем-то похожи. Может, коммунизм вырос из христианства? Ради идеи любви и прощения шли на смерть, зывали к терпению, создавали шедевры и огнем и мечом истребляли неверных. В прошлом уже веке стремление к всеобщему счастью слегка осовременило десять заповедей и значительно усовершенствовало систему наказаний отступников. Вот только свобода и равенство все равно вместе не живут.

В зале заседаний Совета Европы нам показали небольшой фильм про год 89-й и падение Берлинской стены. Я помню и этот год, и предше-

ствующие ему. Даже когда все было еще прочно и относительно сыто, в воздухе уже висело ощущение потери смысла. Мы пели о том, что ждем перемен, и ждали, ждали, кто же начнет. Как-то обвалом рухнула империя, которая устала сама от себя и раскалывалась изнутри. Как будто у бетонной конструкции сгнила арматура. На экране юбилейные мероприятия, хроника событий, речи, воспоминания. Двадцать лет спустя. Другой мир, другие возможности, те же страсти. Одна делегация отчаянно хлопает докладчику, другая демонстративно покидает зал. «Когда народы распри позабыв...».

В конце концов нам вручили дипломы и пришло время уезжать. А соответственно, оставлять уютные улочки, усыпанные корой платанов, вечно увядающей листвой, лишённые традиционного мусора, окурков и проч. А еще сказочной красоты парк через дорогу от Совета Европы, где на крыше ресторана живут аисты, у пруда гуляют лебеди и, говорят, проживает еще много разной живности, до которой мы в этот раз не добрались. А еще много привлекательных уголков, кафешек и ресторанчиков, оставшихся в значительной мере неизведанными. А еще, и особенно, жителей, неизменно вежливых и приветливых. Единственное, что меня во всем этом утешает, так это лежащая в подвале собора монетка.

Признаюсь, хотел проделать обратный путь до Парижа самостоятельно. Взять напрокат машину и поехать, выпитывая ощущения. Так, чтобы остановиться где хочешь и погулять когда вздумается. Выяснив, где берут машины в прокат, я «мудро» отложил это дело на утро отъезда. В этом месте надо сказать что-нибудь самокритичное. Скажем так — увы. Не в этот раз. Помахал товарищам, направлявшимся к автобусу, и отправился брать машину. И тут выяснилось, что в наличии нет ничего. Ни в одной из четырех фирм по прокату авто. Смутно, постепенно осознавая, что предусмотрительность выглядит как-то по другому, пристыженный, я был возвращен в автобус, не отъехавший исключительно в силу местной неторопливости. Обратный путь прошел в обратном порядке, включая экскурсию по Парижу, с той лишь разницей, что в Орли водитель и сопровождающий нас товарищ были другими, и экскурсия по уже знакомому и «привычному» городу тоже получилась другой. Товарищ не был профессиональным гидом. Указывая на достопримечательности, он не давал историческую справку, а просто делился своим личным опытом, восприятием и отношением к этому городу. К тому же бесплатно.

Эр Франс несла нас через Европу домой. В этот раз облаков не было. Внизу все освоено и плотно заселено. Ни клочка свободной от человека дикой природы. После Сибири это особенно впечатляло. Воображение не справлялось с осознанием того, что тысячи лет на этой земле рождались и воевали народы, расцветали и разрушались города, территория обретала историю, великую культуру и жестокий опыт. Луна отражалась в крыле, различавшиеся по величине колонии светлячков указывали на проплывающие внизу города. Вот в зареве, огнях до горизонта, опоясанная МКАДом появилась Москва. Вот колеса побежали по бетонке. По салону пронесся коллективный грустный вздох. Путешествие закончилось.

CONTENTS

To Our Reader

Is the Council of Europe Relevant today?

Jean-Louis Laurent 5**Seminar**

The Crisis and Discussion on the Social Contract

Aleksander Auzan 10

Discussion 20

Freedom of Words 26

Theme of the Issue

Security and Freedom

Charles Vivian ..... 27**Challenges and Threats**

Globalization and Ethno-cultural Transit as Catalysts for Terrorism

Sergei Bolshakov, Galina Gribanova 37**Discussion**

Why is Culture Necessary?

Aleksander Arkhangelskii 49

Politics and Culture Today

Boris Dubin ..... 56**Values and Interests**

Confession of Disbelief

Maxim Trudolyubov ..... 63**Science and Society**

Science and Innovative Activity

Anton Baldin 69**Viewpoint**

After Capitalism

Geoff Mulgan ..... 79**A Life in the Profession**

To Believe and to Act Together

Sonya Licht 91

Lifestyle in the Name of...

Regina Sultanova ..... 96**Horizons of Understanding**

Climate and Energy: A European Perspective

Matti Anttonen 99

In memoriam

Ralph Darendorf	
<i>Hella Pick</i>	107

Announcement

Freedom and Order	
<i>Aleksey Kara-Murza</i>	111

Books

A History of the Caucasus	
<i>Serguei Markedonov</i>	114
Regional Book Review	
<i>Igor Kniazev</i>	119
<i>Aleksei Petrov</i>	121

Nota bene

Remembering	
<i>Mikhail Koval</i>	123

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, июль-август 2009 г.)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Вячеслав Бахмин

Сергей Гогин

Чарльз Грант

Александр Грушко

Андрей Захаров

Ольга Климина

Алексей Макаркин

Роберт Скидельски

Михаил Сульман

Максим Трудолобов

Евгения Формальнова

Подписано в печать 9.10.2009.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8,25.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: mmps@mmps.su
<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-009-8

9 785917 340098